

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИВАР АСИДАМ И ВОЖДЬ НАЧИКА МАШУРИН

Георг Стеллер в своей книге «Описание земли Камчатки» в двадцать первой главе, которая называется «О первоначальном присоединении Камчатки», сообщает нам следующие подробности о первых походах казаков на Камчатку. Правда, как дополняет сам автор, документальных подтверждений всему этому ему обнаружить не удалось:

«Достойно сожаления, что в архивах Камчатского приказа не найти ни малейших указаний на все то, что касается присоединения страны и способов покорения столь многочисленного народа; равным образом не найти там и описания всего тогда происшедшего, а именно: каким образом были взяты одно за другим разные селения и какие от поры до времени происходили там восстания и столкновения. Сохранившиеся доселе документы, особенно находящиеся в Большерецком остроге, написаны, за отсутствием бумаги, на березовой коре китайскою тушью. Хранились они безо всякого присмотра в сырых амбарах и поэтому отчасти сгнили, отчасти совершенно потускнели и стали неудобочитаемыми. Уже много лет тому назад это зло оказалось непоправимым. Несмотря на это, несколько лет назад сюда было направлено из Якутска специальное лицо с поручением изъять местный архив изо всех острогов и доставить его в Якутск, но и этому лицу пришлось безрезультатно вернуться. Поэтому в нашем распоряжении есть только то, что удалось собрать на основании сообщений старых, заслуживающих доверия людей и что из этого материала путем усердного и неоднократно повторявшегося опроса разных лиц в разное время и в разных местах можно было признать более или менее достоверным».

И вот первая рассказанная им история, которую он предлагает нам считать достоверной:

«Нижний острог и Камчатка были заняты и заселены первыми, да и казаки предварительно получили благоприятные сведения, а также переводчиков из числа коряков. От реки Камчатки казаки, в составе всего только 17 человек, поплыли в байдарах в Кроноку, а оттуда двинулись сухим путем к реке Верхней. В те времена жил в том месте, где ныне находится Верхний острог, могущественный ительмен по имени Ивар Асидам, которому все до самой Большой реки было покорно. Этот человек, к моему величайшему сожалению, умер в 1741 году, а мне так хотелось повидаться и поговорить с

ним. Он послал к Большой реке своих людей и велел нескольким прибывшим морским путем казакам явиться к нему. При посредстве корякской переводчицы он спросил их, что им нужно, откуда и зачем они прибыли. Казаки ответили, что они явились от великого и могущественного владыки, которому подвластна вся земля, и что ему, ительмену, надлежит платить им ежегодно ясак или дарить соболей за то, что они, казаки, будут проживать на его земле. Очень удивившись, что пришельцы будут проживать не в своей стране, а в чужой и что они прибыли из страны, о которой ительмены никогда ничего не слыхали, Ивар созвал совет. На этом совете он заявил, что раз эти сильные, высокие и храбрые люди, числом четыре, осмелились появиться среди такой большой толпы народа и столь смело потребовали ясака для своего повелителя, то ему, Асидаму, этот иноземный народ представляется весьма могущественным и притом очень умным; это можно усмотреть по одежде чужеземцев и по их железным инструментам. А так как эти люди привезли ительменам всевозможного рода полезный железный товар и требуют за него только лисьи и собольи меха, он считал бы необходимым не только не причинять им никакого вреда, но согласиться, в силу обилия у них, ительменов, зверья, на их предложение и из-за подобных пустяков не превращать этих людей в своих врагов: ведь если их убить, то явятся более значительные отряды их, которые пожелают отомстить за своих братьев. Вдобавок, закончил он свою речь, он принял во внимание также мужество и силу русских сравнительно с соответственными качествами камчадалов. И вот когда русских снова допустили к нему, им вынесли гораздо больше собольих шкурок, чем они рассчитывали; тогда русские, в свою очередь, одарили ительменов ножами. Упомянутый Ивар пользовался этим своим первым ножом, в память о рассказанном событии, почти до конца своей жизни. Затем русских с их соболями, отправили, со строгим запретом причинять им какой-либо вред, под конвоем к Большой реке и отпустили там с любезным указанием, что они поступят очень хорошо, если больше сюда не вернутся».

Легенда, конечно, интересная и поучительная, которую взяли на вооружение многие из историков и писателей, в том числе и я сам, пока не было замечено, что другой великий исследователь Камчатки Степан Крашенинников, который, в отличие от Стеллера, побывал в здешних местах до «смерти» Ивара Асидама (Азидама) и мог быть с ним лично знаком, ни разу не упоминает это имя в своей огромной книге, а также в своих подробных рапортах —

«Алхалалалай» — обрядовый праздник ительменов на Камчатке, kamgov.ru

отчетах о результатах своих путешествий по Камчатке.

И, естественно, встает вопрос — кто из двух великих ученых был либо недобросовестен в сборе исторического материала, доверяя недостоверным слухам, либо вообще выступал в роли «сочинителя», а не исследователя камчатской истории?

Камчатский краевед Валерий Быкасов в своем очерке «Исторические персонажи ительменов в представлении Г. Стеллера» пытается отыскать какие-то духовные истоки превращения Георгия Стеллера в барона Мюнхгаузена, который придумал несколько крупных исторических фигур среди камчадалов — помимо Ивара Азидама еще и Кончата и Шантала (Шандала):

«…сидя под вой пурги в глуши Большерецка над своими бумагами при свете свечи, а то и обыкновенного жирника, Г. Стеллер, при его живости ума и изрядной фантазии просто не мог не поддаться влиянию этих мифов. А, не исключено, и сам приложил руку к их появлению в части создания образов Кончата, Шандала и Ивара Асидама. Не исключено, поскольку это был единственный, пожалуй, способ не спиться или не сойти с ума. И тем самым, скажу окончательно, в своих научных изысканиях Г. Стеллер проявил не только редкостную наблюдательность и научную дотошность, но и очевидную фантазию. Ту самую фантазию, благодаря которой его вполне уместно причислить к неистребимому племени Мюнхаузенов. Но что позволено и простительно человеку в его положении, не дано исследователям, пытающимся разобраться в сути происходящих в начале освоения и покорения Камчатки событий. То есть, как бы не были привлекательны представления Г. Стеллера относительно названных исторических персонажей, они не находят, по крайней мере — пока, документального подтверждения. А потому правильнее будет всякий раз подчеркивать, когда мы говорим о том же Иваре Асидаме, что это всего лишь предположение Г. Стеллера. Предположение, которое имеет право на существование, но не может претендовать на истину в последней инстанции. Тем более не может, что во всем стеллеровском «Описании земли Камчатки» имя Ивар Асидам первый и единственный раз употребляется только и только в вышеприведенном фрагменте. А этого явно недостаточно для того, чтобы стать непреложным фактом».

Странная, конечно, версия — убедительно доказав, что данный образ — плод «живости ума и изрядной фантазии», автор обоснованного ее разгрома предлагает все же считать эту самую фантазию «предположением Стеллера»…

Но… последуем и мы этому примеру.

Из всех самых первых предполагаемых походов на Камчатку документально подтвержден только морской поход анадырского приказчика Ивана Меркурьевича Бакшеева Рубца с целовальником (приемщиком ясака) Федотом (Федором) Лаптевым, которые в составе двух экипажей кочей провели зиму 1662–1663 гг. в верховьях реки Камчатка на реке, которую впоследствии называли Федотихой (Никул).

Что самое главное — в обнаруженных известным ленинградским ученым Борисом Петровичем Полевым документах Иван Рубец сообщает именно о том, что он побывал в верховьях реки Камчатка.

И никакого столкновения между коренными камчадалами и пришельцами, действительно, не произошло. Иван Рубец «со товарищи» благополучно возвратился в Анадырский острог.

Портрет-реконструкция Г.В. Стеллера, худ. И. Станков, baynature.org

Через полвека в здешних местах появляется Владимир Атласов.

И вот, что он сообщает (извиняемся за повтор, но он имеет здесь принципиальное значение): «И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

Внутренний вид зимнего жилища, Камчатка. Иллюстрация к английскому изданию «Описание земли Камчатка» 1784 г., ККМГИ

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и руских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году».

То есть, если верить Атласову, то верхнекамчатские камчадалы использовали

Река Камчатка, Д. Жаров, smorodina.com

русских против своих же — нижнекамчатских — камчадалов.

Что же касается коренных жителей верховьев этой реки, то в их родовых владениях расположился впоследствии по приказу Атласова отряд казака Потапа Серюкова, состоящих из казаков, промышленных людей и союзных им юкагиров, которые прожили в здешних местах три года, занимаясь охотой на пушного зверя и сбором ясака, не конфликтуя с местным населением.

Без конфликта расположился в Верхнекамчатском зимовье и первый официальный приказчик, присланный со своим отрядом из Якутска, Тимофей Родионович Кобелев, который направил экспедицию во главе с Родионом Преснецовым на юг Камчатки, и казаки прошли всю эту (впоследствии самую воинственную) часть полуострова, исследовав юго-восточное и юго-западные побережья и открыв Авачинскую бухту, без каких-либо военных конфликтов.

По сообщению С.П. Крашенинникова, Кобелев «ясак как по реке Камчатке, так и по Пенжинскому и Бобровому морю, собирал он невольной, и с ясашною казной выехал в Якутск в 1704 году благополучно».

Во времена Степана Петровича Крашенинникова в верховьях (да и во всем бассейне) реки Камчатка самым крупным населенным пунктом был острожек Кунупочич, тойоном которого был Начика Машурин.

Вот, что сообщает С.П. Крашенинников об этих поселениях:

Чаничев острог, тойон Ганала, 37 мужчин платят ясак соболями, 57 — лисицами. Всего в острожке 94 «ясашных плательщиков».

Иромлин острог, тойон Шипкамак — ясачных 43 человека (19 «собольников» и 24 «лисичника»).

Машурин острог (Кунупочич) — 154 (84 и 70).

Шапин или Шепен, тойон Начика — 13 (8 и 5)

Тулуач, тойон Канач Кукин — 12 (3 и 9)

Козыревской (Накшин, Колю), тойон Накша — 14 (5 и 9)

Вытылгинской, тойон Выргач — 6 (4 и 2).

В 1731 году тойон Начика Машурин не поддержал Харчинский бунт, хотя целый ряд следственных материалов был построен на его показаниях: «1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тоен Начика в скаске своей сказал. Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тягосныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и соболями, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Тополином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брал и кунным на Шапиной и по Козыревской реках.

Да сего ж 731 году был за юкольным сбором служилой человек Никита Дурынин с товарыщи при сборщике Андреяне Рюмине и брали юколы с каждого человека по три вязки, а кормами у нас сего году

Камчатская огневка, pinimg.com

против старого весьма недоход, не ведаем, как и зима нам будет проявить и ясак ея императорского величества добыть. А ежели и впредь будут такие поборы, изличиша, то нам притти будет во всеконечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболей нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеетца, то все берут вместо чащин».

В знак особого расположения к вождю вехнекамчатских камчадалов Начике Машурину руководитель Розыскной канцелярии по делу о Харчинском бунте майор Якутского полка Василий Федорович Мерлин стал крестным отцом вождя при его крещении в православие и получении нового имени — Егора Васильевича Мерлина.

Все камчатские Мерлины — потомки тойона Начики Машурина. И мы чуть позже расскажем об их исторической судьбе.

Фрагмент острожной стены, воссозданной в селе Мильково в память о Верхнекамчатском остроге

Но вернемся к вопросу о том, почему верхнекамчатские камчадалы не поддержали Харчинский бунт?

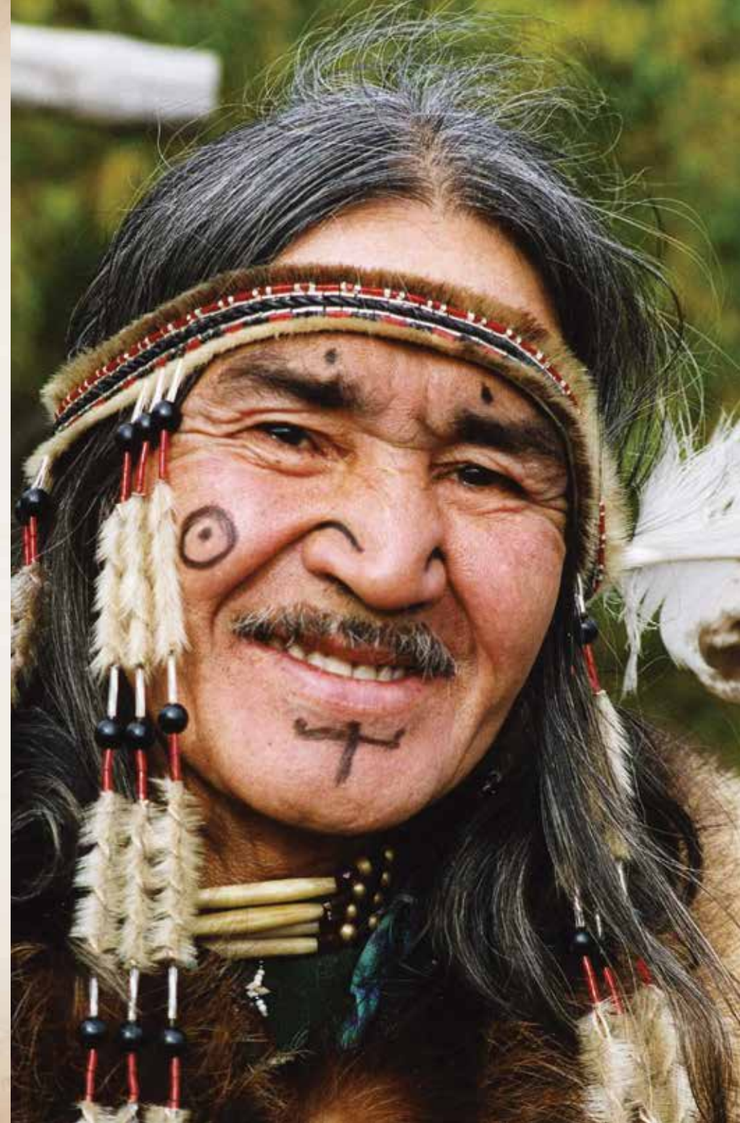
Причина очень простая.

Верхнекамчатцы были постоянными союзниками русских казаков.

Собственно, поэтому казаки первоначально и обосновались в здешних местах, где, по «предположению Стеллера» их мог принять и щедро одарить некий мудрый вождь. Вполне вероятно, что это был отец Начики Машурина.

Но думаю, что все было еще проще — основное население в бассейне реки Камчатка было сгруппировано в ее среднем и нижнем течении. И нижнекамчатские камчадалы (то есть Атласов не соврал) были постоянными обидчиками более слабых (в количественном измерении) верхнекамчатцев, постоянно нуждавшихся в пополнении своих рыбных запасов, так как в верховья лосось приходил уже в брачном наряде.

В 1713 году этот военный союз, заключенный между верхнекамчатскими камчадалами и казаками, был испытан на прочность. Вот, например, что пишет А.С. Зуев: «По распоряжению И. Енисейского, каратель-

Ительмен Борис Жирков, солист в балетах «Мэнго» и «Эмэм Кутх»

ный отряд в 120 служилых в сопровождении 150 ительменов под командованием Никиты Дурынина ходил на «авачинских изменников», которые в прошлом году уничтожили отряд Д. Анциферова. Были разгромлены два острожка, а их защитники в большинстве перебиты, остались лишь «малые люди». По данным С.П. Крашенинникова, «изменники сидели в осаде в таком крепком остроге, что казаки недели с две стоять под ним принуждены были, и два раза приступали без всякого успеху; наконец огнем сожгли, и всех камчадалов, которые выбегали во время пожара, побили, оставя токмо тех, которые до зажжения к ним вышли, и ясак платить обещались. То же учинили они и с жителями Паратуна острожка, который приступом взяли». Побитые авачинцы были принуждены к уплате ясака. Крашенинников указывал, что именно с этого времени «авачинские камчадалы начали ясак платить погодно, а прежде служивые довольны бывали тем, что камчадалы им давали, и то не повсягодно, ибо они по большей части бывали в измене».

Гравюра, Паратунские горячие ключи

Обратим внимание на тот факт, что и в первой и второй приведенных нами цитатах фигурирует одно и то же имя — Никита Дурынин. Кстати говоря, верхнекамчатские казаки не выдали впоследствии Дурынина следствию, и он не проходит (возможно в связи со смертью) по спискам казаков, которые были жестокого наказаны за все то, что перечислял в своем обвинении Начика Машурин (Егор Васильевич Мерлин).

А вот какую запись со слов жителей Машура оставил через 120 лет после Харчинского восстания Карл фон Дитмар: «Поселение расположено очень живописно на высоком левом берегу главной реки и окружено рослым, густым хвойным лесом. 10 жилых домов со службами были в полной исправности и порядке; жители (33 мужчины и 23 женщины) имели свежий и здоровый вид. Нас тотчас же отвели в очень опрятный дом тойона Мерлина, где мы встретили приветливый и радушный прием со стороны хозяев. Мерлины принадлежат к очень старому камчадальскому роду, который ведет свое начало от одного древнего народного героя. Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну».

Гулгуч — это Голгочь, тойон ключевских камчадалов, родной дядя Федора и Степана Харчиных. О причинах этого убийства в нашем следующем рассказе.

А теперь несколько слов о Мерлиных.

Одного из сыновей вождя обучил грамоте камчатский ссыльный Ивашкин (настоящая фамилия которого была Квашнин). Грамотный камчадал был переведен в Большерецкий острог, где женился на дочери казака. И здесь этот род разъединился — часть его детей осталась на западном побережье в селах Явино и Голыгино, а один из сыновей был направлен тойоном (вождем) в село Шаромы (Шеромы). И кстати, эта династия руководила селом и в годы Советской власти — председателем колхоза был Захар Иванович Мерлин, а председателем сельского Совета — Валентин Иванович Мерлин.

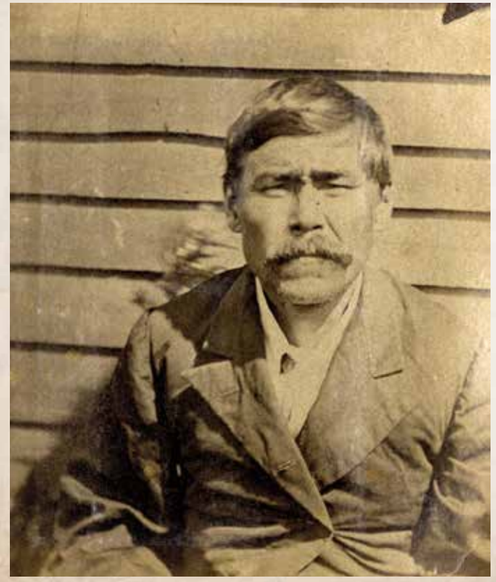
Но и это еще не все.

В 1840-х годах часть жителей сел Явино и Голыгино переселили в центральную Камчатку — в села Начики и Голыгино.

Иван Мерлин (отчество, к сожалению, пока неизвестно), 1807 года рождения, камчадал с. Начики принимал непосредствен-

ное участие в обороне Петропавловского порта в августе-сентябре 1854 года и был награжден бронзовой памятной медалью на Георгиевской ленте.

В 1855 году по призыву камчатского губернатора Василия Завойко принять участие в обороне Петропавловского порта прибыли жители центральной Камчатки — в их числе был и Егор Мерлин (1825 г. р.) — уроженец села Машура, награжденный впоследствии памятной медалью на Андреевской ленте.

Камчадал. Староста Мерлин.
Из альбома Б. Дыбовского

Известно, что главный замысел японского десанта из отставных унтер-офицеров, высадившихся летом 1904 года в устье реки Озерной (западной) заключался в том, чтобы захватить территорию проживания айнов (курилов), которые в 1875 году при обмене Южного Сахалина на Курильские острова не захотели быть подданными микадо и переселились с островов Шумшу и Парамушир на материковую Камчатку к своим камчатским родственникам — курильским камчадалам, проживавших в селах Явино и Голыгино.

Последний тойон Мерлин — председатель Шаромского сельского совета Валентин Иванович Мерлин

В Явино, которое японцы, действительно, захватили, их командир — отставной лейтенант императорского флота Японии Сечу Гундзи — прибил доску с надписью о том, что эта земля «уже принадлежит Японии».

Но в ответ получили удар от народных ополченцев, в рядах которых были и многочисленные Мерлины:

Мерлин Алексей Родионович (1882), с. Голыгино; Мерлин Василий, с. Щапино; Мерлин Гурий, с. Кирганик; Мерлин Егор Ульянович (1870), с. Голыгино; Мерлин Иван Маркелович (1876), с. Голыгино; Мерлин Николай Ульянович (1875), с. Голыгино; Мерлин Павел Маркелович (1880), с. Голыгино.

Сражался с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны Мерлин Анемподист Ильич (1919), награжденный орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Известный камчатский поэт Георгий Германович Поротов посвятил Анемподисту Ильичу одно из своих стихотворений:

Мерлин Анемподист Ильич,
худ. Винокуров А.Ф. (из фондов КГКУ ККОМ)

Трехмерная панорама «Десант на Шумшу. Последний остров войны», culture.admsakhalin.ru

Гроза отмыла небеса
Ядреный день. И воздух чист.
Пойдем в прибрежные леса,
Мой старый друг Анемподист.
Давно с тобою не бродил
Под шаловливый птичий свист.
Ты черный волос убелил
Мой старый друг Анемподист.
Я помню: в гулкий день весны,
Когда тальник раскинул лист,
На костылях пришел с войны
Мой старый друг Анемподист.
И, заглушив назавтра боли,
На трактор сел артиллерист,
Пахал и ночевал на поле,
Мой старый друг Анемподист.
Пойдем по рощам молодым,
Там ручеек такой речист…
Болит нога? Ну, посидим,
Мой старый друг Анемподист.

Участниками Курильского десанта были: Мерлин Василий Петрович (1910), с. Мильково; Мерлин Василий Васильевич; Мерлин Гавриил Михайлович (1927), с. Шаромы; Мерлин Гурий Вениаминович (1923), с. Машура; Мерлин Иван Семенович (1926), с. Мильково; Мерлин Иннокентий Вениаминович (1926), с. Машура; Мерлин Михаил Сергеевич (1922 – 18.08.1945), с. Мильково, похоронен в братской могиле на острове Шумшу.

КЫМГУ РУСАК

Первым русским поселением на восточном побережье современного Камчатского края, возникшим за два года до похода Владимира Атласова, стоит считать острог, построенный казаками и промышленными людьми Луки Семеновича Старицына Мороски и Ивана Васильевича Голыгина на реке Апуке.

Строил и обживал острог один из представителей сибирской служило-торгово-промышленной корпорации Ворыпаевых (Воропаевых) по одним данным Никита, по другим — Михаил Ворыпаев.

Михаил Иванович Белов дает ему следующую характеристику: «Торговый человек Никита Ворыпаев — один из крупных колымских промышленников XVII в., выдающийся полярный мореход и землепроходец. Нам известны его походы: в 1650 г. от Жиганска на Индигирку (ЯА, к. 12, ст. 1), в 1654 г. от Колымы до Жиганска (ЯА, к. 15. ст. 8), в 1660 г. от Колымы до Жиганска (ЯА, к. 17, ст. 11), в 1664 г. от Колымы до Бузина острова (Яна) (ЯА, к. 20, ст. 3), в 1685 г. от Колымы на Лену (ЯА, к. 37, ст. 5). Он принимал участие в открытии Камчатского полуострова и побывал там с торгами раньше Морозки и Атласова, как косвенно подтверждает сам Морозко».

То, что Никита Ворыпаев был послан в эти края, за Нос, на Чукотку, подтверждает и этот документ:

«Царю, государю и великому князю Феодору Алексеевичю… бьет челом холоп твой казак Микитка Ворыпаев.

Бил челом тебе, великому государю, на меня, холопа твоего, по кабале в долгу в четырехстах рублех торговой человек Иван Федоров сын Катаев, а мне, холопу твоему, ныне сказана твоя, великого государя, служба — итти морем за Нос вожем.

Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич… пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том ево иску дать сроку, как я, холоп твой, приду с твоей, государевы, з заморские службы.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: «187-го августа в 3 день. В-ыску для службы осрочить, а послать паметь, велеть ево выслоть из-за Носья с-Ываном Потаповым и Любимом Козанцовым. А послон он, Никитка, для морскова ходу, что ему тот хот за обычей и от Колымы дорогу за Нос знает, и для того и послон» (ф. Якутская приказная изба, ст. № 2398, л. 9).

Но в 1685 году Никита Федорович вернулся в Якутск: «…в прошлом во 193 году на Козыме в Нижнем зимовье приезжали весною о Благовещеньеве дни… заносские служилые люди, которые вышли великих государей з десятинною костяною казною через Камень, казаки Ивашко Грыцкой, Микитка Ворыпаев, Антипко Сидоров, Якунька Пермяков, а сколько пуд костяной казны, того он, Сенька, не упомнит. И те де казаки Ивашко Грыцкой, поделав суды, пошли с тою костяною казною морем…».

Иллюстрация из «Путешествие по Восточной Сибири» И. Булычова

Оседлые и оленные коряки. Иллюстрация из альбома «Этнографическое описание народов России» (“Description ethnographique des peuples de la Russie”)

В другом своем труде («Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку») все тот же М.И. Белов пишет о том, что Апукское зимовье (или, может быть, острожек) строил Михаил Ворыпаев:

«Морозко пишет, что «с служилыми людьми, служа и радея вам, великим государем, взял камчацкий острожек, а до Камчатки реки не доходил один день для того - за малолюдством служилых людей». Судя по тому, что и позднее использовали этот маршрут, путь Морозки на реку Камчатку пролегал по западному берегу полуострова через бассейн реки Тигиль. Но уверенности в этом нет.

Результаты этого похода оказались весьма важными. Поход Морозки положил начало постоянным русским поселениям и непрерывному пребыванию русских на Камчатке. Уходя с Опуки, Морозко оставил там небольшой отряд казаков и, очевидно, юкагир. В число казаков входил известный в те годы полярный мореход Михаил Ворыпаев. Перед Ворыпаевым с товарищами были поставлены задачи, во-первых, держать связь с опукскими коряками с тем, чтобы им «итти с ваших великих государей ясачным платежом в Анадырский острог без боязни», во-вторых, стараться призывать под «великих государей самодержавные царские руки в ясачный платеж» соседние племена, иными словами расширять русское влияние на Камчатке».

Хотя в этой же самой своей работе Михаил Иванович снова возвращается к тому, что в Апуке был Никита Ворыпаев: «1 февраля Атласов вышел «во Олюторскую землю и на Камчатку реку». С первого взгляда может показаться непонятным, почему Атласов шел вдоль восточного берега полуострова, тогда как прямая дорога на реку Камчатку лежала вдоль западного берега. Это станет понятным, если мы вспомним маршрут Луки Морозки. Именно этого маршрута придерживался Атласов. Возможно, имело также

значение желание связаться с группой Никиты Ворыпаева. Вплоть до реки Камчатки Атласов следовал по маршруту Луки Морозки, который ему показывали казаки из отряда Морозки. К сожалению, встреча с группой Никиты Ворыпаева, оставшейся на Камчатке по время похода Луки Морозки и Ивана Голыгина в 1695–1696 гг., не состоялась».

Мы уделяем столько места выяснению имени этого Ворыпаева по одной простой причине — Никите Федоровичу Ворыпаеву было слишком много лет для такого похода — на Чукотку он был послан в 7187 году от сотворения мира, то есть в 1679 году (а на Индигирку вообще в 1650!). В 1683 году его сын — казак Мишка Никитин Ворыпаев — был приказчиком Анадырского острога, а до этого в 1680 году был сборщиком ясака на реке Пенжине. Поэтому сомневаюсь я и в том, чтобы Михаил Никитич был «на побегушках» у Мороски.

А вот, что сообщает по этому поводу А.С. Зуев, ссылаясь на другие источники: «1696 год. Л. Морозко в конце 1695 или в начале 1696 г. отправился во второй поход на Камчатку (среди участников этого похода называют также И. Голыгина и И. Енисейского). Приказчик Анадырского острога М. Многогрешний дал Морозко задание объясачить коряков на р. Апуке. Численность отряда определяется в литературе по-разному: 16 казаков; 11 казаков, 7 промышленных людей и 40 чуванских и ходынских юкагиров; 13 русских и 40 иноземцов.

Из Анадырска отряд вышел на Пенжину, затем двинулся далее на юг вдоль Пенжинского залива. Потом повернул на северо-восток, пересек хребет и вышел в район р. Апуки, где заложил зимовье, в котором оставил небольшую группу казаков, промышленников и несколько юкагиров во главе с Михаилом Ворыпаевым».

А вот, наконец, что сообщает сам Лука Старицын: «Да я же, Лучка, служа правдою вам, великим государям для достальных опуцких коряк привозу под ваши великих государей самодержавные царские высокие руки оставил двух человек казаков, да третьего толмача Мишку Ворыпаева, чтобы им оленным опуцкого коряк итти с вашим великого государя ясачным платежом в Анадырский острожек без боязни...».

Обратим внимание на тот факт, что инициатором этого похода был Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин. Это его полное имя — в истории он встречается то как Михаил Зиновьев, то как Михаил Черкашенин, то как Многогрешный – на самом деле это был один и тот же человек.

Впоследствии мы прослеживаем линию, начатую анадырским приказчиком Михаилом Многогрешным на проработку постоянного маршрута на Камчатку через Апуку и Олютору (Вывенку) по восточному побережью.

И вот, что пишет С.П. Крашенинников: «Между тем (это в период, когда Михаил Многогрешный снова был приказчиком Анадырского острога, а Кобелев шел приказчиком на Камчатку. — *С.В.*) анадырские тумаки Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак».

Национальный корякский обрядовый праздник «Хололо», посвященный завершению промыслового сезона, фото В. Гуменюк

Вы только вдумайтесь в эти цифры — было построено на восточном побережье шесть (!!!) зимовий, когда в центральной части полуострова было только еще одно.

Вопрос: почему?

Вероятно, потому, что восточное побережье полуострова к этому времени было освоено значительно лучше, чем его центральная часть.

И тому у нас есть свидетельство.

«Чанук-кыг, которая вершинами сошлась с Палланом рекою… почитается в числе знатнейших из рек, как по своей величине, которую она Уке почти не уступает, так особливо, что тойона, которые владеют тамошним острожком, происходят от российского поколения, чего ради и река по них называется Русаковою, а кто таков был, от кого род сей имеет начало про то заподлинно неизвестно, токмо сказывают, что россиане, которые и в тех местах жили, спустя несколько лет после Федота кочевщитка туда прибыли».

В другом месте: «Оная река Русаковою для того называется, что в прежние годы после Федота кочевщика из русских бывших тогда на Камчатке, один прижил у иноземческой девки сына, от которого колена по сие время ведется и называются русаками, на устье ее живет русак с родом».

А вот и любопытные подробности, о которых сообщает все тот же неутомимый и пытливый Степан Петрович Крашенинников: «Над протокою Русаковой реки у переезду жилье Русакова острожка есаула Наши, строения одна юрта да 2 балагана. Здесь ночевали, понеже тойон и многие его острожка мужики ушли на Пенжинское море для промыслу ясака, а острожек его на левой стороне реки Русаковой от сего жилья в версте, строения в нем 2 юрты, 6 балаганов, тойон Кымгу, он же и Русак».

Фото В. Гуменюк

Вот вам и причина, почему русские казаки покинули все шесть отстроенных зимовий на восточной Камчатке — здесь не было такого изобилия пушного зверя, как в других местах Камчатки.

Но самостоятельно уже покинуть этот район казаки не могли — у них был наказ.

Тимофей Кобелев, первый официальный приказчик Камчатки, ничего не сообщает об укинских казаках. Возможно, он даже и не знал о них. Или считал их и объясаченный ими район зоной контроля Анадырского острога, который подчинялся в это время Многогрешному.

Когда же Кобелева сменил Михаил Зиновьев, он же Многогрешный, и он же Черкашенин (то есть бывший запорожский казак), то: «Из укинских зимовей Михайло Черкашенин, взяв с собою Андрея Кутьина и несколько человек его партии, пошел весною нартами на Камчатку и, пришед до речки Еловки, Андрея Кутьина в 40 человеках послал вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов, а сам с малыми людьми поехал в Верхней Камчатский острог».

Но это уже другая история, к которой мы обязательно вернемся в других своих очерках.

А пока давайте задумаемся над простым (с виду) вопросом — такая уж на самом деле большая невидаль была в здешних местах в том, что местная уроженка (вероятно, корячка) родила сына-богатыря от русского казака? И уж тем более, что этому сыну по факту его рождения от «россиана» была уготована честь стать вождем местного племени?

Может быть все было еще проще — русский (вероятно, хорошо владеющий корякским языком) был не только отцом этого ребенка, но и самым уважаемым (или самым сильным) здесь человеком, сын которого в знак этого уважения и был признан племенем в качестве своего вождя под двумя именами — Кымгу и Русак.

Судя по примерному возрасту Русака (лет 40–50) он мог быть сыном кого-то из промышленных людей либо из апукинского отряда Михаила Ворыпаева (который и сам, как сообщает Мороска, был толмачем, то есть владел корякским языком). А промышленные вольные люди, естественно, не сидели сиднем на одном месте, а продвигались вслед за пушным зверем, на юг от устья реки Апуки — двигаясь по восточному побе-

режью). Либо отцом Русака был кто-то из укинского отряда Андрея Кутьина, обживавшего здешние места не с 1703 года, как полагает А.С. Зуев, а несколько раньше — в 1703 году укинцы вместе с казаками, пришедшими из Якутска с Многогрешным, попытались покорить нижнекамчатских казаков, а в следующем году уже были переселены на постоянное жительство в отстроенное ими же Нижнекамчатское зимовье…

Кстати, среди погибших в 1703 году в стычке с нижнекамчатскими камчадалами был и казак (не из укинских ли?) Григорий (не Михайлович ли, сын Михаила Никитича?) Ворыпаев.

Добавим к этому еще одну любопытную информацию — и в отряде самого Владимира Атласова толмачем был некий Варыпаев (но не Михаил — с ним, как известно, Атласов почему-то встретиться не захотел).

Вот, что сообщает о нем С.П. Крашенинников: «Володимер Отласов, перезимовав на Иче, перебрался на Камчатку реку, а шел он с Ичи до Хариузовой подле Пенжинского моря, а потом и вверх по Хариузовой до ее вершины; вершина реки Хариузовой из одного хребта с вершиною Крестовой речки, впадающей в Камчатку реку по течению с левой стороны. С вершины Хариузовой шел он вниз по Крестовой речке до ее устья и, пришед до устья, поставил он крест на левом берегу.

Оттуда послал он толмача, прозванием Варыпаева, вниз по Камчатке для призыву иноземцов в ясашной платеж, которого в первом от устья Крестовой речки острожке и убили.

По смерти толмача Варыпаева, Володимер Отласов назад в Анадырский острог поехал».

Олени — главное богатство тундровых коряк, Д. Задирей

Но на этом история толмачей Ворыпаевых не заканчивается.

При поиске причин казачьего бунта 1707 года, когда казачьего голову и камчатского приказчика Владимира Владимировича Атласова лишили власти с полной конфискацией имущества, а также и бунта 1711 года, завершившегося гибелью камчатского Ермака, постоянно всплывала одна и та же тема — присвоение Атласовым шкуры черно-бурой лисицы, которая из-за своей высокой ценности по именному указу являлась неприкосновенной собственностью царской казны.

И вот в Санкт-Петербургском архиве Российской Академии наук я неожиданно нашел информацию о том, что по сообщению казака Данилы Беляева эту шкуру

Нымыланамы — «обитатели оседлых селений», самоназвание побережных коряк

отдал Атласову новокрещенный камчадал Иван Ворыпаев. Подчеркнем одну очень важную деталь — на заре присоединения не только Камчатки (но и других сибирских регионов) к России, как правило, новокрещенными становились те из представителей коренных народов, кто поступал на службу в качестве толмачей.

Но и это еще не все.

Вот еще один документ: «Сего 731 году июля 9 дня посланная партия на боту «Гавриле» прибыла в камчацкое устье, а по ея и. в. указу и по определению посланной партии велено нам итти на море к анадырскому устью к г-ну капитану Дмитрию Ивановичю Павлуцкому для проведывания морских островов. А в указе е. и. в. блаженные и вечнодостойной памяти написано, велено посланную партию с надлежащим довольствием, без чего по самой нужде пробыть неможно, отправлять без задержания, а ежели кто задержит и учинит остановку, и то взыскано будет на том, а за противность указу судим будет по военному артикулу.

Того ради посланная партия требует от вас рыбных кормовых припасов, а имянно: 2000 юколы, 1000 свежей рыбы красной или кеты, да в вышепоказанной путь для толмачества и иноземческих разговоров, а имянно: Андрея Орлика, Евдокима Ворыпаева, Спиридона Перебякина, Федора Зырянова, новокрещена Михаила Жировикова, бес чего посланной партии всеконечно пробыть неможно».

То есть традиция этой семьи (этого рода) сохранялась — и служилый человек Евдоким Ворыпаев (возможно, сын Ивана Ворыпаева) тоже впоследствии исполнял обязанности толмача.

Юколу для «Гавриила» на реке Уке заготовить не удалось: все они — и служилые, и новокрещенные — погибли в период Харчинского бунта, инициаторами которого были все те же камчадалы нижнего течения реки Камчатка, которые попытались «призвать в ясак» укинские казаки, и о чем наш рассказ впереди.

А мы подведем некую черту.

История русаковского тойона Кымгу, конечно, не типична для тех рассказов, в которых сибирское казачество выступает в роли оголтелых завоевателей, насильников, грабителей и убийц.

АА на самом деле самая, что ни на есть, типичная — духовное врастание одного российского народа в другой происходило только по доброй воле. И никто ведь не заставлял (и не мог заставить коряков) признать русака Кымгу своим вождем. Но они признали не только то, что он достоин быть вождем, но и то, что он Русак…

А это многого стоит.

КАМАК

Для меня лично это имя имеет особое значение — именно с потомками Камака связаны все мои самые лучшие воспоминания о детстве и юности.

Кто же такой этот легендарный вождь, именем которого было назван острожек, а потом и село в центральной Камчатке, закрытое как «неперспективное» в середине 1960-х годов, как и многие другие села в долине реки Камчатки, насчитывающие не одно тысячелетие своей истории.

Камак — имя, некогда весьма распространенное в землях камчадалов и коряков.

Камаком звали, например, тойона острога Кенгеля Утинкем из присуда Мыллыган на реке Тигиль. А тойоном острожка Мыллыган был Шипа, в честь которого был назван Шипинский острог, ставший основой для строительства в 1747 году казаками Тигильской крепости.

И тойоном Нижнего Палланского острога был Камак. И острога Хонгота на реке Панкара (Дранка).

Наш рассказ о тойоне острога Пеучева или Шваннолом.

Это был второй по величине острог в долине реки Камчатка (включая и реку Еловку).

Для убедительности перечислим эти остроги (данные С.П. Крашенинникова):

На реке Камчатка:

Усть-Камчатский, тойон Тавач, ясачных — 92 человека (включая 15 «собольников» и 77 «лисичников).

На озере Колко-кро (Нерпичьем), тойон Намахаруч — 14 (2 и 12).

Шантальский, тойон Тумучь — 31 (5 и 26).

Хапичинский, тойон Лемшинга — 22 (9 и 13).

Пеучев или Шванолом, тойон Камак — 102 (17 и 85).

Щечкин, тойон Щечка — 24 (9 и 15).

Каменной (Пингаушчь), тойон новокрещеный Иван Карбаганов — 69 (6 и 63).

Ключевской (Кыллуша), тойон Ликочь — 45 (11 и 34).

Каначев, тойон Налачь — 51 (12 и 39).

Итателев, тойон Итатель — 44 (17 и 27).

На реке Еловка:

Усть-Еловский или Коанным, тойон Степан Харчин — 15 (4 и 11).

Верхо-Еловский (Колилюнучь), тойон Тавачь Тенивин — 77 (40 и 37).

Крупнее Пеучева острога был только острог Кунупочич, входивший в ведение Верхнекамчатского присуда.

Чтобы понять ситуацию, которая сложилась в бассейне реки Камчатка с приходом сюда русских людей, нужно, прежде всего, снова обратится к «сказкам» Владимира Атласова и напомнить о некоторых событиях его похода:

«И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

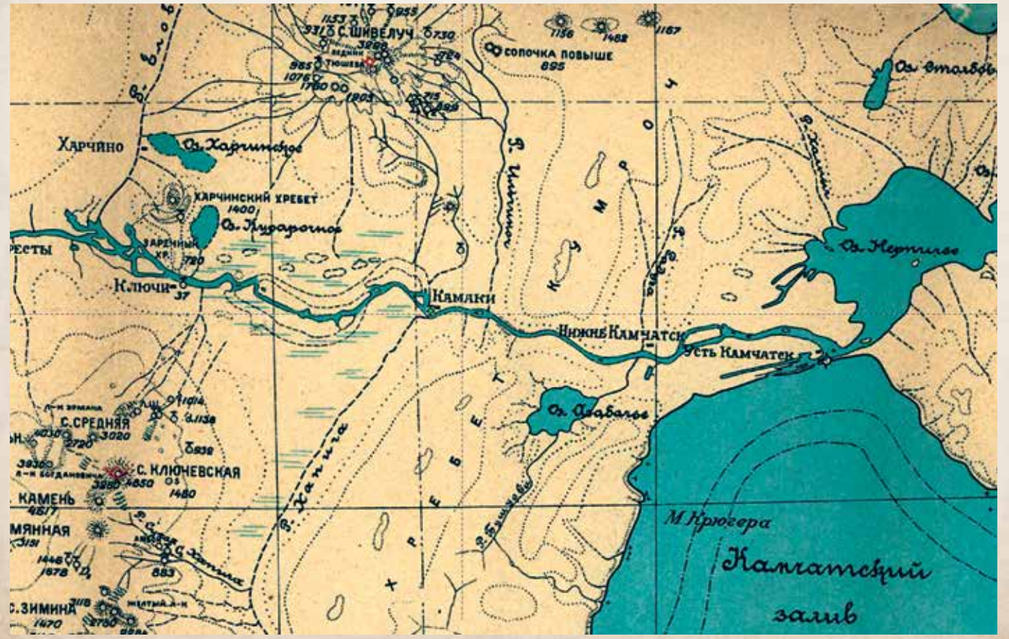

Селение Камаки, из албома А.Сильницкого «По северным округам Приморской области, 1901 г.»

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и руских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году».

Тимофей Кобелев, назначенный в Якутске первым официальным приказчиком Камчатки, не рискнул вновь связываться с нижнекамчатскими камчадалами — он направил своих казаков на юг полуострова.

Сменивший его Михаил Зиновьев Многогрешный Черкашенин, который в пору

Район с. Камаки, одна из первых советских карт Камчатского края по результатам экспедиции Ф.П. Рябушинского 1908–1910 годов, снаряженная Русским географическим обществом.

своего руководства Анадырским острогом направил на восточное побережье группу анадырских казаков во главе с Андреем Кутьиным, теперь направил этих же казаков вместе с новоприбывшими, призвать к платежу ясака и нижнекамчатцев.

У С.П. Крашенинникова об этом есть подробный рассказ:

«Из укинских зимовей Михайло Черкашенин, взяв с собою Андрея Кутьина и несколько человек его партии, пошел весною нартами на Камчатку и, пришед до речки Еловки, Андрея Кутьина в 40 человеках послал вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов, а сам с малыми людьми поехал в Верхней Камчатской острог.

Андрей Кутьин с товарищи, отошед верст с 50 от речки Еловки, такое имел нещастие, что камчадалы врасплох на него напали и человек с пять из них убили, а потом как они справились, то камчадалы в острожек свой, Тушашеры называемой, засели, к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин.

Оттуда возвратился оной Кутьин в Верхней Камчатской острог без всякого успеху. И следующей весны поплыл по Камчатке реке со служивыми людьми, и всех живущих по Камчатке немирных камчадалов в ясак привед, иных ласкою, а иных войною, возвратился в Верхней острог. Едучи в оной острог, ясашную избу и зимовья с Еловки реки перенесть велел на Камчатку реку, а завел острог немного повыше ключей, а ниже Еловки расстоянием верст с 5. И поставил им закащика Ивана Поливанова.

Того же лета, оставшиеся в укинских зимовьях, служивые Кутьиной партии просили письменно прикащика Черкашенина, чтоб их перевесть на Камчатку, по которому их прошению оной Черкашенин с Уки на Камчатку их перевел, и поселил в новопостроенном Нижнем остроге вместе с оставленными от Кобелева служивыми».

И до 1731 года в долине реки Камчатка не было «горячих точек», не считая казачьих бунтов.

Сгорел дотла в 1707 году Большерецкий острог и перебит камчадалами весь его гарнизон, убили на реке Бобровой (впадающей в Бобровое море — Кроноцкий залив, а не Берингово море, как трактуют в Интернете) первого нижнекамчатскго заказчика Ивана Поливанова, на восточной Камчатке, откуда ушли укинские казаки Андрея Кутьина, были убиты приказчик Верхотуров, в память о котором называется остров, в апреле 1710 года послан на реку «Конпакову» все тот же Андрей Кутьин «в 50 человеках», в 1712 году

сожжен авачинскими камчадалами в балагане вместе со своими товарищами и аманатами (заложниками) вольный атаман Данила Анцыферов по приказу которого был убит Владимир Атласов, а в следующем году уже против самих авачинцев выступил объединенный военный отряд из 120 казаков и 150 камчадалов, включая верхне- и нижнекамчатских, которые не только разгромили авачинцев, но и принудили их платить ясак, до тла спалив острог, который впоследствии вошел в историю Камчатки под названием Старый Острог.

А в долине реки Камчатки в этот период не было зафиксировано ни одного серьезного конфликта казаков с коренным населением.

Что же произошло, вызвав столь мощный взрыв возмущения, негодования, обиды коренного населения, которое привело к знаменитому Харчинскому бунту 1731 года?

Не будем голословно что-либо утверждать, доверимся мнению человека, который изучал материалы сгоревшего Иркутского архива и потому уже знает, что говорит и пишет.

Итак, слова Александру Степановичу Сгибневу — автору «Исторического очерка главнейших событий в Камчатке. 1650–1855»:

«Тарабукин и Петров (приказчики Камчатки в период деятельности Первой Камчатской экспедиции. — *С.В.*) были снисходительнее к камчадалам, нежели их предшественники. Но, несмотря на это, время их управления надолго сохранилось в памяти камчадалов по тем бедствиям, которые пришлось им перенести в эти два года по причинам, не зависящим от прикащиков. Осенью 1727 г. пришел в Большерецк Беринг с двумя судами, погруженными провизиею и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того, камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для транспортирования грузов, камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжких работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам, и как бы в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: «Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел». Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привел же мореход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое его судно «Фортуну». Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатске, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путем с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае».

В рассказе о Федоре Харчине и его дяде Голгоче — лидерах Харчинского бунта мы коснемся и других причин этого восстания, которое привело к поголовной резне с обеих враждующих сторон.

Но в центре внимания этого нашего рассказа вождь Камак, который, как и вождь первого по величине острога Кунупочич На-

Друг моего детства — Виктор Гаврилович Кузнецов, потомок легендарного вождя Камака

чика Машурин, не поддержал Харчинский бунт.

Начика Машурин, как мы уже выяснили, был союзником Владимира Атласова еще в первом его походе — именно соплеменники Начика выступили с инициативой, чтобы казаки «дали прикурить» нижнекамчатцам, которые «побивают и грабят» верхнекамчатцев.

Он же был вероятным союзником Никиты Дурынина в его военном походе на авачинских камчадалдов.

Что же касается нижнекамчатцев, то они уже показали, что могут дать достойный отпор казакам, как проучили в свое время Андрея Кутьина «со товарыщи».

И, казалось бы, сейчас грех не воспользоваться ситуацией, когда еловские и ключевские камчадалы поголовно вырезают казачьи семьи, пользуясь, что их батьки-казаки находятся на устье реки Камчатки, снаряжая в дальнюю экспедицию бот «Святой Гавриил».

Не воспользовались…

Хотя удар, который могли бы организовать Начика Машурин и Камак, был бы, по всей видимости, уже смертельным для камчатских казаков в Верхнекамчатске и Большерецке.

Не ударили.

Не поддержали Федора Харчина, не поддержали и его дядю — ключевского тойона Голгоча.

Правда, С.П. Крашенинников не был в уверенности по этому поводу: «Не был в остроге подострожный тойон Камак, у которого в присудствии больше ста человек, которые без сумнения в острог убрались бы, но как их русские упредили, то они неутралитет держать стали, а **многие и сверху** (выделено мной — *С.В.*) приплывали под острог уже сгорелой, думая что еще цел, но, увидя казаков, как можно убегали».

Но А.С. Зуев приводит другой, более, на мой взгляд, убедительный пример: «Тойон Камакова острожку Шаруч на допросе поведал, что когда «Фетка Харчин с товарыщи дядю ево, Кулу, звали в ызмену, и он де не пошел, и за то де ево застрелили, да брата Шадала скололи и острог их раззорили и сожгли, а жен и детей взяли в полон».

А что касается слова «сверху» — то это значит с верховий реки Камчатка. А это уже был не камаковский присуд, а машуринский.

Да и как «многие» могли приплывать «сверху» к острогу, когда вслед за харчинцами отправилось сразу несколько карательных отрядов через верховья реки Камчатки в сторону взбунтовавшихся авачинских и западнокамчатских камчадалалов?

Но и здесь все было не так просто, как полагают некоторые из историков и краеведов, изучая эту непростую тему.

Степан Петрович скрупулезно отмечал: «Между тем как Нижней Камчатской острог от иноземцов взят был, и весть пала по Пенжинскому и Восточному морю, то все почти иноземцы изменили, выключая Машурин острог на Камчатке, Кыкчик да Утку, Крутогорово да Облуковну на Пенжинском берегу, да на Восточном море Налачеву, да Островную, да Кроноки, но и те все ждали окончания, кому будет победа, русским или камчадалам, а Машурин острожек и сначала изменил было, ежели б не розговорил ны-

Еще один род коренных жителей с. Камаки — Архип Иванович Расторгуев с сестрой Александрой и ее мужем Михаилом Петровичем Голых

нешний тойон оного острожка».

Но вот и другие подробности.

Ичинский тойон Кивря призвал харьюзовских камчадалов уничтожить Большерецкий острог и облуковинских казаков (экипаж судна «Фортуна») погромить, «но как хариузовские иноземцы на Ичю в многолюдстве пришли, и услышали, что казаков на Оглукомине живет многолюдно (человек не более тридцати — *С.В.*) и осторожно, то они, осердясь на ичинских иноземцов, их погромили, иных из них побили, а жон и детей в полон побрали, то ж зделали и Сопошной реке иноземам» (выделено мной — *С.В.*).

Но и это еще не все: «Между тем авачинские изменники Вахлачь с товарыщи призывали к себе других рек тойнов в помочь, а которые иттить не хотели, на тех в походы ходили, тойонов убивали, а прочих себе в помочь брали, зато уби-

Гаврил (так в документе) Константинович Кузнецов с супругой Александрой Ефимовной Мухортовой и детьми — Валей и Витей. Вторая половина 1950-х годов

ты Налачевой реки тойн да Островной тойон» (выделено мной — *С.В.*).

Я цитирую одного и того же автора – Степана Петровича Крашенинникова, который пишет о том, что камчадалы дожидались, кто кого перебьет, чтобы поддержать сильнейшего, но сам же приводит примеры обратного — даже и перед угрозой смерти жители Пеучева, Налачева, Островного острогов не поддерживали ни Харчина, ни Вахлача.

И не случайно Вахлачь убивал тойонов — иначе они бы тоже «разговорили» своих соплеменников.

Как «разговорил» своих и тойон Камак – ведь о том, что в сгоревший Нижнекамчатский острог на подмогу харчинцам приплывали и «снизу» С.П. Крашенинников нигде не упоминает.

И вообще в его книге и опубликованных отчетах имя Камака из Пеучева острога встречается всего трижды.

А вот в «Колониальной политике царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке» он упоминается пять раз, а в алфавитном списке имен так и записано: «Камак, по крещению Кузнецов Степан, участник восстаний 30-х и 40-х годов».

Ну, что же, пройдемся по этим ссылкам.

На странице 63 просто употреблено распространенное на Камчатке имя Камак. При этом на той же странице в самом начале главы «Причины, цели и ход восстания по показаниям пленных камчадалов» читаем:

«Августа 27 дня прибыли на Ключи к жилищу изменника Дадей и Урила сродниками и посланные от нас служилые люди наперед в легких батах для присмотру и опасности усмотрели изменников в великом собрании и учинилась у них пальба, и мы на ту пальбу пошли в скорости и пришед во близость на остров и стали с ними переговариватца, чтоб они принесли ея императорскому величеству повинну, и (внимание! — *С.В.*) посылали к ним ради призыву Пеучева острогу тойона Колыча…».

Не знаю, почему тойон Пеучева острога назван здесь Колычем, а в другом месте Шаручем, но данный факт говорит сам за себя. О каком нейтралитете (тем более, с перепугу!) можно говорить, когда тойон Пеучева острога выступает данном случае в роли парламентера со стороны русских.

Ссылка на страницу 68 еще более удивляет: о каком участии в восстании идет речь, если при допросе пленного бунтовщика Урила «толмачил Тавачева (Пеучева? — *С.В.*) острогу тоен новокрещенной Стефан Кузнецов».

А далее следуют события заговора о восстании 1746 года, в который, по замыслу, должны были бы втянуты, кроме камчада-

Галина Константиновна Кузнецова (в замужестве Медведева) с дочерью Верой. Вторая половина 1950-х годов

лов, коряки, чукчи, юкагиры…

На странице 97 «ясачный иноземец» Орлик 13 апреля 1746 года выдает все секреты этого заговора и, в частности, сообщает, что весть о начале восстания Орлику должны передать через тойона Пеучева острога Камака (по крещении Стефана Кузнецова), которому эту весть должен, в свою очередь, передать Керуга.

На допросе же выясняется другое (стр. 101 и 107) Керуга на совещании вождей восстания с Орликом не присутствовал, и никто ничего подобного Керуге не приказывал. «Карымча Черной от большого Начики Корючев родник с партиею чрез Еловку во все остроги для возмущения иноземцов **ехать хотел** (выделено мной — *С.В.*)», то есть только еще

должен был сообщить своим землякам о готовящемся восстании, о котором никто на Камчатке даже еще не знал.

Хотел — да не успел… Тавача Тенивина (тойона Еловского острожка Нефеда Осиповича Лазарева они тоже считали за своего единомышленника — а оказалось, что все наоборот, поэтому не стоит историкам желаемое выдавать за действительное…).

Не вышло ничего и вообще с этим восстанием. И о причинах этого мы расскажем позже.

Но тойона Камака — Степана Алексеевича Кузнецова — советские (да и несоветские тоже) историки, как мы это видели, уже поспешили занести в список участников восстания и 30-х, и 40-х годов…

Вот так мы и создаем легенды.

А что было дальше.

Пеучев острожек по имени вождя Камака стал называться Камаки, село с таким названием просуществовало до середины 1960-х годов, а потом было закрыто, как «неперспективное».

Родовым ядром этого селения были две фамилии — Кузнецовы и Расторгуевы.

Сын Камака — Яков Кузнецов был участником промысловых экспедиций на Алеутские острова, а в 1771 году оказался в команде промышленников тотемского посадского Алексея Чулошникова, взбунтовавшейся против своего хозяина Федоса Холодилова, и примкнувшего к заговору камчатских ссыльных во главе с участником польской конфедерации уроженцем Словакии Августом Морицем Беньевским.

Он был здесь не один из камчадалов, которые хотели, как и остальные участники Большерецкого бунта 1771 года, отыскать свой остров Счастья, — и захватив казенный галиот отправились на поиски своего счастья камчадалы Сидор Красильников, Ефрем Трапезников, Прокопий Попов. И добрались до Китая, откуда уже на французском судне отправились с Беньевским во Францию.

Ефрем Трапезников умрет по пути из Китая в Париж на острове Маврикии в Лурианском госпитале. Попов и Красильников доберутся до Франции и возвратятся в Россию, получив прощение.

Тяжело больной Яков Кузнецов тоже останется в Лурианском госпитале, но выздоровеет и самостоятельно доберется до Франции, где снова войдет в команду Беньевского и отправится с ним завоевывать для Франции Мадагаскар.

Как сложилась его дальнейшая судьба на Мадагаскаре, нам неизвестно.

А на Камчатке линию Кузнецовых продолжил Тимофей Степанович Кузнецов (1781).

У него было двое сыновей — Михаил (1837) и Еразм (1839), дочь Дарья.

Михаил женился на Евдокии Васильевне Клочевой из Харчино, а Дарью взял замуж ее односельчанин Андриан Анисимович Расторгуев, староста (тойон) села Камаки, награжденный в 1891 году медалью «За усердие» на Станиславской ленте.

Его сын — Степан Андрианович (1858) — был старостой села Камаки в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. и «за усердие и распорядительность» по формированию народного ополчения был награжден серебряной медалью «За усердие».

Внук Андриана Анисимовича — Расторгуев Алексей Степанович (1880) — непосредственный участник народного ополчения в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. был награжден Георгиевским крестом 4 степени № 171282.

Шейная серебряная медаль «За усердие» на ленте ордена Св. Станислава

В народном ополчении был и его брат — Петр Степанович (1881).

Участие в народном ополчении принимали и дети Автонома Анисимовича Расторгуева — Игнатий (1874) и Семен (1885), награжденный серебряной медалью «За усердие».

А также внук Петра Анисимовича — Петр Васильевич Расторгуев, сын которого, Петр Петрович (1912) был участником Великой Отечественной войны, награжденный 4 мая 1945 года медалью «За боевые заслуги».

Следующее поколение снова переплетается с односельчанами Расторгуевыми – Константин Гаврилович (1904) женится на Расторгуевой Анисии Ивановне (1907), А Анна Гавриловна выходит замуж за Расторгуева Георгия Георгиевича (1910).

Род камаковских камчадалов Расторгуевых, патриархом которого являлся многодетный Анисим Михайлович (1795), был самым мощным в селе, породнившимся, в свою очередь, со многими старинными родами Камчатки — Соболевыми (Камаки), Ощепковыми (Ушки), Помаскиными (Усть-Камчатск), Голых (Ключи), Никифоровыми (Нижнекамчатск), Чуркиными (Козыревск), Ушаковыми (Ключи), Турнаевыми (Еловка), Бобряковыми (Ключи), Чудиновыми (Ключи), Михайловыми (Ключи), Голых (Камаки), Портнягиными (Нижнекамчатск).

Сын Михаила Тимофеевича Кузнецова Петр (1855) тоже женился на односельчанке — Расторгуевой Анне Романовне (1858).

А его сын Гавриил Петрович (1882) женился на девушке из рода рыльских купцов Выходцевых, осевших в Нижнекамчатске, — Прасковье Федоровне (1885).

У них было четверо детей — Галина Константиновна (1923), вышедшая замуж за Василия Терентьевича Медведева (1916) и подарившая ему пятерых детей — Тамару (Иванову), Владимира, Валентину (Ипатову), Веру (Веремчук) и Татьяну (Стасюк); Гаврил (так писали тогда — с одной «и») Константинович (1926) женился на Александре Ефимовне Махортовой, подарившей ему сына Виктора, дочерей Валентину (Мисереву) и Людмилу (Кирееву); Геннадий Константиновна и Майя Константиновна, о судьбе которых мне мало что известно.

Гаврил Константинович Кузнецов, участник войны с Японией 1945 г.

А мое детство и юность в Усть-Камчатске прошло в окружении семей Кузнецовых и Медведевых. Лучшим другом моего детства был Виктор Кузнецов, к сожалению, рано ушедший из жизни.

В 1968 году я впервые побывал в Камаках. Село было пустым — только на отшибе, в лесу стоял дом линейного обходчика Василия Терентьевича Медведева, охотника-промысловика — последнего жителя села, в котором он жил, вместе с женой Галиной Константиновной — последним представителем рода Камака в Камаках.

Мы с Виктором ходили по заброшенному селу, заходили в школу, где в классах валялись брошенные второпях учебники и тетради, бродили по пустой улице, заходили в дома, благо все двери были распахнуты настежь, и везде видели следы поспешного бегства — словно людей кто-то подгонял… Валялись игрушки, разбитые тарелки, какое-то тряпье…

После нечто подобное я видел в военных фильмах — когда люди бежали от войны.

Через тридцать лет в здешних местах мы с моим другом известным дальневосточным кинооператором Геннадием Лысяковым снимали фильм «Я родом из Японии». На месте, где когда-то было село Камаки, мы увидели только буйные заросли крапивы…

P.S.: А внук Гаврила Константиновича Кузнецова, главного героя нашего фильма «Я родом из Японии» продолжил зарубежное турне своего далекого предка, бежавшего вместе с Беньевским. Дмитрий Мисерев — физик-теоретик, закончивший среднюю школу в Усть-Камчатске, затем учившийся в Новосибирском Академ-городке, специализировавшийся в Австралии, сейчас занимается новыми научными разработками в Швейцарии…

БРАТЬЯ ХАРЧИНЫ

Харчинский бунт — одна из самых, наверное, исследованных тем в камчатской истории, которой посвятили свои работы десятки авторов разных эпох.

Расследованием бунта занималась специальная следственная комиссия — походная розыскная канцелярия:

«Между тем в Тобольске получили донесение Павлуцкого (от 27-го октября 1732 г.) о бунте, распорядились послать иркутскому вице-губернатору с курьером указ, которым предписывалось для производства следствия о причинах бунта немедленно командировать в Камчатку якутского полка майора Василия Мерлина и с ним отправить: обер-офицера и капральство солдат из якутского же полка (Якутский полк стоял в то время в Селенгинске. — Авт.) и, кроме того, сколько нужно команды из Иркутска и Якутска.

…На основании этого распоряжения Мерлин прибыл в Иркутск с прапорщиком Единым, капралом, писарем, барабанщиком и 36 солдатами. В Иркутске в апреле 1733 г. были назначены еще к Мерлину: канцелярист Литвинцев, копиист и заплечный мастер (палач) с инструментами.

Походная розыскная канцелярия — так официально называли эту экспедицию — отправилась весною в Якутск по Лене на досчанниках. В Якутске был назначен помощником к Мерлину только что возвратившийся из Анадырска… майор Павлуцкий и прибавлено к его команде 29 служилых и 30 казаков.

…6-го июля 1733 г. розыскная канцелярия выступила из Якутска на 554 подводах… В сентябре 1733 г. розыскная канцелярия прибыла в Камчатку на боте «Гавриил» и оставалась там для следствия по 1739 год» (А.С. Сгибнев).

Удивительно, но Александр Степанович Сгибнев — автор огромнейшего по размерам и исторической значимости «Очерка главнейших событий в Камчатке 1660–1855» — Харчинскому бунту посвятил совсем немного страниц в своем исследовании:

«С самого начала появления русских в Камчатке камчадалы познакомились с наглостью и безнравственностью ясачных сборщиков и казаков, которые для своих выгод не щадили никаких средств. Правительство наше, осведомясь об огромных поборах, делаемых русскими в Камчатке, издало указ, которым повелевалось всем комиссарам при ясачном сборе не брать никаких взяток, под смертною казнию, а ежели ясачные принесут в почесть волею какую-нибудь мягкую рухлядь, то принимать ее в казну. Коммисарам же и другим лицам прежде ясачного сбора никакими товарами не торговать. Но коммисары не справлялись с указами, а брали себе чащины (камчатское название взятки. — Авт.) с каждого иноземца по два и по три места, а за место считался бобр, соболь и лисица. Кроме того, казаки брали чащину для артели, а кто не платил, того били батогами до полусмерти.

С прибытием же в Камчатку экспедиции Беринга, как видели выше, не облегчилась участь камчадалов, и они только убедились, что пришедшие из европейской России не многим разнятся от своих собратов-сибиряков.

Хотя Беринг и не велел брать ясаков с тех камчадалов, которые находились в экспедиции, но комиссары для своих выгод взыскали с них ясаки, а в книгах писали под их именами, что зачтено за перевозку экспедичных материалов. В особенности же от-

личались взяточничеством и жестокостью коммисары Новгородов и Шехурдин и подъячии их Мухоплев и Свешников. Они брали с каждого камчадала в один год по два и даже по три ясака и для себя по 3 и 4 лисицы или соболя, а у кого не оказывалось требуемого, брали в холопство жен и детей. Кроме того, летом собирали с каждого человека по три и по четыре вязки юколы и по 1 1/2 пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по 50 уток и несколько штук гусей и зайцев. По неимению же этих предметов, по лисице с души. Служилые, посылаемые за этими поборами, брали еще и для себя по лисице, кроме продовольствия. Все эти поборы камчадалы должны были доставлять в Нижнекамчатск на свой счет, летом на батах, а зимою на собаках. Прибывших же с этими вещами камчадалов прикащики посылали в лес за дровами для себя и команды, а иногда держали их для работ по полугоду».

Все это истинная правда, подтвержденная материалами следствия.

Но мы не находим здесь ответа на главный вопрос — почему именно еловский тойон Федор Харчин и его дядя ключевской тойон Голгоч встали во главе этого — Харчинского — бунта?

Первое упоминание о Федоре Харчине у С.П. Крашенинникова относится собственно даже не к нему, а к острогу, тойоном которого он прежде был: «Между озером Кайначем и рекою Еловкою есть камчатской острожек Коанным называемой, в котором до измены бывал тойоном Федор Харчин, главной начальник бунта, по которого казни поручен оной острожек в правление брату его Степану Харчину».

Во времена С. Крашенинникова этот острожек назывался также Усть-Еловским, а впоследствии Харчиным, и был одним из самых маленьких острогов в долине реки Камчатка — 15 «ясачных плательщиков», из которых 4 были «собольниками», а 11 — «лисичниками».

А вот, что пишет уже сам Степан Петрович по поводу Харчинского бунта:

«С самого взятия Камчатки по 1733 или 1734 год (то есть до прибытия походной розыскной канцелярии — *С.В.*) камчадалы каждой платил от себя в год в казну ее императорского величества одного соболя или лисицу, да четыре чащины, то есть четыре соболя или лисицы ясашным зборщикам. С них же летом и осенью збирали юколу, гусей, траву сладкую, кипрей, нерпичьи кожи и прочее, где какой промысел бывает, которое они с прикащиками по себе делили, а у кого чего дать не было, у того детей и жену за чащины бирали, которых держали у себя в холопстве, отчего камчадалам разорение немалое было, и они ясашных зборщиков, не стерпя обид, часто побивали, а в 1728 году (обратим внимание на эту дату — *С.В.*) вздумали было они и всех русских на Камчатке перевесть, только ждали к тому удобного времени. Начальники той измены ключевские да еловские камчадалы, которые весною 1731 года по всей Камчатке разгуливали, будто по обычаю в гости ездили, а они других рек тойнов к измене подговаривали и подговорили».

Остановимся на этом месте. И сделаем выдох.

Потому что в следующем своем предложении С.П. Крашенинников говорит… об обратном: «А летом того же 1731 году… у них совет был в ключах о измене (в рукописи за-

Село Харчино на реке Еловке, дворов 8 жителей 55, альбом А.Сильницкого

черкнуто «изменять или нет» — *С.В.*) и побитии русских, но **большая часть иноземцов отложить измену посоветовала. И так разошлись было**» (выделено мной — С.В.).

И вот, что на самом деле, согласно сведениям, почерпнутым Крашенинниковым из материалов следствия, произошло, разорвав эту договоренность:

«В то же время закащик Крыков послал толмача Орликова за сбором ягод голубели, которой, пришед на Ключи, стал посылать камчадальских баб неволею по ягоды, что камчадалам **за великую досаду показалось** (выделено мной — *С.В.*), ибо у них прежде того ягодных зборов не бывало. Того ради побежали они на Еловку к тойону новокрещеному (*!!!* — С.В.) Федору Харчину и сказали, что Орликов прислан ягод збирать, и им де зборов не переплатить будет ибо де наступают травяные, юкольные и прочие летние зборы…».

И еще раз сделаем большой выдох — и вспомним, что за бОльшие «зборы», «чащины» и «обиды», которые перечисляют Крашенинников со Сгибневым, камчадалы только что, здесь же, в Ключах, пришли к согласию не вступать в «измену».

Но…

«…Харчин с товарыщи собравшись поплыл на Ключи и убил вначале ягодного зборщика Орликова да казачью жену, оттуда того же дня поплыл на низ, и по летовьям бывших всех казаков прибил, а приплыв под Нижней острог, сперва зажгли они попов двор, в таком намерении, чтоб служивых людей свободнее и скорее побить, ибо служивые на пожары для отниманья ходить охотники, и как попов сын по обычаю в набат бить бросился, то в него иноземцы на колокольне стрелять стали и жестоко ранили, которой, пришед в ясашную избу, невдолге умер, после того они бывших в остроге служивых людей и казачьих детей, не щадя и малых робят били, также и несколько женского полу, сперва наругався над ними, перекололи, а иных в холопи себе и в наложницы побрали…».

Доктор исторический наук А.С. Зуев, автор одного из самых серьезных исследований Харчинского бунта — «Восполняя белые пятна» — уточняет, что события развивались не совсем так. До нападения на Нижнекамчатск были вырезаны казачьи семьи в верхней от Нижнекамчатска части реки Камчатка — на Еловке, а на реке Крестовой (Белой) начали вырезать… **своих**: «…у него произошло столкновение с людьми тойона Хобина Харучепова. Если верить весьма скупому показанию сына Хобина — Кашее, Харчин стал “призывать” Хобина “изменить и служилых людей и Нижней Камчадалской острог раззорить”. На это Кана, еще один сын Хобина, якобы спросил: “для чего де вы такое злое дело хотите делать”. Тогда сторонники Харчина Ханея Иурин “заколол до смерти” Кану, а Далач “ударил в голову” Кашею и “проломил в двух местах”. Изменниками был также ранен зять Хобина Харуч, “и ево Какшу (Кашею — А.З.) и с отцом своим взяли с собою в ызмену в неволю”».

А теперь давайте посмотрим на поведение повстанцев после их поражения в Нижнекамчатске и пленения Федора Харчина:

«…ключевской тойон Голгочь (который, собственно, и был главным виновником случившегося — *С.В.*) побежал вверх по Камчатке в человеках в 10 и, пришед на Козыревскую, погромил того острожка иноземцов, многих из них с собою взял неволею, оттуда пошел он на Шапину реку и тамошним иноземцам великие разорения сделал, кормы их и жилье прижег, а иных и приколол, но его Верхнего острога казаки и бывших с ним на Козыревской реке назад бежавшего убили».

А вот и любопытное уточнение С. Крашенинникова:

«А Голгочь по погромлении камчатских острожков на реке Козыревской и на Шапиной за то, что его жители не хотели идти к нему в сообщение, убит от них при своем оттуда возвращении».

И еще более любопытное сообщение Карла фон Дитмар, полученного им от самих камчадалов:

«Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну».

Первым пунктом В.Ф. Мерлину — руководителю походной розыскной канцелярии, майору Якутского полка — предписывалось следующее:

«Воров и заводчиков Федьку Харчина с братом Степкою, дядею их Голгоча; бывшего служилого Родиона Зырянова с женою и сыном его Никитою и затем (*зятем?* — С.В.) Антошкою и прочих заводчиков, оковав руки и ноги, содержать под крепким караулом» (А.С. Сгибнев).

То есть, судя по этому распоряжению, первоначальная версия Харчинского бунта была не совсем такой, какой ее представляет Степан Петрович Крашенинников и последующие историки?

Оказывается, «заводчиками» бунта, помимо еловских и ключевских камчадалов, были еще и камчатские служилые люди?

Но ни у Крашенинникова, ни у Сгибнева, ни у Зуева об этом ни слова.

По приговору розыскной канцелярии в Нижнекамчатске был повешен казачий сын Никита Родихин (Зуев почему-то относит его к камчадалам).

До приговора не дожила его мать — Офимия Радихина во втором замужестве за казаком Василием Чупровым, в убийстве которого она созналась, за что была пытана огнем и то ли забита до смерти батогами, то ли заколота. Вполне вероятно, что Никита был соучастником убийства своего отчима. Антошка, зять, тоже был бит кнутом.

О Родионе Зырянове вообще больше нет никаких упоминаний. Хотя вся эта группа рассматривается наравне с главными «заводчиками» восстания — братьями Харчиными и их дядей Голгочем.

У Степана Харчина, как сообщает А.С. Сгибнев, было «иноземческое имя» Аяхаруч, что позволяет предположить, что фамилия, полученная братьями при крещении, — произошла от родового имени Харуч, как, например, фамилия новокрещенного авачинского тойона Тареина от имени его отца — Тареи.

Как правило, крещение в православие до 1745 года, до прибытия Камчатской Духовной Миссии, осуществлявшей поголовное крещение, больше напоминало акт братания — в своем большинстве новокрещеными становились тойоны или их дети, а крестными отцами — казаки-старожилы или приказчики. И у нас еще будет немало случаев в этом убедиться.

И на примере Харчинского бунта мы видим среди крещеных не только братьев Харчиных, но и еловского же тойона Талача — Нефеда Тенивина (его полное имя — Нефед Иосифович Лазарев — крестник первого священника Камчатки отца Иосифа Лазарева).

И вот, что любопытно — и Нефед Тенивин, и Степан Харчин, будучи участниками бунта, были следствием **оправданы**.

Хотя, есть сомнение в том, что Степан Харчин в действительности был жертвой принуждения и насилия со стороны своего брата.

Давайте еще раз вспомним тот факт, что бунт готовился в 1728 году.

Причина взрыва недовольства камчадалов долины реки Камчатка в тот год известна — помимо обычных повинностей по продовольственному обеспечению казаков на камчадалов Нижнекамчатского присуда, в первую очередь ключевских и еловских, расположенных в самой непосредственной близости от Нижнекамчатского острога, свалилась на голову и плечи еще одна напасть – Первая Камчатская экспедиция, люди в которой тоже нуждались в продовольствии, в теплой одежде, в транспорте.

Этого мало — камчадалы должны были обеспечить еще и продовольственные запасы самой экспедиции, для решения ею морских задач, определенных царем Петром.

Цифры известные — именно для решения этой проблемы в 1731 году, когда снова снаряжали в дальний морской поход бот «Святой Гавриил», на реку Уку был послан специальный отряд, чтобы заготовить для экипажа бота «Святой Гавриил» 2000 штук юколы и 1000 рыбин красной (нерки) или кеты.

Командовал отрядом казак Дмитрий Бологов, который одновременно осуществлял здесь и сбор ясака. Толмачем при нем был Степан Харчин.

В верховьях реки Еловки этот отряд был полностью уничтожен. Собранный ясак захватил Степан Харчин.

«Балаган» с повешенной для вяления рыбой, из фондов ККМГИ

29 августа, уже после разгрома основных сил бунтовщиков, отряд восставших камчадалов был окружен — Степан Харчин и Нефед Тенивин сдались добровольно. Федор Харчин был захвачен в плен хитростью и тут же закован в кандалы. Брат Степан на следствии подчеркивал, что он лично выступал в этом случае в роли миротворца.

Так что многое в этой истории пока так и не нашло своего объяснения: хотя Федор Харчин на допросах упрямо доказывал, что его брат пошел «своею волею» на убийство целой группы служилых людей, возвращавшихся с реки Уки, и захватил казенную пушнину, которую потом раздаривал, в том числе, выдав казенную пушнину и брату Федору, и дяде Голгочу. Но, несмотря на это, начальник походной розыскной канцелярии В.Ф. Мерлин поверил не ему, а самому Степану и ни он, ни Нефед Тенивин, с которым Степан сдался в плен русским, не понесли никакого наказания. Более того — Степан Харчин был назначен на место своего брата тойоном Усть-Еловского острожка, который с той поры стал называться Харчинским. А Талачь Тенивин (он же новокрещенный Нефед Тенивин) при Крашенинникове был тойоном Верхо-Еловского острожка.

Вполне возможно, что сам факт пленения Федора Харчина был связан с предательством его брата — Степан Харчин на допросах всегда подчеркивал, что именно поддавшись его просьбам Федор сдался добровольно, хотя по другой версии (см. Крашенинникова) Федора Харчина просто заманили в ловушку (вполне возможно, организованную не без помощи брата Степана).

То есть, подведем черту: единодушия в период Харчинского бунта у камчадалов по истреблению русских людей на Камчатке не было даже среди ближайших родственников, не говоря уже о родовых кланах.

Обид на русских казаков было неисчислимое множество.

Об этом заявляли все, начиная с тойона Начики Машурина, первым давшим показания о злоупотреблениях верхнекамчатских казаков, которые потом подтверждали и ключевские, и еловские, и большерецкие и авачинские камчадалы.

Об этом писали и Крашенинников, и Стеллер, и Сгибнев, нисколько не преуменьшая степени нанесенных русскими обид…

Но признаем и другое — не вся Камчатка пошла даже в этом случае искоренять русских и русскость, вырезая под корень казачьи семьи, как это произошло в Нижнекамчатске.

«Более того, — цитируем очерк А.С. Зуева «Восполняя белые пятна», — часть ительменов открыто примкнула к русским, поставляя им информацию о передвижении восставших (тойоны: шантальский — Июра, с р. Жупанова — Чороч, с реки Кола — Савачилка, с р. Сопочная — Анет, «лутчей иноземец» Машурина острожку Чистяк и др.) и участвуя в переговорах с ними (тойон Пеучева острожка Колыч (Камак — *С.В.*)».

И у него же:

«Прибывший еще в конце лета 1731 г. новый камчатский комиссар дворянин Иван Федорович Эверстов отправил из Большерецка на север по Пенжинскому побережью для наведения порядка отряд во главе с «походным приказчиком» пятидесятником Андреем Штинниковым. В состав отряда помимо пятидесяти казаков входило около тридцати ительменов под главенством тойонов Шемкоча, Акабыша (с р. Кыкчик) и Налача (р. Немтик), сохранивших верность русской власти. Штинников прошелся карательным рейдом по рр. Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Ича, Облуковина, приводя в покорность ительменов».

А вот это уже будет полная правда.

И тогда как быть с другим утверждением А.С. Зуева:

«Анализируя действия ительменов в начальный период восстания, надо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, это — хорошая организация восстания. Заговорщикам удалось длительное время хранить в тайне свой замысел, что дает основание говорить о полном единодушии в их рядах и твердой убежденности в правоте своего дела. Людей ненадежных они в свои планы не посвящали. А таковые, судя по разногласиям и даже столкновениям среди ительменов, были. Не исключено, что давала о себе знать «межродовая» вражда. К тому же в целом связи между отдельными острожками были очень непрочными, каждый из них мог иметь свои интересы, в том числе и во взаимоотношениях с русскими».

Здесь Андрей Сергеевич вступает в явное противоречие с утверждением С.П. Крашенинникова, которое цитирует и сам А. Зуев о том, что в течение 1728–1730 годов еловские и ключевские камчадалы разъезжали по всей Камчатке, **привлекая к участию в бунте жителей других острогов, но получили отказ**.

Конечно, восставшие воспользовались очень удобным моментом для захвата Нижнекамчатского острога — значительная часть нижнекамчатских казаков была задействована на устье реки Камчатки, отправляя в море бот «Святой Гавриил», а другая их часть была в это время на летовьях, — скорее всего, на заготовке рыбы, третья — на заготовке юколы для экипажа «Святого Гавриила».

Это правда.

Были оперативно уничтожены небольшие группы казаков, а затем — перестреляли и тех, кто оставался в самом Нижнекамчатске (тоже очень небольшая группа), кто бросился тушить специально подожженный для этой цели камчадалами церковный двор.

Но что произошло далее — уже после захвата Нижнекамчатского острога?

А вот как раз далее никаких планов у камчадалов и не было.

Их впоследствии придумали за камчадалов историки.

Камчадалы просто спрятались за стенами Нижнекамчатского острога. Сначала,

праздную свою победу, проводя шутовской молебен.

А потом?

А потом камчадалы начали… разбегаться в разные стороны. Некоторые, о которых у нас рассказ впереди, — еще даже до начала штурма.

А вот поведение самих вождей-командиров, которые, если следовать утверждению А.С. Зуева, были замечательными организаторами этого восстания.

Тигил унесся на север — в верховья реки Еловки.

Голгоч отправился вверх по реке Камчатке громить Козыревский и Щапинский острожки, призывая таким образом к боевым действиям своих земляков, пока эти самые земляки не убили его самого.

А Федор Харчин вообще, если верить написанному, бежал в женском платье в неизвестном направлении. А бегал он, как нам сообщают, быстрее оленя, так что его было не догнать. А потом, не без помощи родного брата, угодил в западню…

Так что никакой заранее спланированной организации бунта не было — получилось то, что получилось, когда подвернулся удобный момент. И его могло не быть, если бы Орлик не прибыл с приказом собирать голубель?

А вот «второе обстоятельство», на которое хотел обратить внимание А.С. Зуев, действительно, многое объясняет: «Во-вторых, стремление ительменов перенять казачий “стиль” поведения».

Восставшие камчадалы сами хотели стать русскими…:

«Ф. Харчин объявляет себя “комисаром”, а ительмены облачаются в русские одежды. В этом также можно усмотреть не столько демонстрацию лидерства и банальный грабеж, сколько стремление перенять казачьи атрибутику и символику».

Так что план, если он и был, то весьма простой — перебить казаков и занять их место.

И, вероятно, именно поэтому бывшие военные союзники камчатских казаков — еловские и ключевские камчадалы, с помощью которых была покорена вся южная Камчатка, — и не могли получить поддержки соседних родов: какой был смысл соседям «менять шило на мыло»?

И потому не было единодушия и духовной связи между восставшими, в том числе, даже среди кровных братьев…

БРАТЬЯ ЛАЗУКОВЫ

Ровно через пятнадцать лет после Харчинского бунта история повторилась — участие в антироссийском восстании приняли два брата, принявшие, как и Харчины, православие, — Алексей и Иван Лазуковы.

Любопытен еще один факт — и в случае с братьями Харчиными, и в случае с братьями Лазуковыми история обоих бунтов начинается с одного и того же имени — новокрещенного Орликова (Орлика). Только в последнем случае Петр Орликов, донесший о готовящемся восстании, был крещеным камчадалом Ламахаручевского острога.

Братья Лазуковы были камчуками (камчугами). По одной из версий — детьми, рожденными от чукчанки и камчадалки (или наоборот). Доктор исторических наук А.С. Зуев считает, что они были коряками и Камчуга — это собственное корякское имя Алексея Лазукова. Только в этом случае становятся совершенно непонятной отводимая (или приписываемая?) ему роль личного влияния на вождей-камчадалов, как будет непонятен и тот вывод, который делает ниже А.С. Сгибнев.

Но суть даже не в этом. Алексей Лазуков был служилым человеком — толмачем. И уже только по этому факту его участие в восстании расценивалось как государственная измена.

И совершенно неожиданно для всех, в том числе и для современных историков, Алексей Лазуков, будучи одним из официальных предводителей восстания 1746 года, приходит в Нижнекамчатск и… сдается, выдавая все секреты бунта и всех своих единомышленников. И приходит не один — вместе с младшим братом Иваном…

А вот теперь к выводу, который делает А.С. Сгибнев: «…слухи о бунте дошли до Нижнекамчатска. Служилые люди донесли, что главными виновниками возстания камчадалов были: крещеный тоен Ум эвуткхан с крещеными камчадалами, казаками Алексеем и Иваном Лазуковыми. Опасаясь нападения на острог, Хотунцевский составил под своим председательством военный совет из следующих лиц: бывшего в Камчатке для переписи инородцев капитана Завьялова, капрала Лебедева и прикащика нижнекамчатской казенной избы Расторгуева. На совете решено было укрепить острог и усилить караулы. Но 17 мая 1745 г. (1746 — *С.В.*) братья Лазуковы явились сами с повинною в острог и рассказали все планы бунтовщиков. Они предполагали сперва идти на Нижнекамчатский острог тремя партиями: коряки и олюторцы под командою Алексея Лазукова хотели пройти через Столбовский острожек; укинские камчадалы через рр. Озерную и Еловку и паланские и тигильские камчадалы через Тигиль и Еловку. Потом, соединясь под Нижнекамчатском, идти весною 1746 г. по р. Камчатке на Верхнекамчатск и Авачу за экспедиционною артиллериею и затем истребить всех русских в Большерецке. На Нижнекамчатский острог предполагали напасть ночью, архимандрита со свитою убить и православную веру уничтожить на всем полуострове.

Когда Лазуковы отказались от участия в бунте, камчадалы несколько смирились (выделено мной — С.В.)».

Этому, выделенному мной, факту есть два объяснения.

Первое — у Лазукова было исключительное по силе воздействия влияние на камчадалов через их тойонов.

И второе, прямо противоположное, — камчадалы не собирались принимать никакого участия в будущем восстании, которое готовили карагинские коряки и укинские камчадалы.

И вот то, что было на самом деле.

Орлик, тот самый крещеный камчадал Ламахаручевского острога, который на словах поддержал предложение об участии в заговоре тойона острога на реке Озерной Хотомначика и его родника Керуги (в крещении Семена Минюхина), узнал, что на Юмгиной реке у тойона Умьевушки (впоследствии Дранки) были убиты русские казаки. Убивали их «четверо олюторов, Карагинский тоен и Алексей с братом Лазуковым».

Связь карагинцев с камчадалами **должен был** осуществить Карымча Черный. А именно: «…к прочем де тоенам, а имянно Пеучева острога к Камаку, по крещении Стефану Кузнецову, с Уки реки от Начики, по крещении Ивана Колегова для призывания онаго Камака во общее согласие послан де будет того ж острога иноземец Карымча Черной, а по крещении Алексей Тихонов сын Антипин».

Должен был. А вот, что было на самом деле.

28 апреля 1746 года была записана «сказка» еловского тойна Тавача Тенивина – Нефеда Осипова сына Лазарева — крестника первого камчатского священника Иосифа Лазарева.

Это был известный по событиям 1731 года Нефед Тенивин, который был оправдан по делу о Харчинском бунте.

В 1746 году он был захвачен восставшими коряками, которые на его глазах убили нескольких камчадалов. Попытались убить и его самого, но Нефеда защитил тот самый Карымча Черный.

А теперь вдумайтесь в реалии тех дней: коряками убиты еловские камчадалы, хотя **по планам тех же карагинцев** (если такие планы в действительности были?) **два из трех своих ударов они должны были нанести, двигаясь по реке Еловка**, полагая (или будучи уверенными в том), что Тавач, вождь Верхо-Еловского острожка и Степан

Харчин, вождь Усть-Еловского острожка, их единомышленники.

И, конечно же, на допросе братьев Лузуковых был, естественно, задан вопрос и в отношении позиции Степана Харчина, второго тойона с реки Еловка. И вот ответ Лазукова: «Тоена Харчина в остроге у Умьевушки я не видал, и чтоб он с нами ж хотел в измену итти, от него не слыхал. Токмо Умьевушкин холоп Кулеч сказывал мне, тако ж и брат мой слышал от него ж Кулеча, мне сказывал же, что **будто бы** (выделено мной — *С.В.*) оной тоен Харчин ему, Кулечу (холопу?! — *С.В.*), говорил: пускай де Умьевушка с родниками изменит прежде, а я де после того изменить готов».

Так что на самом деле Лазуков — **«вождь камчадалов»** — ни с одним из камчадальских тойнов не виделся, не общался, и не вводил их в курс своих будущих планах об измене.

Да и были ли на самом деле эти планы?

И вот вам еще один пример.

Якобы «рассчитывая» на поддержку камчадалов, коряки в это же самое время, когда «вызревает» заговор, нападают на соседний камчадальский острожек на реке Столбовой, убивают 19 мужчин и женщин, а

«Межплеменная война», худ. Игорь Пискунов

20 захватывают в плен. А в дальнейших их планах… — погром камчадальских острожков Ламахаручева, Пекуки, Березников, Тавачева…

Вы что-нибудь понимаете в таком клубке «замыслов» подготовки объединенного корякско-чукотско-камчадальского восстания?

В «сказке», рассказанной чудом спасшегося от смерти тойоном Тавачем, также трудно уловить логику будущих действий корякских повстанцев, но есть в ней такой вот неожиданный поворот событий: готовя нападение на Нижнекамчатск, «…тойон Умьевушка говорил же ему, Нефеду, с товарищем ево: поклонись де отцу архимандриту, он де до нас добр был, а мы это сделали с дурачества по научению Алексея с братом Лазуковых».

Архимандрит — глава Камчатской Духовной Миссии, прибывшей в августе 1745 года на Камчатку, Иоасаф Хотунцевский. Центром миссионерской деятельности стал Нижнекамчатский острог с церковью Успения Пресвятой Богородицы.

Судя по количеству православных имен среди коряков и камчадалов, которые мы назвали, крещение из акта братания, каким оно было прежде, превратилось в массовое (практически поголовное) явление и вызвало реакцию неприятия — особенно среди коряков, поэтому слова Умьевушки (Дранки, по крещении Стефана Евдокимова сына Колегова) в этом случае стоит расценивать, как насмешку над архимандритом, тем более, что в планах восставших одной из его целей было искоренение не только русских, но и христианства.

То, что эти слова были сказаны в насмешку, косвенно подтверждает и А.С. Сгибнев:

«Хотунцевский, обязанный по своему званию и назначению быть примером христианского человеколюбия, был до того жесток и бесчеловечен с туземцами и русскими служилыми, что получил от последних название антихриста. Пользуясь добротою и скромностию старика Лебедева, он вмешивался во все дела, не входившие даже в круг его обязанностей, и наказывал инородцев и служилых плетьми до полусмерти за всякое малейшее преступление. Инородцы, чтобы избавиться от частых посещений духовенства и преследований его, показывали сперва полную готовность быть христианами, надеясь, конечно, сохранить при этом и свои языческие обряды; но на деле оказалось, что с принятием христианства положение их не только не улучшилось, но, напротив того, сделалось еще тягостнее. Не внушив должного понятия об обязанностях христианина, духовенство заставляло их с принятием христианства тотчас же бросить

все прежние обычаи, освященные веками, наблюдать посты, ходить аккуратно в церковь и т. д. Хотунцевский как палач наказывал всех плетьми перед церковью за малейшее несоблюдение церковных правил и непременно сам присутствовал при экзекуции».

Вполне вероятно, что именно эта причина — жестокость Хотунцевского и телесные наказания — была объединяющей идеей протеста для новокрещеных карагинцев, укинцев и самого Алексея Лазукова.

Об этом же говорит и А.С. Зуев в своей статье «Восстание коряков-карагинцев в 1746 г. и братья Лазуковы»:

«Сгибнев же указал, что меры духовенства по принуждению к крещению вызвали сильное недовольство коряков: “Пока духовенство занималось крещением угнетенных и разоренных камчадалов, то все жестокости его выносились безропотно; но когда проповедники со своими насильственными мерами явились для распространения христианства среди коряков, считающих телесное наказание ужаснее смертной казни — то на всех концах полуострова обнаружились новые возмущения, принявшие впоследствие огромные размеры”. А телесное наказание и рукоприкладство, столь привычные для русского человека того времени, для коряков являлось сильным оскорблением. Изучавший жизнь коряков В.И. Иохельсон отмечал: “Для коряков величайшим оскорблением был удар по спине и вообще удар. Оскорбленный жаждал отмщения». И мы видим, что все руководители восставших карагинцев были крещенными и носили русские имена. Но была ли прямая связь между выступлением карагинцев и их крещением? Думаем, что была”.

Но, тем не менее, Умьевушка не только насмешничал, но и говорил о том, что именно братья Лазуковы были идейными вдохновителями этого бунта.

Не отрицал этого и Алексей Лазуков, когда его спросили был ли он ПЕРВЫМ тоеном в измене. И вот ответ: “Во оной измене от тоена Умьевушки и родников ево и олюторов первым тоеном был”. И ясачных сборщиков убивал: “А кололи де мы их без всякого резона и обиды на дворе по приезде их во острог к Умьевушке, когда стали собак выпрягать”».

И далее: «Оной измене и убийству с Умьевушкою я первым возмутителем был и здешней (Нижнекамчатск — *С.В.*) разгромить совет подавал я, и хотел взять с [А]ратуги реки с горы с северной страны с заднего бастиона на утренней зоре, когда наши русские крепко спят, и хотели, не доезжая до острога вверх по Аратуге реке за 8 верст, во остроге оставить собак для утаения собачьего крику, а сами хотели идти пешком на лыжах, которому нашему совету согласовал Панкары реки тоен Ивашко».

И далее, вынося себе смертный приговор: «В построенных (в Нижнекамчатске — *С.В.*) домах жить мы хотели, а именно: я, Алексей Лазуков, в новопостроенных покоях отца архимандрита Иосафа Хотунцевского и ревизии мужеска пола душ господина капитана Дементья Завьялова и капрала Алексея Лебедева, прикащика Осипа Расторгуева и протчих убить и христианскую веру истребить…».

Но в отношении брата — Ивана Лазукова — позиции Умьевушки и Алексея Лазукова расходятся в диаметрально противоположные стороны.

Вопрос: «Будучи брат твой Иван Лазуков на Панкаре реке в остроге у Ивашки, от насильства твоего в твое согласие отговаривался ль, и ты его тем насильством принуждал ли, и когда он с тобой в измену не пошел, будучи ты в мохоморе, вскоча с копьем, колоть хотел ли».

Ответ: «Прежде убийства ясашных сборщиков приехал я с Умьевушкою на Панкару реку в острог к Ивашке, в котором остроге брат мой родной Иван Лазуков был, и стал я брата своего, ответчи в лес, к измене насильно призывать, на что он от меня многократно отговаривался и в измену идти не хотел. И видя я, что брат мой в измену идти не хочет, вскоча на него с копьем, и хотел заколоть, которого моего брата от смерти отнял олюторский мужик Пичючен, и оной страх брат мой увидевши, в измену идти слово дал. А прежде нашего насильства брат мой Иван о измене ничего не слыхал, и наутро оной мой брат, приехав к Умьевушке в острог, ночевал одну ночь. И при приезде оного ввечеру начали мы с Умьевушкою его, брата моего, вторично насильно призывать, по которому принуждению и по угрожению смертного убивства брат мой в измену пошол и дав слово, что де буду с вами в одном согласии, обратно поехал на Панкару к Ивашке, и жил там дней с пять и после, как мы тех ясашных сборщиков всех убили, оной брат мой Иван обратно к нам к Умьевушке в острог приехал и начал меня бранити всякими непотребными словами, по что де ты так сделал. И после того жили мы в остроге у Умьевушке три недели и советы всякие советывал я с Умьевушкою и с протчими, а брат мой Иван живучи со мною, всегда молчал и совету никакого нам не подавал кроме того что непрестанно меня возбуждал, что от них изменников в Нижней острог бежать, токмо я его не послушал и бежать в Нижней острог не хотел».

А вот допрос самого Ивана. Один из вопросов: «Сообщники ваши камчадалы в самом здешнем остроге жить хотели ль и

брата твоего Алексея Лазукова камчука командиром намерены ль были».

Ответ: «Оные камчадалы в самом остроге по побитиии живущих в нем жить хотели и брата моего камчука атаманом намерены были, и он того сам желал».

Что же в таком случае изменило планы Алексея Лазукова и заставило его не только сдаться властям, но и выдать все планы заговорщиков?

Вопрос: «Из того Умьевушкина острога как пошли вы на море для ловитвы морской нерпы, хотел ли брат твой Алексей с тобою быть в тот острог или нет».

Ответ: «В бытность нашу на море на льду при ловитве морской нерпы имел намерение обратно брат мой камчук в острог к Умьевушке идти и меня звал, по которому з[о]ву и я с ним идти хотел же, точию во время нашего на том льде сна, по нашествии от земли ветра, тем ветром на оном льде нас отнесло на море и носило целый месяц и принесло к Укинскому носу. И пристав к земле, со оного льду сошли на землю, и брат мой камчук хотел идти обратно к Умьевушке в острог и меня с собою звал, токмо я ево не послушал, пошол сюда в острог. И видя брат мой, что я в острог пошол, то и оной брат мой со мною же не отрекся».

Финал очень странный.

А.С. Зуев объясняет его следующим образом:

«…причина того, что тот отказался от дальнейшего участия в руководстве восстанием заключается в другом. Дело в том, что у коряков, равно как и у соседних ительменов и чукчей, человек, потерявшийся в море, считался ушедшим в “иной мир”, и его не принимали назад в коллектив. По крайней мере, для такого возвращения требовалось пройти ритуал очищения, как бы родиться заново, чтобы стать прежним человеком. Для самого Алексея подобное отношение к морю, после общения с русскими и особенно плавания с Берингом, скорее всего не было актуальным. Но коряки уже не приняли бы его назад, а если бы даже и приняли, то не доверили бы ему роль вождя и перестали бы прислушиваться к его советам. Он стал бы изгоем в корякской среде. Осознание данной перспективы и сподвигло Алексея поддаться на уговоры брата и вернуться к русским. Но какие мотивы двигали им, когда он “сдавал” своих соратников и раскрывал планы восставших, судить невозможно. В любом случае следственная комиссия воспользовалась признаниями Алексея, чтобы сделать из него главного злоумышленника».

Мою же версию о причинах решения Алексея Лазукова сдаться властям Андрей Сергеевич посчитал надуманной:

«С. Вахрин, пытаясь объяснить “странное” поведение А. Лазукова, выдвинул следующую версию: “Лазуков, ослепленный яростью за надругательство над верой своего народа и бесчинства камчатских казаков и русского начальства, возглавляет бунт и начинает боевые действия против русских отрядов по сбору ясака, а потом вдруг идет в Нижнекамчатск — жертвуя самым дорогим, что только у него есть — родным братом, ради того, чтобы остановить кровопролитие, ибо для него, Алексея Лазукова, братья были с обеих враждующих сторон, и он оказался не в состоянии выбрать между ними. Звучит очень красиво, но явно надуманно. Вряд ли подобные ‘шекспировские’ страсти имели место”».

Но жизнь бывает гораздо сложнее шекспировских сюжетов.

Ссылаясь на документы походной розыскной канцелярии, А.С. Зуев сообщает сведения, в которых сам же и сомневается:

«До сих пор в литературе по поводу братьев Лазуковых сообщалось, что они были “камчадалы”. Однако найденные нами документы определенно говорят о том, что они были коряками и к описываемым событиям имели возраст около 40 лет. Иван до 1716 г. жил при упоминавшейся монастырской пу-

«Охота на нерпу», худ. В.И. Зорин, КОКМ

стыне. В 1716 г. он бежал оттуда, так как “монах Яков бил ево плетьми, и от тех де побоев и збежал”. После этого он, переходя с места на место, обитал среди коряков: “в Панкарах (у карагинцев — А.З.).., в оленных коряках и в немирных алюторских иноземцах, а имянно на Илпее и в Култушной и Говенской губах и в Алюторску и во всех алюторских острогах живал”. В 1736 г. он оказался на р. Уке, откуда его с рапортом послал в Нижнекамчатск ефрейтор С. Батуев.

16 апреля того же года (1736 — *С.В.*) он был допрошен майором В. Мерлиным. Во время допроса, рассказывая о себе, Иван упомянул и о своем брате: “а брат мой родной Алексей Лазуков ныне живет на Тигиле реке у ясашных иноземцов у тоена Келлеха”. Обращает на себе внимание тот факт, что Иван в этих документах называется казачьим сыном [РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 527, д. 13., л. 103–104 об.]. Соответственно, такой же статус в 1736 г. имел и Алексей. Но кто был их отец и как он (коряк!) оказался на казачьей службе, неизвестно. Поименование обоих братьев русскими именами свидетельствует, что уже к этому году они были крещенными, хотя во время следствия 1746 г. упоминалось и корякское имя Алексея — Камчюга (у П.В. Громова — Камчуш)».

Конечно же, сути дела не меняет то, что Андрею Сергеевичу не был известен их отец. В истории Сибири достаточно много фактов, когда «иноземцев» (или «инородцев») принимали на службу и в качестве толмачей, и в качестве служилых людей. И среди них было немало коряков и чукчей.

И оба брата Лазукова на момент корякского восстания были на… службе.

Иван Лазуков состоял при особе руководителя Камчатской Духовной Миссии — архимандрите Иоасафе Хотунцевском и был отпущен архимандритом в корякские острожки по «отпускному письму» по личным делам, как сообщает он сам на допросе.

Алексей Лазуков вообще был официальным переводчиком.

Кстати, идея А.С. Зуева о том, что «море забрало» Лазукова, и он таким образом лишился статуса вождя восстания, стал «изгоем» и потому поспешил сдаться, конечно, интересная.

Но как быть с тем, что море уже «забирало» Лазукова, когда он на пакетботе «Святой Петр» мотался, как и на той же льдине, по морю, не ведая, что шторм когда-нибудь выбросит их судно на необитаемый остров, приговорив себя, как и многие на пакетботе, к неминуемой смерти.

Или он прошел впоследствии обряд «очищения», о котором пишет А.С. Зуев, чтобы его коряки признали своим вождем?

А может быть, все проще — брату Ивану удалось за месяц пребывания на этой льдине убедить своего брата в том, что ему нужно сдаться русским, а не воевать против них.

А убедить удалось по той же простой причине — за период зимовки на Командорском острове, где все, кто остался жив, жили здесь в условиях островного братства, заботясь друг от друге, забыв о чинах, сословных и национальных сословиях, о чем пишут и Георг Стеллер и Свен Ваксель, и сам Андрей Сергеевич Зуев. И Алексей Лазуков был главным кормильцем и спасителем тех из членов экипажа «Святого Петра», кого сломила цинга и кто не мог даже двигаться. И тому были живые свидетели, оставившие в истории свои воспоминания…

И это ведь не шекспировские сюжеты — а жизнь.

И становится понятной причина, почему Алексей Лазуков брал всю вину о восстании и убийстве русских казаков на себя — он защищал таким образом и своих братьев-коряков, расправа с которыми была неминуема, смягчая тем самым им приговоры…

И А.С. Зуев это тоже подтверждает в своих рассуждениях: «…какие мотивы двигали им, когда он “сдавал” своих соратников и раскрывал планы восставших, судить невозможно. В любом случае следственная комиссия воспользовалась признаниями Алексея, чтобы сделать из него главного злоумышленника. Для этого были и определенные основания: ведь с его уходом из лагеря восставших последние не предпринимали более активных действий против русских, ограничившись грабительским налетом на ительменский Столбовской острожек».

«Остается неясной и судьба братьев Лазуковых. Ни один из известных нам документов после 1746 г. о них совершенно не упоминает. Не исключено, что вскоре после ареста они покончили жизнь самоубийством — ведь, как известно, суицид среди местных народов был самым распространенным способом ухода от неблагоприятных жизненных обстоятельств», — пишет он же.

Хотя, возможно, все было и по-другому.

7 июля 1905 году староста села Воямполка Иван Павлович Лазуков участвовал вместе с тигильскими казаками в захвате японской шхуны, занимавшейся «хищническим» промыслом рыбы в устье реки Воямполки. Вместе с ним принимал участие в народном ополчении его земляк (и, возможно, ро́дник) Гордей Лазуков.

После окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берега» Иван Павлович Лазуков был награжден серебряной медалью.

Известен еще один житель Воямполки — Лазуков Варфоломей Лукич (1881 г. р.), который 17 марта 1935 года был арестован органами НКВД как «социально-вредный элемент» (без указания в деле статьи УК РСФСР) и приговорен к 5 годам лишения свободы. Дальнейшая судьба его неизвестна.

А по метрическим данным в 1889 году родились в Паланской волости, к которой относилась Воямполка, Лазуков Данил Иванович и Лазукова Мария Никифоровна. Это говорит о том, что, судя по отчествам, род Лазуковых в Воямполке был довольно многочисленным.

Являются ли они прямыми потомками братьев Лазуковых мы не знаем. Но эту фамилию и сегодня мы находим в списках коренных малочисленных народов Севера Камчатки.

ВОЖДЬ ЛЫКОЧ

С.П. Крашенинников: «…по левую сторону [реки] Камчатки (в двадцати шести верстах ниже устья реки Еловки — *С.В.*) есть камчатской острожек Пингаушчь, а по русски Каменной, которой бывши прежде сего весьма многолюдным, пришел ныне в толь бедное состояние, что жителей в нем не больше 15 человек осталось. Причина тому собственное их неспокойство: ибо не было ни одного бунта, в котором бы жители сего острога не имели участия».

После С.П. Крашенинников уточнит, что в числе 15 он имел в виду коренных каменцев: «А по переписным книгам объявляется 69 человек, которые однакож из новообъясаченных или из холопства освобожденных после к помянутому острожку приписаны, с тойном не живут или совсем его не знают».

Тойном же при С. Крашенинникове был некий Иван Карбаганов, новокрещенный камчадал, по всей видимости, из недавно назначенных нижнекамчатским приказчиком на эту должность.

Дело в том, что в период Харчинского бунта каменские камчадалы были в союзе с еловскими и ключевскими «изменниками», за что и сильно пострадали.

Правда, А.С. Зуев в своем очерке «Восполняя белые пятна» не совсем верно интерпретирует те цифры, которые обозначил С.П. Крашенинников: «Часть ительменских поселений, по сведениям Крашенинникова, запустела или оказалась на грани исчезновения. В частности, в “острожке Кыллуша” из 45 взрослых мужчин осталось “человек с 12”, в Каменном острожке, где было 69 ясачных плательщиков, “не больше 15 человек осталось”».

Всего, по его же собственным подсчетам, погибло в период нижнекамчатских событий 69 человек (а это и еловские, и ключевские, и каменские, а также убитые самими восставшими камчадалами их земляки из Козыревского, Щапинского, Крестовского и Камаковского острожков).

А вот тойоном у них в этот период был вовсе даже не Иван Карбаганов.

Андрей Сергеевич Зуев только единожды упоминает имя вождя из Каменного острога, но в очень даже любопытной для восстания камчадалов ситуации: «По признанию самого Ф. Харчина, вырвавшись из острога, он спрятался “близ острогу в лесу” и наблюдал за сражением до его конца. Здесь к нему присоединился Ор Тавач, бежавший из острога вместе с тойоном Ликочем (Ливуч, Лювич) еще в ночь с 26 на 27 июля. Затем Федор и Ор Тавач перебрались на другой берег р. Камчатка и “жили на зарешной стороне до отбытия служилых к морю”».

А затем: «После ухода отряда Спешнева из Нижнекамчатского острога Ф. Харчин, Тадея Пурин (он был взят в плен при штурме, но бежал), Ор Тавач и новокрещенный Михаил Катканов (Чарым Камач, или Канач?) сожгли уцелевшие после боя церковь, «государев» двор и две казачьи избы».

По дороге в п. Ключи открывается ошеломительный вид на вулканы, во главе с Ключевской сопкой. www.drive2.com

2 ноября 1731 года Федору Харчину был задан вопрос: «Ты, Федор, и с протчими своею братиею о измене согласия было в которых годех, что Нижне Камчадальский острог выжечь, а казаков прибить».

Ответ: «О измене мы согласие имели, что острог выжечь, а казаков прибить, мая девятого дня сего ж 1731 году».

Вопрос: «А с тобою ко оному зломыслию в согласии были тоены кто имяны и которых острогов, и протчая ваша братья иноземцы, коликое вас число имелось быть».

Ответ: «О согласии тоены с нами были от Крестов Ивол, Тавач да Дурига, да Ханея и Хомычев, да ключевские Ханея да Дадея и Урин, да подострожной Хавроткин да Колыч, еловской Валага и Купин да Игил да Лалот, Голгоч, ключевской Налач, Каменного острогу Ливуч, еловской Чаромаш, Колычева брат Гижур и вышеозначенные тоены все с родниками».

Урин (Тадея Иурин), Чаромыш (Черемач Баргачев), Ор Тавач были впоследствии казнены.

В списке тойнов, возглавивших Харчинский бунт, мы находим еще одно знакомое имя — Ливуч (Лювич, Ликоч), тойон Каменного острога, который сбежал из Нижнекамчатска в ночь перед штурмом, опережая трагические события, вместе с Ором Тавачем. И затем, по всей видимости, тоже, как и Ор Тавач, последовал за своим предводителем, и, вполне возможно, был в составе того отряда, который сжег первую на Камчатке церковь с приходом в память Николая Мирликийского Чудотворца.

Возможно — потому что более о нем в следственных материалах, на которые ссылаются исследователи, нигде ни слова…

Только Федор Харчин на допросе называет его в числе тех, кто бежал вместе с ним из острога — Голгоч, Урил, Налач, Итту — Налачев брат, Дадея, Тавач, Лювич — «и пошли по Еловке в старые свои жилища»…

Нет этого имени, как имен Нефеда Тенивина и Степана Харчина, и в приговоре походной розыскной канцелярии.

Но все эти три имени встречается позже в другом месте — в списке тойонов камчатских острогов.

«На Уачьхаче речке, которая от русских ключами называется, потому что зимою никогда не мерзнет, есть камчатский острожек Кыллуша, которой до измены был весьма знатен и многолюден; но от тойона с подчиненными, которые в 1731 году были в числе главных бунтовщиков, пришел оной а толь жалостное состояние, что от великого множества жителей ныне только человек с 12 в нем числится».

И вновь уточнение: «По переписным книгам 43 человека считается, по той же причине, которая о Каменном острожке объявлена».

А тойоном этого Ключевского острожка был… Ликоч, бывший тойон Каменного острожка…

В 1735 году в Нижнекамчатском остроге, отстроенном уже на новом месте на реке Радуге, был бит кнутом по итогам расследования причин Харчинского бунта казак Евдоким Колегов, который впоследствии стал крестным отцом ключевского тойона Ликоча — Никиты Евдокимовича Колегова (потомки которого стали писать свою фамилию через два «лл», чтобы отличаться от соплеменников).

И вот какая прелюбопытная история: «После первого Ключевского священника Максима, внука иеромонаха Иосифа Лазарева (сына которого — дьячка Андрея — смертельно ранили камчадалы в 1731 году, предварительно спалив церковный двор, чтобы в огне пожарища перебить казаков и захватить Нижнекамчатский острог. И вполне вероятно, что это могла быть и стрела, пущенная Ликочем — *С.В.*), вторым священником был Григорий Коллегов. Отец его природный камчадал, тойон Ключевского острожка Лыкоч, в крещении наименованный Никитою Евдокимовым Коллеговым, сделался за смышленность свою любимцем архимандрита Хотунцевского, и был первым церковным старостой при начальной Ключевской церкви. Григорий поступил в 1760 году пономарем к сей же церкви, а в 1777 году 7 января рукоположен иркутским епископом Михаилом I во священника. Скончался 27 февраля 1797 года. Место умершего занял сын его Михаил, рукоположенный в священника 21 апреля 1799 года иркутским епископом Вениамином. За пастырские труды Михаил был впоследствии украшен наперсным крестом. А в 1842 году преосвященным камчатским Иннокентием, совершавшим первое служение в Ключевской церкви 15 декабря, — как в воздаяние заслуг, так и в ознаменование дня открытия камчатской епархии, Михаил почтен саном протоиерея. Скончался в сентябре 1852 года. Место его занял сын его Илья. И уже один из внуков его Михаил священствует на Камчатке. Только род Коллеговых чисто камчадальский упрочился на службе церкви» (Прокопий Громов, «Историко-статистическое описание камчатских церквей», Труды Киевской духовной академии, Киев, 1861).

У Григория Никитовича Коллегова было три сына — Михаил, Григорий и Георгий, каждый из которых также пошел по духовной линии.

Дети старшего — Михаила — служили в Ключевской церкви, младший из них, Василий Михайлович, был уже за штатом и крестьянствовал. Он был отцом последнего

священника Нижнекамчатской Успенской церкви Геронтия Васильевича Коллегова, который, в отличие от представителей старшей линии своего рода не имел духовного образования.

Интересная судьба Михаила Григорьевича Коллегова, сына Григория Григорьевича, пономаря Ключевской Троицкой церкви. Он получил образование в Иркутской духовной семинарии. 26 ноября 1842 года рукоположен в священники и с 1850 года служил в Петропавловском соборе.

Именно он, во главе с настоятелем собора Георгием Ивановичем Логиновым и его братом Александром, под обстрелом англо-французской эскадры, бомбардировавшей укрепления Петропавловского порта перед штурмом, проводили торжественный молебен перед боем. В 1855 году «за оказанный им подвиг самоотвержения при отражении неприятельского нападения на Петропавловский порт в лето 1854 года в августе месяце Высочайше награжден бархотною фиолетовою скуфеею», в 1856 году награжден наперсным крестом на Владимирской ленте и памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте, которой награждались непосредственные участники сражения за Петропавловск.

Вместе с ним проводил молебен старший брат Геронтия Васильевича Коллегова Моисей Васильевич, выпускник Камчатского духовного училища, дьячок Петропавловского собора, впоследствии священник Дранкинской церкви.

В 1840 году с образованием в Российской империи Камчатской епархии, охватывающей два континента (Аляску с Алеутскими островами в Америке и Камчатку, Чукотку, Курильские острова, Якутию, Охотский край, а впоследствии еще и Приамурье с Приморьем) выпускники духовной семинарии Иркутска, Новоархангельска, Якутска, Благовещенска и духовных училищ распределялись для службы по всей этой огромнейшей территории, утрачивая всякую связь со своей Малой Родиной и своими родниками (родственниками), о дальнейшей судьбе многих из которых нам сегодня ничего не известно.

Когда в Хабаровске, будущем центре Приамурского генерал-губернаторства, был построен первый православный храм, то службу в нем начал прибывший из Николаевска-на-Амуре священник К. Коллегов — вероятно, Ксенофонт Михайлович (1813), выпускник Камчатского духовного училища, сын Михаила Григорьевича, правнук вождя Лыкоча.

А на Камчатке сегодня род потомков Лыкоча — один из крупнейших, объединяющий ключевских и большерецких Коллеговых.

Ключевских — по их исторической родине. В том числе и нижнекамчатских — здесь, как мы уже говорили, последним настоятелем Успенской церкви был Геронтий Васильевич Коллегов, сын ключевского крестьянина Василия Михайловича Коллегова.

Большерецких — по службе брата Василия Михайловича — настоятеля Большерецкой Успенской церкви Григория Михайловича Коллегова, дети которого породнились со многими старинными фамилиями Камчатки — Спешневыми, Логиновыми, Селивановыми, Сторожевскими…

А есть еще и крестники священников Коллеговых — из некогда существовавших на Камчатке сел Харчино и Еловка.

Но возможно, что это не совсем и так — и камчадалов Коллеговых (жителей долины реки Камчатка) и коряков Колеговых (жителей восточного побережья полуостро-

Храм в Петропавловске, альбом клипера «Разбойник»

Фотография на память: камчадалы Коллеговы, казаки Селивановы, священнослужители Логиновы — одна большая и дружная семья

ва) объединяет один и тот же человек — нижнекамчатский казак Евдоким Колегов, участвовавший в крещении и тех, и других, сопровождая архимандрита Камчатского — Иоасафа Хотунцевского в его Духовной Миссии из центра миссионерской деятельности — Успенской церкви Нижнекамчатского острога по «присудственным подострожным» землям. По крайней мере известно, что знаменитого корякского бунтаря тойона (вождя) Умьевушку, впоследствии прозванного Дранкой, официально называли после крещения Стефаном Евдокимовым сыном Колеговым.

Вот так переплелась наша камчатская история в судьбах ее коренных жителей.

ВОЖДЬ АГИШКИН

Ичинские камчадалы называли свой острожек Оаут. Во времена С.П. Крашенинникова тойоном Ичинского острожка был Тынешка. «Ясачных» насчитывалось 84 души, из которых 23 были «собольниками», а 61 — «лисичниками».

Ичинский острожек занимал важное военное стратегическое положение задолго до прихода на Камчатку русских, отражая нападения различных племен и народов как с севера, так и с юга.

Вот, что можно прочитать у С.П. Крашенинникова: «Господин Стеллер причиною междуусобных браней тамошних народов ненависть же и роскошь объявляет, но с некоторыми особливыми обстоятельствами, которые сообщим здесь в дополнение.

Хотя пишет он, в Камчатке главного начальника прежде и не было, но всяк жил по своей воле; однако две внутренние страсти: ненависть и роскошь причиною были, что камчадалы сами свой покой и мирное житье отвергали и тем время от времени больше умалялись (в рукописи зачеркнуто: пришли в малолюдство — *С.В.*), и приходили в изнеможение. К неприятельским действиям побуждали их женщины, властолюбие и всякие домовые вещи и уборы. Но чтоб каждой мог неприятелю противиться, то поддавались они старшим, храбрейшим и умнейшим людям, и по одержании некоторых побед начальникам своим оказывали такую любовь, какая потребна была к намерению их, чтоб мщением, получением добычи и равномерным ее разделением укрепиться в своей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имели в мысли своей нечто высочайшее, то есть чтоб быть владетелями, отчего наконец последовало одного народа разделение на разные, и учинились многие равносильные стороны».

А теперь будем внимательны: «Сперва начали коряки и от Тигиля вошед в Камчатку следовали западным берегом до Большой реки (соответственно сформировалась корякско-камчадальская группа кыкша-ай — *С.В.*). После этого восстали (!? — *С.В.*) шантальцы под предводительством умного и храброго мужа Шандала. А как сей власть свою распространить вознамерился, желая получить ласкою то, что зависело от силы и оружия, то есть чтоб наложить дань на всех камчадалов мужеска полу и женска, то сделались паки две стороны, одна у вершин реки Камчатки, которая продолжалась до приходу россиан, а другая в Кроноках, которая простиралась жилищами до самой Лопатки (то есть Курильская землица, территория проживания айнско-камчадальской группы — *С.В.*). Наконец живущие от Голыгиной реки до Компаковой отпали от жителей Курильской лопатки. И хотя сии люди малочисленнее были, однако всех других превосходили силою, храбростию и разумом, нападали на различные остроги, отводили в плен женской пол и малолетных; ибо мать нынешнего тойона первого Курильского островом, именем Купени, была пленница, родом из Ичинского острожка, которой лопатские жители погромили уже по прибытии россиан в ту сторону, чего ради островские жители ичинских камчадалов почитают за родню свою».

И добавляет: «А сии лопатские жители, или просто курилы, потому были непобедимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарах своих по морю, и отходя с получением корысти без опасности погони, ибо камчадалы морских судов не имеют».

В 1731 году ичинские камчадалы пытались также, как и многие другие, поучаствовать в бунте, поднятом Федором Харчиным и дядей его Голгочем, но все получилось наоборот: «На побережье Пенжинского (Охотского) моря ительмены с р. Ича убили трех служилых. После этого ичинский тойон Кивря обратился за подмогой к ительменам р. Хайрюзова. Хайрюзовцы и белоголовцы (около 100 чел.) во главе с Кишкидином, Максимкой и Щербаком, которые к этому времени сами убили на р. Белоголовая казаков Кирилла Золотавина, Василия Портнова, Карпа Бекирева, поначалу откликнулись на приглашение Киври. Однако, узнав, что в устье Облуковины много казаков, вдруг “осердились” на ичинцев, погромили их, а заодно и ительменов, живущих на р. Сопочная, забрав их пожитки, жен и детей».

Обратно пленных вернули уже в период расследования причин Харчинского бунта по приказу начальника походной розыскной экспедиции майора В.Ф. Мерлина.

По всей видимости, он же «сместил» с должности тойона и «неблагонадежного» Киврю, хотя по делам следствия — это имя почему-то не проходит. Возможно, он был убит в стычке с хариузовскими камчадалами.

Новый тойон — Агишкин — был крещен. Крестным отцом у него был капрал (до этого казачий сотник) Иван Уваровский, служивший на Камчатке и даже одно время принявший на себя полномочия приказчика.

Его тезка — сын тойона Агишкина — Иван Уваровский был весьма смышленым, быстро освоил грамоту и был назначен архимандритом Иоасафом Хотунцевским в 1747 году учителем в Ичинский молитвенный дом, а в 1758 году епископом Иркутским Софронием был рукоположен в священники и назначен первым настоятелем только что построенной Ичинской Вознесенской церкви.

Но в 1768 году отец Иван Уваровский стал одной из жертв страшной оспенной эпидемии, обрушившейся на Камчатку.

В 1800 году на Камчатку вновь обрушилась оспа. Особенно пострадала та ее часть, которая связывала казачьи центры полуострова Большерецк — Верхнекамчатск — Нижнекамчатск. Некоторые поселения полностью обезлюдели.

И тогда началось массовое принудительное переселение жителей западного побережья Камчатки — той ее части, которую не затронула эпидемия, — в камчадальские поселения, имеющие важнейшее значение для «каюрной гоньбы» — транспортной связи административных центров полуострова.

Была еще и другая причина переселения — мало кто знает сегодня о том, что камчадалы были участниками многих промысловых экспедиций в Русскую Америку – их наем был для купцов более дешевым, и камчадалы выдерживали гораздо легче, чем уроженцы России выдерживали суровые испытания голодом и холодом, не страдали от скорбута (цынги). Вот только одно сообщение о событиях, происходивших на острове Уналашка во время ее открытия русскими мореходами:

«По прибытии ж… на остров тамошней народ с первое их на оной прибытия вступили к ним навстречу со своими стрелами, которые так же, как и алеутский народ, имея в шестиках укрепленные кости и каменье острые, мечут из досок, и учиня приступ, усилились было всех перебить и ранили Пономарева в правое плечо, Глотова в грудь да в левое плечо, камчедала Игнатъя Уваровского в правую ногу, Стефана Уваровского убили до смерти, а протчих при том господь спас, токмо отбили у них байдару с кормы, с платьей и протчим шкапертом да 2 топора, от которых, едва защищаясь зделанными на судне ис платья и протчаго оставшегося шкаперту и досок щитами, спаслись. И с тем оной народ разбежался. А потом оные, не видя от них отмщения против их нападения, кроме ласковости, пришли к ним к судну вторично без всякой уже ссоры и нападения и встретили обыкновенно и с собою принесли к пропитанию мяса и рыбы сушеной трески. Напротиво чего и они Пономарев и Глотов со товарищи что при ком отыскаться могло из мелочей, то есть, от игол, шильцев и протчего, дарили. И при том своем приходе возымели с ними дружеское обхождение они к ним ласку и привет. И возвратили они отбитую ими байдару со всем, что во оной было. И через оную их ласку и привет при таком дружеском их с нами обхождении на означенных двух отысканных островах приведено ими со всеми компанейщиками… в подданство и платеж ясака тамошних народов. А при отправлении с тех островов по добровольному оных народов к подданству склонение, а через Пономарева и Глотова с товарищи к ним ласку и привет, оные желание возъимели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили».

«Засада», худ. Игорь Пискунов

В связи с необходимостью поддержать «каюрную гоньбу», камчадалы Уваровские, потомки отца Иоанна, появляются в Апачах, и уже коренные апачинцы — Захар Захарович Уваровский с братом Николаем принимают участие в боевых действиях в период Русско-японской войны в составе Большерецкой дружины, обороняя Камчатку от японцев.

Уваровский Петр за участие в боевых действиях против японцев был награжден серебряной медалью «За усердие».

В 1905 году и староста древнего камчадальского селения Начики (Мышху — у Крашенинникова) Дмитрий Кузьмич Уваровский был награжден серебряной медалью «За усердие» за активную деятельность и «распорядительность» по формированию народного ополчения в период Русско-японской войны. А его отец — в прошлом житель села Авача, в числе лиц, «не участвовавших в сражении, но находившихся в окрестностях Петропавловского порта в блокадном положении», был награжден бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 года.

Любопытную историю переселения рода Уваровских по линии Кузьмы Семеновича мы обнаружили в архивах.

Кузьма Семенович не был камчадалом — он был крестьянином (его мать была вдовой рядового, служившего прежде в Камчатском гарнизонном батальоне и вполне вероятно, происходившего из казачьего рода Уваровских). Но Кузьма Семенович рано умер, и его вдова в 1867 году вышла замуж за камчадала Николая Варфоломеевича Елагина, переселенного из села Авача в село Коряки, куда перебралась и Мария Яковлевна Уваровская с детьми. Так авачинские Уваровские тоже стали камчадалами.

И далее.

Ревизская сказка о 13-й народной переписи камчадалов Начикинского селения Петропавловского округа Приморской области января 30-го дня 1890 г.

Дмитрий Кузьмич Уваровский — 34 года (поселен до переписи 1880 года). Сыновья его: Иван — 11 лет; Николай — 3 года; брат его Семен — 32 года; жена Дмитрия Уваровского Софья Тимофеевна — 30 лет. Дочери его: Ульяна — 7 лет; Мария — 1 год. Жена Семена Александра Прохоровна — 22 года. Дочери его: Александра — 3 года; Анна — 9 месяцев.

Но были и другие истории переселения: например, Иван Тимофеевич Уваровский (1823), уроженец с. Ича, сначала был переселен в селение Коряки, и был награжден, как и Кузьма Семенович, бронзовой медалью на Георгиевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 года, а позже переселен в Начики. Так сошлись здесь две линии Уваровских.

Но и в Иче родовая фамилия Уваровских тоже сохранилась.

В числе ичинских ополченцев был Егор Михайлович Уваровский.

А след еще одного из потомков тойона Агишкина — брата Егора — Христофора Михайловича Уваровского (1887) — пропал в 1932 году, когда он Тройкой ПП ОГПУ ДВК был приговорен по сфальсифицированному чекистами «Тигильскому делу» к трем годам лишения свободы. И хотя в 1959 году Христофор Михайлович был реабилитирован, «сведений о дальнейшей его судьбе нет», как сообщают те, кто занимается поиском жертв политических репрессий 1930-х годов.

А теперь расскажем то, что нам известно о человеке, который оставил на Камчатке свою фамилию.

Сотник Иван Федоров сын Уваровский, происходил из якутских казаков. Его отец, судя по фамилии, был из многочисленных польско-литовских военнопленных, сосланных в Сибирь и оставленных здесь на службе. Судя же по выслуге сына — стал казачьим сотником, то есть обер-офицером, — его отец служил в чине сына боярского. Как правило, чинопроизводство в казачестве производилось не только по личным заслугам, но и по заслугам, и по чинам отцов и дедов.

Первые сведения об Иване Федоровиче мы находим в материалах Якутской приказной избы за 1706 год — в это время он был еще рядовым казаком десятой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Затем следует 1718 год, когда Уваровский уже заметно вырос в казачьих чинах: были назначены «прикащиками из детей боярских: в Большерецк Василий Качалов, в Нижнекамчатск Иван Уваровский (Уваровский был последний прикащик в Нижнем; после него назначались уже туда коммисары, подчиненные Большерецку) и в Верхний Поротов» (А.С. Сгибнев).

Следующая из имеющихся в нашем распоряжении исторических записей об Иване Уваровском относится к событиям, предшествовавшим Харчинскому бунту: «Новгородов оставался прикащиком по 1 января 1731 г., в котором сдал Нижнекамчатский острог служилому Михаилу Шехурдину; а Верхнекамчатск Ивану Уваровскому, от которого в июне 1731 г. принял острог казак Василий Пашков, а Большерецк — Кузьма Олесов. Иван Шестаков выехал из Камчатки в 1730 г., Новгородов, Уваровский и Шехурдин в 1731 г.».

Новгородова и Шехурдина привезли потом обратно в кандалах. Ивана Новогородова повесили, а Михаила Шехурдина били кнутом за злоупотребления, ставшие при-

чиной бунта камчадалов. Что интересно, Уваровский по делу о Харчинском бунте не проходил…

А вот и последняя запись: Иван Федорович недолгое время (с 5 февраля 1744 года) управлял всей Камчаткой: «принял управление капрал Уваровский, который сдал должность в октябре 1744 г. прибывшему в Камчатку новому командиру капитану Лебедеву».

В 1748 году мы встречаем имена Михаила и Матвея Ивановичей Уваровских в списке якутских казаков, в 1761 году в этих же списках видим имя сына боярского Михаила Михайловича Уваровского…

ВОЖДЬ ТОНАЧЬ (ТОНУ)

«Гыг река прозвана от казаков Воровскою, для того что камчадалы, которые при той реке имеют жилища, весьма часто бунтовали и лестью побивали ясашных зборщиков.

…При реке Гыг от устья верстах в 20 есть камчатской острожек одного имени с рекою.

…Строения в нем 1 юрта, 28 балаганов, ясашных иноземцов 30 человек, в том числе 8 человек собольников да лисишников 22, тойон новокрещен Петр, иноземческим именем Тону».

В другом месте С.П. Крашенинников уточняет имя вождя — Тоначь.

Фамилия новокрещеного тойона Петра не указана, но вполне вероятно, исходя из тенденции крещения-братания, эта фамилия была Спешнев.

И мы, если даже ошибемся, то ошибемся не очень сильно, потому что эта фамилия была главной в острожке, а потом в селении Воровском, на протяжении двух последующих веков.

Кто такой в истории Камчатки Спешнев?

Это был дворянин, судостроитель, корабельный мастер, точнее «ботовых дел подмастерье», прибывший на Северо-Восток России в составе экспедиции Афанасия Шестакова — Дмитрия Павлуцкого. И это был еще человек, который в самое ответственное для Камчатки время, связанное с Харчинским бунтом, принял вместе с геодезистом Михаилом Гвоздевым управление краем, восстановил здесь порядок и занялся строительством Нижнекамчатского острога на реке Радуга.

Его появление на западном побережье Камчатки было связано в 1729/30 гг. с трагедией двух построенных им судов — бот «Восточный Гавриил» разбился у берегов Камчатки, а бот «Лев» был захвачен и сожжен ямскими коряками.

Степан Петрович Крашенинников, скрупулезно отмечавший в своей книге «Описание земли Камчатки» все важные события в истории нашего полуострова, не прошел мимо и того факта, что первыми русскими крестниками становились именно тойоны — вожди, а их крестными становились в то время первые руководители края — Мерлин, Павлуцкий, казачий пятидесятник Атласов, сын камчатского Ермака…

Поэтому и появление фамилии Спешневых в селе Воровском было совершенно не случайным.

У нас нет сегодня на руках доказательств того, что именно Тавачь (Тону) и стал первым Спешневым в Соболево.

Мы знаем другое — все Спешневы из села Воровское (Мономахово, Соболево) имеют своими родоначальниками двух Степанов. Степана Старшего. И Степана Младшего.

Возможно, что это один и тот же род.

Это первое.

И второе — родовое старшинство, то есть избрание тойона (вождя), а впоследствии старосты села, попеременно переходило от потомков Степана Старшего к потомкам Степана Младшего и наоборот.

И, наконец, третье.

Долгое время в селе Воровском фамилия Спешневых была единственной.

И уж если Спешневы внутри своего рода не вступали в перекрестные браки (хотя такие факты и наблюдаются), то их общей родней выступали те камчадальские аборигенные и старожильческие семьи, с которыми они породнились.

Возьмем для примера только одну семью — детей Ивана Александровича Спешнева (1815 г. р.):

Спешнев Василий Иванович (1847), ж. (с 1870) Павлуцкая Елена Васильевна (1846), дочь Крутогоровского камчадала Василия Павлуцкого.

Спешнев Прокопий Иванович (1864 – 22.06.1911), ж. (с 1872) Борисова Варвара Петровна (1854), дочь камчадала с. Крутогорово Борисова Петра Ивановича.

Спешнева Мария Ивановна (16.01.1867), м. (с 1892) Петров Гавриил Аристархович (1861), с. Облуковина.

Спешнева Агриппина Ивановна (1870), с. Воровское, м. (с 03.02.1891) Усов Василий Васильевич (1865), сын баталера 27-го флотского экипажа, Петропавловскиий порт.

Спешнева Евдокия Ивановна (1873), м. 1 (с 13.01.1893) Спешнев Анкудин (Анкидин) Михайлович (1853 – 18.07.1906), с. Воровское, участник обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., погиб на р. Унушка 18.07.1906 г., м. 2 (с 15.07.1907) Черных Иван Васильевич (1874 – 05.03.1911), петропавловский мещанин.

Если же исходить из того, что общая численность населения Камчатской области до

революции не превышала десяти тысяч человек, то вряд ли найдется хоть одна старинная камчатская фамилия, которая, если не прямо, то косвенное, через другую родню, не была бы родственной Спешневым.

Историей своего села и своего рода одним из первых начал заниматься Федор Васильевич Спешнев, дед которого Федор Андреевич Спешнев (1829) в 1875 г. был старостой села Воровского. Кстати, во втором браке, он был женат на племяннице Ивана Александровича — Вере Петровне Спешневой.

Федор Васильевич, сын камчадала селения Воровского Василия Федоровича Спешнева и камчадалки села Крутогорово Надежды Михайловны Кильтякиной (Колтакиной) оставил замечательные воспоминания о своем времени, которые в настоящее время опубликованы в различных изданиях. Матерью его детей была Александра Николаевна Ворошилова из семьи камчатских (прежде иркутских, а еще ранее — тверских купцов). И вопросами краеведения начала заниматься его дочь — Елизавета Федоровна (в замужестве Радькова).

И вот одна из перекрестных линий родства: Спешнева Евдокия Януарьевна (04.08.1898 – 10.09.1975), м. Радьков Яков Павлович (1880 – 17.02.1931).

«Яков Павлович Радьков родился в 1880 году в дер. старый Быхов Могилевской области в Беларуси. Сослан на Камчатку за политические чтения населению в 1909 году. Участвовал в строительстве телеграфной линии Соболево — Петропавловск. Работал учителем до 1922 г. в с. Хайрюзово, затем в с. Облуковино и в с. Русь. Умер в 1931 г. в г. Петропавловске-Камчатском, где и захоронен на старом кладбище на 4-м км».

Его сын — Леонид Яковлевич Радьков — и стал супругом Елизаветы Федоровны Спешневой.

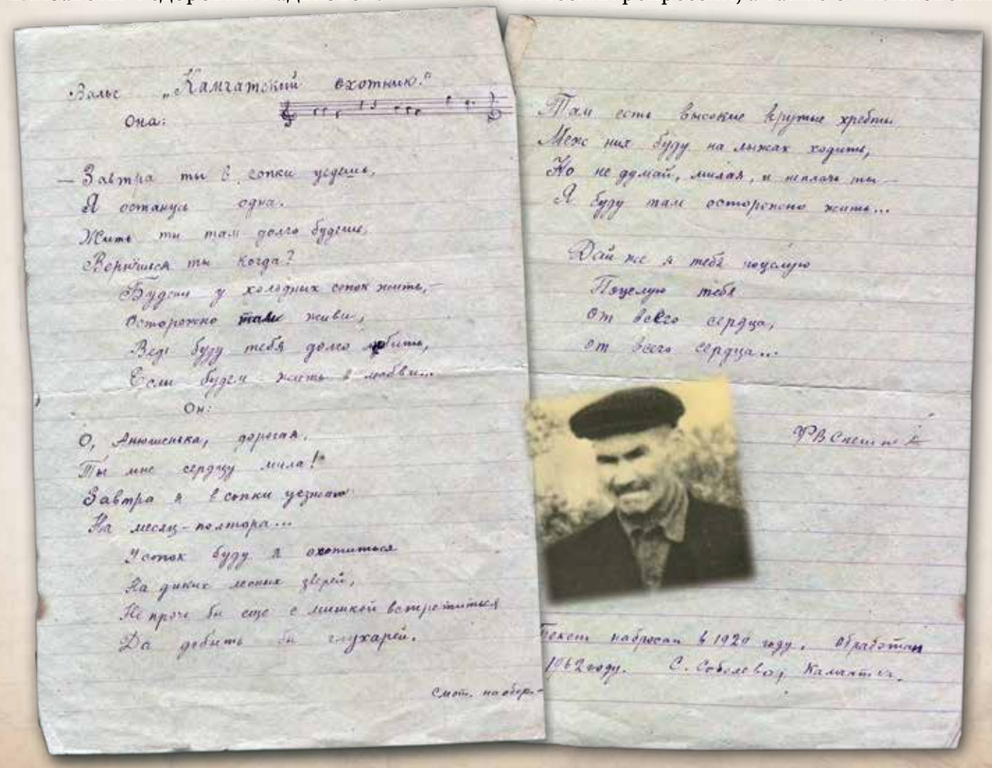
Их дочь — Надежда (в замужестве Лысогор) одной из первых начала сбор материала по родословной своей семьи.

С Елизаветой Федоровной я впервые познакомился в начале 1980-х годов, когда мы с Владимиром Ивановичем Семеновым и Георгием Германовичем Поротовым приехали в Соболево на поиски могилы Максима Ивановича Сотникова — первого инспектора рыбнадзора Камчатки, а в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. командира ополченческой Большерецкой дружины, погибшего 18 июля 1906 году в устье реки Воровской в схватке с японскими браконьерами. Вместе с ним погибли и сопровождавшие его жители села Воровского. Все они были Спешневыми:

Александр Григорьевич (1886), Анкудин Михайлович (1853), Василий Петрович (1867), Гавриил Прокопьевич (1873), Иван Васильевич (1878), Феофан Степанович (1877).

В числе погибших был и Македон Александрович Ворошилов — родной дядя Александры Николаевны Ворошиловой, матери Елизаветы Федоровны Радьковой.

А в Мильково в клубе «Камчадалы» я познакомился с другой замечательной женщиной из рода Спешневых — Лидией Михайловной Трофимчик, которая занималась в те годы вместе со своими коллегами по клубу поиском материалов о жертвах политических репрессий, а также о мильковских

Вальс «Камчатский охотник»

Вальс «Камчатский охотник».

Она:

— Завтра ты в сопки уедешь,
Я останусь одна.
Жить ты там долго будешь
Вернешься ты когда?
Будем у холодных сопок жить,
Осторожно там живи,
Ведь буду тебя долго ждать,
Если будем жить в любви...

Он:

О, Анюшенька, дорогая,
Ты мне сердцу мила!
Завтра я в сопки уеду
На месяц-полтора...
У сопок буду я охотиться
За дикими моими зверей,
Не прочь бы еще с лишкой встретиться
Да добыть бы глухарей.

Смот. на обор.

Там есть высокие крутые хребты
Меж них буду на лыжах ходить,
Но не думай, милая, и не плачь ты
Я буду там осторожно жить...

Дай же я тебя поцелую
Поцелую тебя
От всего сердца,
От всего сердца...

Текст написан в 1920 году. Обработан в 1962 году. С. Соболево Камчатка.

Вальс «Камчатский охотник», автор Спешнев Федор Васильевич

камчадалах — участниках Великой Отечественной войны и Курильского десанта. Но ее поиски вышли далеко за пределы Мильковского района.

А выбор темы не был случайным. В Соболево в годы политических репрессий их кровавой жертвою стала именно семья Василия Федоровича Спешнева.

Петр Васильевич (07.06.1903 – 22.08.1938) был арестован 8 марта 1938 года и приговорен к Высшей Мере Наказания (ВМН)… без предъявления обвинения. Расстрелян.

Его брат, Михаил Васильевич (1906 – ?), отец Лидии Михайловны (род. 18.07.1932 г.), также арестован 8 марта 1838 года и также без предъявления обвинения приговорен к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1956 году, но судьба его до сих пор неизвестна (по официальной версии умер в 1939 г. в Магадане).

С Федором Васильевичем расправились позже. Вот какой интересный документ был передан мне Надеждой Леонидовной Лысогор:

Автобиография

Я, Спешнев Федор Васильевич, родился в 1898 году в бывшем селении Воровском – теперь Соболево — Камч. Области. Окончил трехклассную церковно-приходскую школу в 1912 году. После этого помогал своим родителям занимавшимся тогда крестьянством сельским хозяйством. В 1914 г. по решению общего сельского собрания меня зачислили на выполнение сельских общественных работ, которых выполнял натурой, а со времен революции меня избирали на собраниях в сельревком, в волостной комитет, в крестком (КОВ), в кооператив, в сельсовет, с 1930–40г.г. летом участвовал на путинах, зимой на пушных охотах, на лесозаготовках. После этого я работал в разных предприятиях рабочим по настоящее время.

Подпись (Ф.В. Спешнев)
28 января 58г. Соболево

Выписка из протокола №4
Состоявшегося общее колхозное собрание членов колхоза «Пионер Запада» от 26 августа 1950 г.

Присутствовало 58 человек
От Райисполкома тов. Круппа А.И.
От Райкома ВКПб тов. Никифоров Е.С.
Председатель общего собрания Щербаков
При секретаре С*** (неразборчиво, похоже на Симашко)
Член президиума Спешнева В.

Слушали: по второму вопросу о исключении из членов колхоза Спешнева Федора Васильевича согласно подавшего заявления который охарактеризовал в заявлении что он работал в колхозе с момента войны, как обманным путем, запутал меня бывший предколхоза тов.Сыриков через военную комиссию, а в данный момент, меня держут как собаку на цепи да еще высказывают злостным нарушителем на меня и на мою жену, что мы будто укрываемся в колхозе.

Постановили: Общее колхозное собрание постановили: Исключить из членов колхоза «Пионер Запада» Спешнева Федора Васильевича за систематический не выход на работу и не выполнение рыболовецкого Устава. И утвердить решения правления колхоза от 25 августа о исключении из членов колхоза Спешнева Федора Васильевича.

Изъять усадебный участок Спешнева Ф.В. и запретить выпас скота на колхозной земле и заготовку сена, а также исключить из членов его жену Спешнева Александра Николаевна за систематические не выполнения выработанных т/дней.

Копия верна Секретарь к-за (подпись Сим.…)
15 сентября 50г.

Тов. прокурору Соболевского района Камч. обл.
от Спешнева Федора Вас.
граж. сел. Соболева.

Заявление.

В последних числах августа и первых числах сентября с. г. на заседании райисполкома, на заседании правления к-за <колхоза> «П.З.» <Пионер Запада> и на собрании колхоза, как и председатель колхоза Круппа, так и председатель колхоза «П.З.» Иванченко обвиняли меня в том, что будто бы я скрывался в колхозе от войны, что будто бы я нигде не хотел работать, что я одеваюсь в готовую советскую одежду и обувь, что я очень хитрый, что мои дети ходят в готовую школу учиться, что мы и мои дети ходим в готовое кино, что я строю будто бы второй дом, что я делаю много батов (лодок), что я ем готовый советский хлеб…

Я отвечаю на эти обвинения: я не скрывался в колхозе во время войны, но тогда был такой военный период и забронированный я работал в колхозе, но так как председатели колхоза часто менялись, что не хотели со мной считаться об увольнении меня из колхоза, что и вылилось сейчас большой скандал.

Работал я до этого в рыбкоопе и союзпушнине, как охотником. Работал ежемесячно, сколько хватало сил, за что и должен был одеваться в готовую одежду и обувь, но нагим ходить я не должен, т. к. считаюсь гражданином СССР. Хитростью я никогда не думал заниматься. Это те хитрецы, которые вступают в колхоз и ни одного дня не работают в колхозе, и так уходят из колхоза без шума и скандала и наравне с другими пользуются приусадебными участками и выпасом скота в колхозе. Школа, которая стоит в

Соболево сейчас — я участник постройки этой школы: лесу строительного я сам заготовлял и возил на своих собачках, а летом сплавлял по реке батом (на лодке) и был членом строительной комиссии по постройке этой школы. Здесь труда я положил немало.

Второго дома я не строю и не думаю строить, а только хочу отремонтировать старый домик, для чего потребовалось сделать новое основание до окон. Также бат (лодку) сделал только лишь один для своего употребления по речке. Весь вышеуказанный лес на постройки себе я выкупал в лесничестве и имею на это лесорубочные билеты.

Кино и хлебом пользуемся постольку, поскольку я с самого начала революции и по настоящее время трудился на благо родины и ежегодно отдавал деньги на подписку государственных займов на развитие нашего государства и укрепление мощи от внешних врагов.

Радькова (Спешнева) Елизавета Федоровна, зслуженная учительница РСФСР

Все вышеизложенные выпады на меня я принимаю за оскорбление меня от предрайисполкома Крупа и предколхоза Иванченко. В чем я прошу т.Прокурор принять к разбору моей жалобы.

Ф.В.Спешнев (подпись)
4-го сентября 1950г. с.Соболево.

Тов. прокурору Собол. Района Камч. обл.
от Спешнева Федора Вас.
граж. сел. Соболева.

Заявление.

Я, Спешнев Федор Васильевич, 1898 года рождения, даю пояснения о том, что я членом в колхозе «П.З.» <Пионер Запада> не был. Детей у меня 8 чел.. Из них один в армии, трое на службе по учреждениям, двое ходят в школу, один глухонемой. До войны работал в рыбкоопе и в союзпушнине по заготовкам пушнины. А во время войны проходила мобилизация в колхоз под личную роспись. В том числе был я и моя старшая дочь, бывшая студенткой педучилища г. Петропавловска <Е.Ф.Радькова> После первой мобилизации я снова возвратился на прежнюю работу, т. е. в рыбкооп. И в 1943 году был вторично мобилизован в колхоз и проработал до февраля 1950 г. В первые годы приходилось работать ловцом, не имея спецовки, в американских ботинках и с тех пор страдаю ногами: ревматизмом и судорогами на ногах. За этот период я несколько раз пытался уйти на прежнюю работу, т.к. не являлся членом колхоза, хотел оформить документами, писал заявление (председателю Панову). Но получал отказ. Просил отпуск на 20 дней на ремонт дома, но мое заявление не разбиралось и правление даже не знало об этом. В июне 49г. у меня случилось несчастье: пала корова дойная. Так как без своей коровы с детьми было жить тяжело, мы решили попросить в колхозе взаимообразно деньги на покупку коровы. Но в этой просьбе тоже отказали. В то время другие колхозники часто получали взаимную и безвозвратную помощь денежную. А во время войны материал (одежда) распределялся по организациям, и здесь при выделении ордеров мне все доставалось хуже, а иногда и вовсе забывали включать в список. А я в ловецкой бригаде, как опытный ловец, и выполнял на море и на реке ответственные и порой опасные для жизни поручения. Но у нас в колхозе считались лучшими только те, кто больше о себе говорит сам, но это не в моем характере. Находясь на положении пасынка в колхозе, я, учитывая свои года и здоровье, решил уйти из колхоза, и считал находиться в таком положении унизительным и оскорбительным. Я подал заявление в правление об уходе из колхоза. Правда я написал заявление грубо и считаю себя ви-

новным. Но правление вместо того, чтобы удовлетворить мою просьбу об уходе из колхоза, они стали создавать дело вплоть до изъятия всего приусадебного участка с отобратием огорода с картофелем, оставив мне самую незначительную долю с картофелем, не считаясь с моими детьми и даже с Конституцией СССР. Я присутствовал на заседании Райисполкома, на заседании правления в колхозе и на общем собрании колхоза, где стоял вопрос обо мне в последних числах августа и первых числах сентября. Но я не выступал, так как не умею высказываться на собраниях. Я излагаю свои мысли письменно.

Ф.В.Спешнев.
4-го сентября 1950 г.
с.Соболево

На фронтах Великой Отечественной войны погибли Спешнев Афанасий Петрович, Спеснев (Спешнев) Владимир Калистратович (1924 – 24.03. 1945), Владимир Алистархович Спешнев (1923)

18 августа 1945 года погибли, освобождая от японцев остров Шумшу, Александр Январович и Николай Николаевич Спешневы, а в составе Курильского десанта был целый «взвод» Спешневых: Александр Кирилович, Василий Николаевич, Геннадий Петрович, Илья Борисович, Константин Васильевич, Ливерий Федорович (сын Федора Васильевича и брат Елизаветы Федоровны), Максим Степанович, Николай Борисович, Николай Лукич (медаль «За отвагу»), Петр Николаевич.

На фронт, как правило, уходили самые молодые — многие из которых, погибая, еще не успели жениться и продолжить свой род.

И как это нередко случается — в обилии родственных имен постепенно угасала память о павших героях, тускнели, забывались и терялись родственные связи, иссыхали корни родовой памяти…

Не мог смириться с этим родовым беспамятством Федор Васильевич Спешнев, бережно, по крупицам собирая и сохраняя то, что он должен был оставить в наследие своим потомкам.

И его племянница, Лидия Михайловна, в замужестве Трофимчик, пошла далее всех своих родственников — она начала создавать родословную летопись родного села, собирая по крупинкам материал о каждом из его старожилов.

Но в центре ее родословной, конечно же, был род Спешневых.

Сегодня и нами собран огромный материал об истории этой уникальной камчатской фамилии. Создана поколенная роспись рода от Степана Старшего и Степана Младшего. Изданы две книги «Камчадалы — защитники Отечества» и «Летопись Великой Победы. Камчадалы — защитники Отечества». Вышел двухтомник «Тайны камчатских имен» и альбом «Тайны камчатских имен. Курильцы, камчадалы, тунгусы».

И в каждой этой книге есть свои главы об истории фамилии Спешневых.

Но вот что удивительно. Мы предложили 18 июля (по старому стилю) + 13 дней (31 июля по новому стилю) — это трагическая дата гибели Спешневых в устье реки Воровской в 1906 году — обозначить в Календаре камчатских фамилий как День Спешневых. В этот День мы хотели собрать в нашем просветительском центре «Страна рыбы и рыбоедов» вместе тех Спешневых — потомков вождя Тонача (Тону) — кто хочет знать, чтить и сохранять историю своего рода.

Но ничего из этого не вышло…

ВОЖДЬ ШКЕНЮГА

«Тахлюатынум острожек… в нем строения 2 юрты, 39 балаганов, одно зимовье, да баня, ясашных 43 человека, в том числе собольников 21, лисишников 22; тойон новокрещеной Иван Павлуцкой, иноземческим именем Шкенюга».

Острожек располагался на реке Тылуса, которую казаки прозвали Крутогорова.

Дмитрий Иванович Павлуцкий, крестный отец Шкенюги, более известен как «конкистадор Чукотки». На Камчатке был вторым лицом в походной розыскной канцелярии, прибывшей на Камчатку, чтобы расследовать причины Харчинского бунта и проводившей розыск виновных с 1733 по 1739 год.

На Камчатке он был использован в более «мирных» целях, чем на Чукотке, — возглавлял казачество, и начал (еще до прибытия студента Степана Крашенинникова) производить первые опыты по распространению среди камчадалов земледелия и скотоводства. При нем на Камчатку прибыла первая пара крупного рогатого скота.

Дмитрий Павлуцкий был потомком польского военнопленного шляхтича Яна (Ивана) Павлуцкого, сосланного в Сибирь и сделавшего здесь неплохую карьеру в чинах детей боярских. А внук польского ссыльного стал офицером Сибирского драгунского полка и был направлен в экспедицию казачьего головы Афанасия Шестакова командовать приданными Шестакову регулярными военными силами. Мало кому известно, что племянница Дмитрия Ивановича Павлуцкого была женой Степана Петровича Крашенинникова.

После завершения розыскных дел и приведения приговора в исполнение, Дмитрий

Павлуцкий в 1739–1742 году был даже воеводой в Якутске, но потом (как говорят, в результате каких-то интриг, или злоупотреблений, а может быть ему не могли простить смерть казачьего головы Афанасия Шестакова, которому он в свое время не пришел на помощь) отправлен снова в далекий Анадырский острог. Это было ссылкой.

Дмитрий Иванович, будучи представителем польских кровей, был человеком достаточно жестким и весьма конфликтным, не признающим над собой никаких авторитетов. И известен не только его конфликт с Афанасием Шестаковым, закончившийся весьма трагично для задуманной Шестаковым экспедиции. Вот еще один пример: «В это время в Большерецке находился для следствия по камчатскому бунту майор Павлуцкий. Беспокойный и грубый Шпанберг постоянно ссорился с ним, за что неоднократно был бит Павлуцким, который отличался своею силою и представительною наружностию».

В Анадырском остроге Павлуцкий вновь проявил свой характер. Несмотря на возражения подчиненных ему лиц.

И именно эти события легли в основу многочисленных мифов и легенд о сто-(и даже стотридцати-) -летней (с 1641 по 1771 гг.) войне с чукчами, хотя уже в 1753 году, то есть спустя всего шесть лет после гибели Павлуцкого, назначенный на должность «начальника Чукотки» вообще предлагал уйти с Чукотки: «В 1753 г. Пленеснер донес Соймонову о бесполезности Анадырского острога. В рапорте своем по этому предмету он, между прочим, писал, что с 1710 по 1764 год с инородцев, причисленных к этому острогу, взято в казну ясаку на 29 152 руб. 4 коп., а расходов на содержание острога с 1713 г. по 1764 г. произведено 478 148 руб. 2 коп. Кроме того, на провиант израсходовано 539 246 р. 71 к. и на доставку провианта и проезд служащих 841 760 руб. 78 коп., не говоря уже о тех лишениях и нуждах, которые приходилось переносить служащим в остроге! Например, в 1744 и 1759 годах умерло с голоду 95 человек служащих и несколько человек частных лиц. О покорении же чукоч нельзя и думать, потому что они разбросаны на огромном пространстве северо-восточного угла Сибири».

И что вы думаете: война продолжилась? Вот, что пишет все тот же А.С. Сгибнев:

«На Пересыпкина была возложена Пленеснером и перевозка команды в Ижигу. В 1768 г. он отправил туда 53 человека, а 15-го ноября 1769 г. с письменными делами, артиллерийскими припасами и другими вещами выступил из острога сам, с 38 человеками команды, на собаках и оленях, нанятых у коряк, оставив в остроге для охранения церкви священника Трифанова с 51 челов. команды. Но когда 30-го марта 1770 г. получено было разрешение на счет упразднения анадырской церкви, остававшийся в остроге прапорщик Перевенский выжег острог и с остальною командою и церковной утварью отправился также в Ижигу на 62 нартах. Таким образом был уничтожен Анадырский острог, не принесший во время своего существования никакой пользы».

Дмитрий Иванович Павлуцкий с таким «радением» взялся за «усмирение чукоч» и был настолько для них, действительно, опасен, что и спустя столетия о нем слагают легенды, как о «конкистадоре (конквистадоре) Чукотки».

Но вернемся к нашим героям.

Как показывают документы, побратался с Павлуцким — вторым официальным на период действия походной розыскной канцелярии лицом Камчатки — не только тойон Шкенюга. Эта фамилия появляется в нескольких других поселениях западного побережья Камчатки (Колпаково, Ича) — ведь здесь рядом, в Облуковино, первоначально и размещалась канцелярия, а потом она переведена в Нижнекамчатский острог. И здесь поначалу «закреплялись» та-

Павлуцкая Мария Васильевна, народная мастерица. Ковран, январь 1987 г., фото В. Кравченко

ким образом — через крещение – добрососедские отношения с теми из вождей, кто не поддержал Харчинский бунт.

Прошли годы…

А фамильные следы остались.

Так, например, в период Русско-японской войны в составе Ичинской дружины был уроженец села Сопочная Григорий (возможно, Егор) Павлуцкий.

В годы политических репрессий дважды был арестован уроженец села Ича Венедикт Иннокентьевич Павлуцкий (1878) — в 1932 году по известному на Камчатке «Тигильскому делу» он был приговорен «на срок предварительного заключения». Но в 1935 году его приговорили уже к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1959 году.

В 1995 году краевед Нина Юрьевна Толман записала интересный свой разговор с Михаилом Алексеевичем Павлуцким:

«Я родился в Сопочном в 1954 г. Дедушка: Павлуцкий Иов Егорович, а бабушка родилась в Хайрюзово, Красноярова Евдокия Егоровна. Конечно же, она потом Павлуцкой была. Мама Павлуцкая Матрена Иовна родилась в Сопочном в 1916 г. Сестра моя Суздалова Нелля, ее все знают – поэтесса, брат Павел. Я работал в колхозе «Красный Октябрь» до армии. Потом на Чукотке служил в радиотехнических войсках. И снова в колхозе работал, пять лет в связи. Стишки я еще в интернате начал сочинять. А песню поют мою здесь, по-моему, нравится ковранцам. Спою я ее тебе. «Гуси Севера» она называется:

Гуси с севера снова на юг улетают,
Оставляя гнездовья свои и покой.
Гуси с севера снова на юг улетают:
Крик печальный несется над тундрой седой.
Где-то там, далеко, на далекой чужбине
Обретут до весны тишину и покой.
Но настанет весна и опять эти птицы
Понесутся на крыльях к отчизне родной.
Листья желтые в воздухе долго кружатся
Ветер северный дует стужей тугой.

Гуси с севера снова на юг улетают –
Крик печальный несется над тундрой седой.
Гуси с севера снова на юг улетают,
Оставляя гнездовья свои и покой.
Гуси с севера снова на юг улетают –
Крик печальный несется над тундрой седой.

Михаил Алексеевич Павлуцкий — младший брат Нэли Дмитриевны Суздаловой, камчатской поэтессы.

В газете «Камчатская правда» за 21 июня 1965 года были опубликованы интересные сведения:

«Сказочник Иов Егорович Павлуцкий — охотник, кавалер многих трудовых наград. В 1925 году получил медаль Совета Народных Комиссаров «Охотнику — ударнику комзага». В 1939, 1945 и 1948 гг. — медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в ВОВ.», значок «Отличник охотничьего промысла». Его отец — Егор Васильевич, вынужден был уйти от хозяина из села в тундру. Детство прошло в охоте и заработке — сдавали пушнину в Тигиле. В один год умерла отец и мать. Пришел в Сопочное. В числе первых вступил в колхоз «Ительмен», возглавил бригаду охотников. Затем переехал в Ковран в колхоз «Красный Октябрь». Дочь — Анастасия Иовна была зам. председателя сельсовета. Дети — рыбаки Степан и Дмитрий. Внучка — Нэля Дмитриевна Суздалова».

То есть, Егор Васильевич не был коренным жителем села Сопочная — и вполне возможно, что он был уроженцем Ичи, где было много Павлуцких.

Фамилия Суздаловых, тоже пришедшая в здешние места во время крещения от якутского казака Суздалова, закрепилась в двух селениях на северо-западе полуострова — Лесная и Утхолок.

И Суздаловы тоже значительно пострадали в годы политических репрессий.

Прокопий Егорович Суздалов (1889), уроженец села Утхолок, участник народного ополчения в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. был расстрелян в 1932 году по приговору Тройки ОГПУ. Ему предъявили обвинение по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Он был председателем охото-рыболовецкого колхоза.

Его сын, Дмитрий Прокопьевич Суздалов (1917) расстрелян 28 января 1938 года по приговору Тройки НКВД без предъявления какого-либо обвинения. Он был заведующим избой-читальней в родном селе.

Анастасия Ерохина в газете «Камчатский край» в свое время опубликовала замечательную статью, посвященную поэтессе Нэли Дмитриевне Суздаловой:

«В ее сердце — камчатская тундра, крики чаек, оленеводы, охотники, рыбаки, запах толкуши и юколы. В ее песнях давние напевы, живущие на Камчатке с древнейших времен. Любовь к тундре и культуре родного ительменского народа, камчатская писательница, поэтесса Нэля Суздалова пронесла через всю жизнь, рассказывая о Камчатке, родном селе, своем народе в стихах, рассказах, сказках.

Будущая поэтесса родилась на севере Камчатки, в Тигильском районе, закончила 7 классов в ительменском селе Сопочное, которое сейчас уже перестало существовать. Творческие способности проявились у девочки очень рано. «Когда я пошла в школу, - рассказывает Нэля Дмитриевна, — мой дед, Иов Егорович, охотник, уезжая на промысел, оставлял мне задания. Я должна была прочи-

Ительменская поэтесса Нэля Суздалова, худ. В.В. Санакоев

тать несколько сказок, а потом пересказать их ему, когда он вернется. Но я ленилась и не успевала всего прочесть. Тогда, когда дедушка возвращался домой, я начинала сама выдумывать сказки и рассказывать их на ходу. Дедушка меня очень хвалил».

Все детство будущей писательницы прошло среди ительменов. Она жила в месте, напоенном их культурой, традиционными песнями, танцами. Ложась спать и просыпаясь на летнем балагане или в юрте, она слышала голоса взрослых, говорящих по-ительменски. Этот язык и ей стал родным. Это место оставило в воспоминаниях писательницы много светлых воспоминаний — две речки Сузваль (Сопочное) и Хиккиль (Россошено), вулкан Бабушка вспоминаются ею с теплотой.

После школы Нэля Дмитриевна уехала в Биробиджан, где закончила культпросвет училище, чтобы потом вновь вернуться на Камчатку. Важный этап ее жизни — работа в «Красной яранге», передвижном клубе, периодически навещающем кочующих по тундре оленеводов. Хрупкая молодая девушка наравне с мужчинами ездила на лыжах зимой, а летом — на лошадях от одной оленеводческой бригады к другой, борясь с метелями, холодом, преодолевая немалые расстояния. Кем только ни пришлось быть Нэле Дмитриевне для оленеводов — киномехаником, лектором, почтальоном, библиотекарем, фельдшером, швеей! Встречи с оленеводами в тундре сыграли огромную роль в ее творчестве, остались в памяти и вылились на бумагу в виде коротких рассказов-зарисовок, дневниковых записей заведующей «Красной яранги».

Эти и другие рассказы, сказки и стихи вошли в три сборника писательницы — «Те собачьи упряжки умчались», «Встречи в тундре», «Огненная шаманка». Сюжеты сказок Суздаловой и реальны, и выдуманы. Некоторые случаи, например, сюжет «Сузваль», одной из самых известных сказок писательницы, ее «визитной карточки», рассказал ей дед.

Нэля Дмитриевна является создателем и главным вдохновителем национального семейного ительменского ансамбля «Пимчах» («Огонек»), в котором, кроме нее, пели и танцевали ее дочь Вероника, внучки Анастасия, Дарья и внук Иван. Ансамбль был постоянным участником всех праздников и торжеств Камчатской области, выступал у оленеводов Быстринского района, в Анавгае, Эссо, Милькове. «Пимчах» знали и в Москве и за рубежом — на Украине и в Японии, где он участвовал в фестивалях и являлся их лауреатом. Сейчас семейный ансамбль распался, внуки Нэли Дмитриевны выросли, двое из уже них получили высшее образование, а младшая внучка Дарья сейчас готовится к поступлению в университет. Одна-

ко любовь к ительменской культуре, музыке осталась в их сердцах и сердцах жителей Камчатки навсегда.

Сегодня Нэля Дмитриевна является лауреатом литературной премии им. Георгия Поротова, лауреатом и участником многих конкурсов и фестивалей. В этом году, в День России, она была награждена памятной медалью «Патриот России» за большой вклад в патриотическое воспитание молодежи.

Сегодня Нэля Дмитриевна часто встречается с дошкольниками, школьниками, студентами. Проводит игры, конкурсы, беседы, импровизированные концерты, воспитывающие любовь к родному краю, артистичность. «Я так счастлива, что дети и молодежь меня понимают! — говорит Нэля Дмитриевна. — Во время каждой встречи я вижу по глазам ребят, что не зря все это затеяла!». У писательницы дома хранится множество альбомов, в которые вложены записки с пожеланиями от ее слушателей. «Спасибо за то, что делаете. Ваши стихи лечат душу», — написано в одном из многих посланий от камчатской молодежи.

Нэля Дмитриевна почти все свои стихи перекладывает на музыку и поет. И не удивительно — ее стихи очень музыкальны, особенно те, что написаны на ительменском языке. Этот язык отличается чрезвычайной мелодичностью. «Говорить на нем очень сложно, а петь нет, — отмечает Нэля Дмитриевна. — Ительмены вообще очень музыкальный народ, почти у всех от рождения великолепный голос и слух. Приезжие русские ученые удивлялись тому, как у людей, живущих вне цивилизации, могут рождаться такие мелодии. Древние ительменские песни очень красивы, и музыкальные инструменты этого народа очень разнообразны — среди них есть и такой, что по своему звучанию очень напоминает скрипку. Музыкальная культура ительменов уникальна — они слышали музыку ветра, чаек, гусей, моря. Это необходимо сохранить».

Несмотря на то, что в этом году Нэля Дмитриевна отпраздновала 40-летний творческий юбилей, творческий путь камчатской писательницы делает новый поворот. В начале 2000-х годов Нэля Дмитриевна стала истовой православной христианкой. По словам поэтессы, духовная жизнь очень важна для человека, и не прав тот, кто закрывает на это глаза. После прихода Суздаловой в храм ее стихотворения и песни наполнились христианскими мотивами, ее вдохновляют труды отцов церкви - Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. Но неизбывными остаются и старые мотивы — Север с детства глубоко вошел в душу Нэли Дмитриевны и пропитал всю ее жизнь и творчество запахом тундры. Он наделил ее особыми качествами северного человека, о которых однажды рассуждал Ваччако, один из героев рассказов камчатской писательницы: «Наш народ такой — он как бы восполняет недостатки тундры. Она сурова, люди — добры».

А завершим мы эту историю стихами Нэли Дмитриевны:

...Появиться в долине Сузвая,
В царстве речек и горных орлов,
В тишине вековой замирая,
Улыбнуться от счастья без слов.
Как же так, оказаться без хлеба,
Солнца родины, скрытого мглой?..
И молюсь я вулканам и небу:
— Земли предков, останьтесь со мной!

«Тундра цветет», худ. В.А. Шохин

ВОЖДЬ КУПХА

«В 24 верстах от Тылусы (Крутогорова) следует Шеагачь знатная речка, которая просто Оглукоминою именуется и течет из станового хребта, из под горы Схануган то есть поршень. Сия речка пала устьем в одну нутренную губу с помянутою Тылусу. Вверху ее устья верстах в 30 находится камчатской острожек Такаут, в котором проежжающие на Камчатку к переезду за хребет обыкновенно приготовляются, ибо по сей речке обыкновенная туда дорога, а ездят вверх по ней до вершины, от вершины переехав становой хребет опускаются на вершины впадающей в Камчатку реки Кыргена, от Кыргена вверх по Камчатке до Верхнего острога, а расстояния от острожка Такаута до станового хребта пустым местом 110 верст, а от хребта до Верхнего Камчатского острога 65 верст».

В официальных книгах острожек Такаут назывался Оглукоминским. По одной из версий — по имени тойона Оглукомы.

Степан Петрович Крашенинников сообщал: «Строения в нем 1 юрта большая, 2 малые да 30 балаганов, ясашных иноземцов 48 человек, в том числе собольников 17 да лисишников 31; тойон новокрещен Иван Атласов, иноземческим именем Купха».

Мы уже говорили о том, что до 1745 года, когда началось в результате деятельности Камчатской Духовной Миссии массовое крещение камчадалов в православие, это таинство носило более символический характер — характер братания (или замирения) русской администрации с тойонами крупнейших камчатских острогов.

Крестным отцом Купхи, по всей видимости, был пятидесятник Иван Владимирович Атласов, сын камчатского Ермака, который в те годы служил на Камчатке.

Облуковинский острог имел в те годы стратегическое значение, связывая северо-запад Камчатки с ее центральной частью, но в середине 1760-х годов произошло коренное изменение:

«В прежнее время зимнее сообщение Большерецка с Верхнекамчатском производилась через Петропавловскую гавань по берегу Восточного океана до р. Жупановой или по западному берегу до Облукоминского острога, откуда переваливали через хребет; а летний путь лежал по р. Быстрой в вершину р. Камчатки. Пленеснер по мысли своего канцеляриста Данилова устроил дорогу между этими двумя пунктами через Шеромы, Гаталы, Малку, Апачу и Пущино, запретив езду через Облукоминский острог. Но чтобы этот новый путь был более оживлен, он распорядился переселением на него с берега Бобрового моря из двух Кроноцких и Харчинского селений 60 семейств камчадалов, противу

Атласова Анастасия Ивановна, фото М.Я. Жилина

их желания. Переселенцы эти на прежних местах своего жительства преимущественно занимались бобровым и соболиным промыслами, которые вполне обеспечивали их существование. На новом же, совершенно пустынном, месте они лишились возможности снискивать себе даже дневное пропитание и в скором времени в нужде и болезнях все перемерли» (А.С. Сгибнев).

Он же сообщает и подробности: «В сентябре 1768 г. из Охотска было отправлено в Большерецке казенное судно «Св. Павел», на котором находился казак Тарабукин, не совсем выздоровевший от бывшей у него оспы. От Тарабукина оспа перешла на команду судна и жителей Большерецка, а потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших. В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбою и не дозволяли пить холодного — вот все меры, которые были приняты противу этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца июля 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле».

«…Оспа похитила камчадалов мужеского пола, имевших более 18 лет, 1736, малолетних 676, женскаго пола 2358 душ, а всего 5767, и, кроме того, заезжих людей 315 человек».

В 1799/1800 годах в связи с расселением на Камчатке Сомовского полка (впоследствии Камчатского гарнизонного батальона) — «оспенное поветрие» или «гнилая горячка» вновь обрушились на Камчатку, унеся тысячи жизней: «…в зиму 1799 и 1800 годов болезнь похитила 1682 человек туземцев обоего пола, а с русскими более 2000 человек».

Основной удар эпидемии пришелся по самой густонаселенной части полуострова — бассейнам рек Авача, Большая и Камчатка.

Чтобы восстановить транспортную связь («каюрную гоньбу») между административными центрами Камчатки — Большерецким, Верхнекамчатским, Нижнекамчатским, Петропавловским (Гаванью) острогами — авачинских камчадалов переселили в Коряки, Начики, Ганалы, а часть западнокамчатских камчадалов — в бассейн рек Большая и Камчатка.

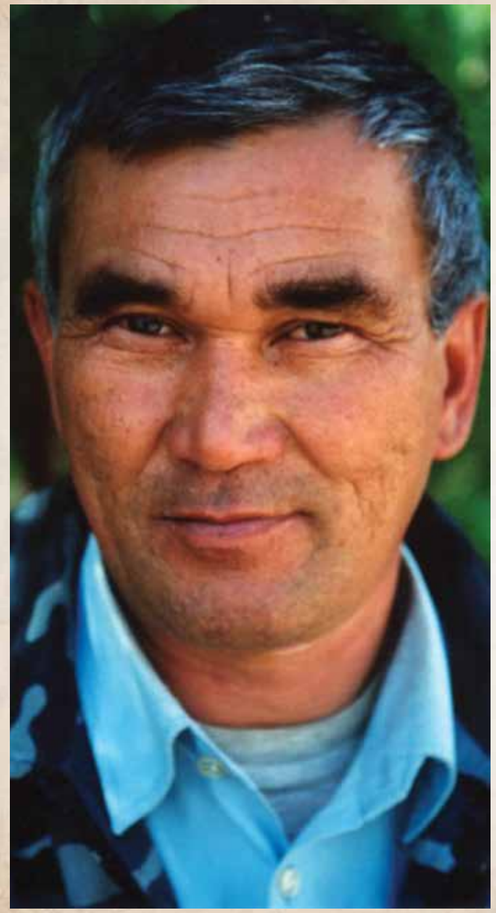
Вот какими удивительными бывают повороты судьбы — камчадал селения Шаромы Иван Каллистович Атласов (1885), потомок западнокамчатских камчадалов Атласовых, в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., будучи в народном ополчении, бил японцев в составе Облуковинской дружины.

В семье долгое время (а может быть и до сих пор) хранится легенда, связывающая эту семью с камчатским Ермаком:

«Наш дедушка Иван Каллистович Атласов был потомком Владимира Атласова, осваивавшего во главе казаков из Якутска нашу Камчатку. Отец его — Каллист Иванович — еще участвовал в обороне Петропавловска в 1854 году в рядах народного ополчения. Сам же Иван Каллистович был ополченцем против японцев в 1904 году. В мирное время они, как и всякие камчадалы, охотились и рыбачили. В 1922 году Иван Каллистович был проводником в партизанском отряде Трошина, организованном Илларионом Рябиковым. А в начале тридцатых годов Иван Каллистович стал первым председателем колхоза «Новая деревня» в Шаромах. Умер он уже в Ганалах в 1946 году. Его жена Акулина Филаретовна Нечаева. Тоже камчадалка. У них было десять детей. Один из них — Иннокентий Иванович Атласов — наш отец. Год рождения: 1925. Служил на действительной военной службе. После демобилизации работал в колхозе им. Крупской сопровождающим почты, в колхозе им. 1 Мая, т. к. он женился на Елене Ивановне Абакумовой — дочери И.П. Абакумова, жившей в Малках и работавшей в колхозе.

Ительменка Атласова Акулина Ивановна, худ. А.Ф. Винокуров, ККМГИ

Петр Иннокентьевич Атласов

Умер И.И. Атласов в 1958 году. Елена Ивановна жива и активно трудится, восстанавливая Малки. Мы их дети: Атласов Иван Иннокентьевич — 1952 г. Атласов Михаил Иннокентьевич — 1956 г. Атласов Петр Иннокентьевич — 1958 г.

28.12.1993 г.».

18 августа 1945 года Иннокентий Иванович (1926) и его брат Филарет Иванович (1917) Атласовы в составе Курильского десанта участвовали в последнем сражении второй мировой войны на острове Шумшу, возвращая России ее Курильские острова.

ВОЖДЬ ПИНИЧ

На реке Авача у тойона Пинича 9 «ясачных плательщиков» — два «собольника» и три «лисичника».

Эту запись Степан Петрович Крашенинников сделал в седьмой главе «Описания земли Камчатки» и больше ни разу нигде не упомянул ни острог, ни тойона.

Впрочем, может быть, не совсем так. Валерий Быкасов в своем историческом исследовании «Поездки С.П. Крашенинникова по Камчатке» («Вопросы истории Камчатки», 3-й выпуск, П-К, 2007), ссылаясь на Степана Петровича, дает новое определение исторического положения села Коряки:

«Кстати, о реке Коонам (Корякской) и поселке Корякском. Если верить С.П. Крашенинникову (а не верить ему оснований нет), то нынешний поселок Центральные Коряки к корякам, некогда обитавшим в долине реки Авачи, никакого отношения не имеет. Ибо, как пишет исследователь, “верстах в 8 ниже устья Коонам пала в Авачу с севера Имашху речка, над которою живут Коряки. Они были прежде оленными, но по отогнании оленей их неприятелями учинились сидячими и поселились на объявленном месте…”.

Но единственной рекой, которая в Авачу впадает с севера в 8 верстах или в 16 км (верста — русская мера длины, равная 500 саженей или 1,0668 км. До XX в. существовала межевая верста в 1000 саженей — 2,1336 км, употреблявшаяся для межевания о определения расстояний между населенными пунктами…) от устья реки Корякской, является река Пиначевская.

Вот и получается, что подлинный корякский острожек (который, судя по Крашенинникову, именовался Имашху) располагался не возле устья нынешней реки Корякской (а значит, добавлю, и современное название этой реки не соответствует исторической истине), а возле устья реки Пиначевской».

Но есть и другая историческая истина – река Пиначевская (Пиничевская, Пимическая или Пиначева, Пиничева, Пимичева) – своим названием обязана тойону Пиничу, о чем свидетельствует все тот же С.П. Крашенинников.

И там же: «Ниже речки Имашху верстах в 6 течет в Авачу с той же стороны Кокуива речка, от которой неподалеку стоит Намакшин острожек.

От Кокуивы следуя вниз по Аваче до Уавы речки версты с три, от Уавы до Кашхачи с версту, от Кашхачи до Кааннажик-Шхачи версты с 3, а оттуда до усть Авачи верст с десять. Уавва течет с южной стороны, а прочие с северу».

17 верст или 34 километра до устья — острожек тойона Намакши Кыттынан, который, по всей видимости, по имени нового тойона Пинича и стал Пиничевым. Других поселений С.А. Крашенинников не называет.

А коряки, кстати, о чем не написал В. Быкасов, но о чем сообщает С.П. Крашенинников: «…они в родство не вступают с соседьми, но женятся и замуж выдают все в своем роду».

А потом этот корякский род с Авачи исчезает. Может быть, его истребили и сами авачинцы, которые не очень-то любили принимать на своей земле чужаков.

Вот один из примеров.

«Того же году (1712 — *С.В.*) в генваре месяце Данило Анцыферов (большерецкий

Этно-деревни в Пиначево

приказчик, вольный или «воровской» атаман, по приказу которого был убит Владимир Атласов — *С.В.*) отправил на реку Опалу и в Курильскую лопатку на курильских мужиков служивого Ивана Козыревского с 30 человеками, а сам вскоре после него в 20 человеках пошел на Авачу реку.

Авачинские иноземцы, уведав о походе Данила Анцыфорова на свою землю, зделали к прибытию его крепкой балаган и потайную дверь, которая бы сверху опущалась. И как оной Анцыфоров к ним приехал, то они его приняли честно и обещались ясак платить и дали ему в аманаты лутчих мужиков.

А понеже построенный обманной балаган всех прочих был пространнее и лутче, то Данило Анцыфоров со всеми служивыми выбрал себе оной балаган, которой иноземцы следующей ночи зажгли, а при зажигании вызывали они аманатов, чтоб как возможно к ним вышли, а они на то ответствовали, что их служивые не выпускают, и чтоб они начатое дело совершили, не жалея их, только б де неприятели их служивые згорели. И так в нем все служивые без остатку згорели».

Вот такая история.

Но эта история имела продолжение.

Оказывается, в память о своем родственнике, принявшем смерть от огня, имя Огонь — Брюмчь (Брюмка) — на западной Камчатке и Пангыч (Пинич, Пиныч) — на юге — давали детям. В данном конкретном случае — будущим тойонам Брюмке и Пиничу. Один из вулканов на юге полуострова носит характерное имя, которое ему дали камчадалы, — Кихпиныч или «Огненная река». Так что мы, вряд ли, ошибаемся.

Те страшные эпидемии, обрушившиеся на Камчатку, о которых мы рассказывали в предыдущей главе, сказались и на судьбе авачинских камчадалов.

Последняя эпидемия зацепила и авачинцев — в Петропавловской гавани разместились две из пяти рот Камчатского гарнизонного батальона, нижние чины которого и завезли заразную болезнь на полуостров.

Но с 1812 года Петропавловский порт стал официальной столицей Камчатки и поэтому в срочном порядке потребовалось налаживать транспортную линию из Гавани (как называли в то время Петропавловск) до Начикинской развилки дорог, ведущих в Большерецкий, а также в Верхне- и Нижне-Камчатский остроги.

И в последующие годы мы видим, что авачинские камчадалы постепенно переселяются в Коряки, Начики и Ганалы, а в селении Авачинском размещаются на жительство отставные казаки, а затем крестьяне и ссыльные.

Но, тем не менее, основываясь на данных 1813 года, мы можем назвать фамилии авачинских камчадалов:

Степан Яковлевич Слободчиков (1768), его сын Фотий (1785) и внук Григорий (1800).

Тимофей (1776) и Леонтий (1789) Ивановичи и Федор Тимофеевич (1810) Елагины.

Кирика (1775) и Семен (1787) Федоровичи Остафьевы.

Иван Савин Вешняков (1781).

Захар Силин Волков (1797) с братьями Алексеем (1801) и Николаем (1804).

Многодетный Никита Никитин Табарин (1789), по всей видимости, усыновивший сыновей и дочерей своей жены Варвары Степановны, которая была его на 18 лет старше, — Ксенофонта (1799), Евдокию (1800), Ксению (1804) и Марфу (1805).

Братья Григорий (1787) и Семен (1790) Филипповичи Коростелевы (последний с сыном Николаем, которому был год от роду).

Вот и весь список.

Точно известно, что одним из казаков, участвовавших в крещении гаванских камчадалов был Вешняков. Но эта фамилия впоследствии не сохранилась.

Известен в истории Камчатки и факт братания (или примирения) через крещение руководителей Камчатки с местными тойонами, о чем мы уже не раз рассказывали.

Вулкан Кихпиныч, представляющий собой два сросшихся слоистых вулкана, находится на территории знаменитого Кроноцкого заповедника, prigorod.info

Мартын Шпанберг, например, не будучи православным, стал крестным отцом одного из северокурильских тойонов.

Поэтому Иван Елагин, строитель Петропавловского порта, также мог выступить в подобной роли, как и Алексей Чириков (эта фамилия тоже встречается среди новокрещеных камчадалов в 18-м столетии, как и фамилия Дмитрия Овцына — еще одного из участников Второй Камчатской экспедиции).

Также доподлинно известно, что первыми Гаванским священниками при походной Богородско-Рождественской церкви Второй Камчатской экспедиции были братья Волковы — Филипп и Михаил.

Кстати камчадал Василий (возможно тоже сын Силы) Волков (1781 г. р.) был в 1813 году тойоном в селении Корякском.

Иван Захарович Волков в 1855 году примет участие в эвакуации Петропавловского порта и будет награжден памятной медалью. Его племянник Михаил Николаевич, переведенный на жительство в селение Малка, также, как и дядя, примет участие в эвакуации порта и получит соответствующую награду. А его женой станет одна из внучек многодетного Табарина — Анилина Ивановна (1841). Участие в эвакуации примут также и другие малкинские племянники — Роман и Семен Волковы.

Тотемы, фото М. Логинов

Участие в народном ополчении в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. примут малкинские Волковы – Федор Михайлович (1886) и Захарий Евфимович (1885).

Трое Елагиных — Андрей (1816), Иван (1822), Тимофей Филиппович (1821) из Ганал, Николай (1825) и Гаврило (1836) Варфоломеевичи Елагины из Коряк также приняли участие в эвакуации Петропавловского порта и были награждены бронзовыми медалями. А вдова Николая Варфоломеевича Елагина в 1867 году выходит замуж за начикинского камчадала Ивана Никитича... Табарина. Вот так сплетались родовые авачинские ветви.

И снова переселение: Филипп Андреевич Елагин (1847 г. р.) был переведен на новое место жительства из Ганальского селения в Пущинское (указ от 2 декабря 1880 года). Его сын — Андрей Филиппович (1881) примет участие в народном ополчении в 1904–1905 гг.

Вера Иннокентьевна Ковейник (из рода Елагиных-Слободчиковых), худ. В. Говоров

И снова Табарины — Иван Никитич (1826), камчадал Начикинского селения, узнав о вторжении англо-французской эскадры, в качестве добровольца-охотника примет вместе со своими земляками самое непосредственное участие в сражении и будет отмечен медалью на Георгиевской ленте, как участник обороны Петропавловского порта.

ВОЖДЬ НАШАК

«...на правом берегу Камчатки есть иноземческой острожек, Кырген называемой, строения в нем одна юрта, 8 балаганов, ясашных иноземцов 7 человек, в том числе собольник 4 человека. Тойон называется Нашак» (С.П. Крашенинников, «Описание земли Камчатки».

Это единственное упоминание об остроге Кырген и его тойоне в книге «Описание земли Камчатки», изданного в 1949 года с приложением многочисленных писем и рапортов студента Крашенинникова.

Знать не знал, ведать не ведал Степан Петрович, что роду тойона Нашака выпадет стать одним из крупнейших родов Центральной Камчатки и вобрать в свой род многочисленные женские ответвления практически всей южной Камчатки.

Одним из четырех известных нам казаков, принявших участие в крещении камчадалов острожка Кырген был якутский казак Чуркин.

История образования сибирских казачьих фамилий изобилует примерами прямой их связи с различными топонимами – названиями сел, деревень, городов. В этом же ряду и целый ряд гидронимов – названий рек, ставших родовым именем Пинегиных, Пинежаниных, Енисейских...

Вполне возможно, что и фамилия казаков Чуркиных образовалась по той же причине. Впрочем, судите сами: «Путь из Мангазеи на Лену лежал по Нижней Тунгуске и по притоку Тите; далее волоком переходили на реку Чурку, впадающую в реку Чона — приток Вилюя, по которому и выходили на Лену. Путь из Енисейска шел сначала вверх по Верхней Тунгуске до устья Илима, по которому следовали до впадения в него реки Идермы. Здесь находился так называемый “Ленский волок”, ведший казаков к верховью реки Муки; следуя по этой реке, они попадали в реку Купа, а затем в реку Кута — приток Лены».

Эта фамилия, принадлежавшая енисейским казакам, является очень известной в истории географических открытий.

Еще Г. Миллер в своей «Истории Сибири» (правда, с ошибкой) отмечал: «...в 7143 (1635) г. в Якутск возвратились отпущенные Галкиным на Алдан служилые люди во гла-

ве с Федором Чиркиным (Чуркиным — *С.В.*); они поставили небольшой острог в устье реки Камнуны, среди каталинских тунгусов, покорили их князца Даваню и взяли в аманаты его сына. Это было сделано десятью человеками. Они привезли с собой два сорока соболей ясаку. С тех пор в течение многих лет в устье Камнуны было ясачное зимовье».

Жизнь же его, как и у многих сибирских землепроходцев и мореходов, закончилась трагически: «В 1640 году из Якутска на Оленек был послан пятидесятник Федор Чюрка. Дойдя до устья Лены, Чюрка неожиданно изменил направление и поплыл на реку Индигирку. Через год торговые люди Епифан Волынкин с товарищами рассказал о судьбе экспедиции Чюрки: его суда разбросало по морю, а сам вожак безвестно погиб. Почти одновременно с Чюркой пытались проплыть к Индигирке на двух кочах промышленные люди Вижемцев и Тверяков. Между Яной и Индигиркой их суда сильным ветром выбросило на кошку (мель) и разбило. Промышленники решили идти в «новую землицу» на нартах, но, не доезжая до Индигирского зимовья, небольшой их отряд (12 человек) попал в засаду к юкагирам и был весь истреблен».

М.И Белов добавляет информацию в его биографию: «О походе Федора Чюрки известно, что летом 1641 г. на одном коче он вышел с устья Лены на Индигирку. По сообщению Елисея Юрьева Бузы, Чюрке удалось пройти к востоку от реки Яны. Настоящий документ сообщает о том, что Чюрке не удалось дойти к месту назначения. Его коч потерпел крушение где-то между Яной и Святым Носом. Место крушения коча Чюрки казаки прозвали «Чюркин розбой». Мы полагаем, что крушение произошло у мыса Чуркина, который с тех пор и носит это имя. Мыс Чуркин расположен на юго-восточном побережье моря Лаптевых, невысок, но обрывист. К востоку от мыса идет неширокий пролив, отделяющий полуостров от обширной отмели. По всей вероятности, коч Федора Чюрки выбросило на эту отмель. Об енисейском пятидесятнике Федоре Чюрке (или Чюркине) известно немного.

1636 г. он был послан из Ленского острога вверх по Алдану «для прииску новых землиц». На реке Гономе он выстроил острожек и привел в русское подданство кочевавшие поблизости эвенские племена. В следующем году Чюрка вернулся в якутский острог и с тех пор непрерывно служил на Лене».

В официальных же документах бывший енисейский стрелец (а впоследствии якутский казачий пятидесятник) именовался несколько иначе — Чюрочка Федор Васильев сын (в истории же — и Чурка, и Чуркин).

Казаки Чуркины служили в Тобольске, в Енисейске и Якутске.

На Камчатке в начале 18-го столетия отмечен казак Алексей Чюркин (вполне вероятно, что уроженец Тобольска), который примкнул к бунту верхнекамчатских казаков Константина Кыргызова, разграбивших Нижнекамчатский острог, за что все участники бунта (а «заводчиками» в нем были тобольские казаки) были строго наказаны:

«…на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом

1972 год — по следам похода отряда красноармейцев Григория Чубарова 1922 г., с. Кирганик, беседа со старожилом села

орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

В 1748 году мы находим имя Алексея Чуркина в списках верхнекамчатских разночинцев — то есть людей, лишенных казачьего сословия.

Семейство Чуркиных, из архива В. С. Игнатьева

Но на казачьей службе в качестве толмача отмечен в это же время другой Чуркин — Андрей, по всей видимости, Алексеев сын. Он служил переводчиком в научном отряде Степана Петровича Крашенинникова. А его брат или, может быть сын, Василий Чуркин — «человек казачьего звания» — был первым церковнослужителем в Верхнекамчатске при молитвенном доме во времена деятельности Камчатской Духовной Миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского.

И совершенно не случайно именно в этот период фамилия Чуркиных появляется у камчадалов селения Кирганик — их крестным отцом, по всей видимости, и был Василий Чуркин.

Елена Павловна Абрамова, муж которой, Евгений Юрьевич, происходит из рода Чуркиных, провела огромную работу по созданию родословной и выяснила, что Чуркины из Кирганика и Чуркины из Козыревска — это представители одного рода. Козыревск во время эпидемии 1799/1800 гг. обезлюдел и сюда подселили и камчадалов, и русских крестьян из разных мест. Но, чтобы не изменять статуса аборигенного населенного пункта, русские крестьяне из сел Ключи и Кресты на период своей долголетней «командировки» переводились в разряд «камчадалов», а по возвращении — снова становились русскими крестьянами. Сохранились документы, которые подтверждают такую административную метаморфозу.

Впрочем, к началу 19-го столетия, жители русских и камчадальских селений уже представляли собой единую семью народов Камчатки, поэтому, если по сути, то никакой «метаморфозы» и не было.

Да и за примерами далеко ходить не надо.

Староста села Козыревск Гаврила Иванович Чуркин (1828) был женат на дочери крестьянина из с. Ключи Ушаковой Александре Федоровне. Его брат — Андрей Иванович (1834) — на дочери крестьянина из села Мильково Подкорытовой Вассе Яковлевне. Чуркин Венедикт Флегонтович (1859) — на дочери крестьянина из с. Кресты Ольге Кречетовой.

Сыновья Андрея Ивановича Чуркина продолжили эту традицию:

Михаил Андреевич (1854) женился на дочери ключевского крестьянина Штинниковой Анастасии Иоакинфовне (1852); Петр Андреевич (1857) — на дочери крестьянина из с. Кресты Кречетовой Анастасии Петровне (1868); их сестра Стефанида Андреевна вышла замуж за ключевского крестьянина Михаила Георгиевича Ушакова (1864).

А вот какое национальное «разноцветье» получилось в семья Якова Ивановича Чуркина:

Ирина Яковлевна (1877) стала женой ключевского жителя Александра Васильевича Брагина; Константин Яковлевич взял в жены Агафью Николаевну Ушакову из Ключей, Георгий Яковлевич — Ушакову Акилину Спиридоновну, Петр Яковлевич — Ушакову Анну Васильевну; Гликерия Яковлевна вышла замуж за потомка вождя Лыкоча Коллегова Василия Васильевича, который также к тому времени числился уже в ключевских крестьянах.

И далее:

Чуркин Константин Афанасьевич (1873) женился на дочери мильковского крестьянина Плотниковой Феоктисте Ферапонтовне (1878), а его сестра Екатерина Афанасьевна (1879) вышла замуж за потомка верхнекамчатского казака, а теперь крестьянина Василия Ивановича Нечаева (1877).

Чуркина Агрипина Федоровна 1886) стала матерью мильковских крестьян Поповых — детей Ефима Антиповича.

Чуркина Сиглитикия Федоровна (1898) вышла замуж за мильковского крестьянина Николая Ионовича Михайлова (1892).

Чуркина Мария Кириаковна (1889) стала женой Семена Алексеевича Потапова (1888), а Кесарий Кириакович (1896) женился на Пинигиной Феодоре Матвеевне (1901).

И как вот сейчас трансформировать всех этих Чуркиных по «национальному» признаку?

Из архива В.С. Игнатьева — Чуркины разных поколений

А если мы коснемся вообще родовых фамилий, с которыми Чуркины слились за 18-й и 19-й столетия, то, вряд ли, найдется человек, который сможет утверждать, что камчадалы аборигены и камчадалы «русской крови» — это не одна семья народов Камчатки.

Итак, приступим в соответствии с хронологией: Ушаковы (Ключи), Овцыны (Щапино), Черных (Козыревск), Подкорытовы (Мильково), Пермяковы (Кирганик), Елагины (Ганалы), Кречетовы (Ключи), Садовниковы (Толбачик, переселенцы из с. Сопочная), Жировиковы (Ушки), Штинниковы (Ключи), Кречетовы (Кресты), Расторгуевы (Камаки), Варгановы (Ушки), Чурины (Харчино), Мерлины (Щапино), Брагины (Ключи), Коллеговы (Ключи), Бобряковы (Машура), Плотниковы (Мильково), Нечаевы (Верхнекамчатск), Беляевы (Шаромы), Поповы (Мильково), Красильниковы (Мильково), Михайловы (Мильково), Потаповы (Машура), Пинигины (Мильково), Атласовы (Шаромы), Клочевы (Ушки), Чудиновы (Ключи), Бушуевы (Толбачик), Толман (Мильково)...

И это только малая часть тех брачных «перекрестий», что нам удалось собрать по семейным союзам Чуркиных.

Василий Иванович Чуркин в 1855 году вместе со своими родником Герасимом Чуркиным откликнулись на призыв военного

Из архива В.С. Игнатьева — Чуркины разных поколений

губернатора Камчатки В.С. Завойко защищать Камчатку от «супостата» и прибыли в Петропавловский порт в числе 250 добровольцев-камчадалов.

Спустя полвека племянник Василия Ивановича Иннокентий Андреевич Чуркин и его односельчанин из Козыревска Петр Яковлевич Чуркин приняли участие в обороне Камчатки от японцев в составе народного ополчения.

«Гоше-связисту» — фронтовику Георгию Петровичу Чуркину — посвятил свое стихотворение замечательный камчатский поэт Георгий Германович Поротов.

На фронтах Великой Отечественной войны погиб в 1943 году Афанасий Константинович Чуркин.

18 августа 1945 года погиб во время проведения Курильской десантной операции Константин (отчество, к сожалению, так и не выяснено) Чуркин. Он похоронен на острове Шумшу.

Георгий Поротов. «Гоша-связист»

Зловещею тучей закрыт горизонт.
И Гоша-связист попросился на фронт.
Пылится дорога. Мешок за спиной.
За сопками скрылся Кирганик родной.

Дорога связиста – ей нету конца.
Он просит в письме дорогого отца:
«Мне выпала длинная, папа, стезя,
Пришлите покрепче на фронт торбаса».

Он в Польше закончил свой огненный путь,
Награды легли на солдатскую грудь.
Спасенные люди далекой земли
Ему, камчадалу, цветы принесли,

И спели бойцу на родном языке
О польской красавице Висле-реке.
Был солнечный день. Небосклон голубой.
Ту песню-подарок увез он домой.

Шли годы. О Висле забылось давно.
Девятого мая смотрел он кино.
И снова дорога, и снова бои.
В атаку кидаются парни свои,

Увидел себя он сквозь огненный вал.
Не вынесло сердце, и Гоша упал...
А где-то гремело «ура» вдалеке,
И пели связисту о Висле-реке.

Георгий Петрович Чуркин.

В Харбине, на братском кладбище, похоронен участник Маньчжурской операции по освобождению от японских захватчиков Китая и Кореи Чуркин Петр Карпович (1922).

Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены Чуркин Павел Кирьякович, Чуркин Петр Емельянович, Чуркин Полуэкт Федорович.

Сегодня многочисленные потомки камчадалов Чуркиных разлетелись по всей стране.

Мы с Еленой Павловной Абрамовой задумывали создать «Камчатскую родословную книгу. Род Чуркиных», но пока из этого ничего не вышло.

К сожалению, повторяется одна и та же закономерность — чем крупнее род камчадалов, тем слабее в нем межродовые и внутрисемейные духовные связи...

Есть, конечно, и исключения.

Но это... исключения.

БЕКЕРЕВА–БЕККЕРЕВЫ

Двойной вариант написания этой фамилии словно водораздел определяет то русло, что отошло к корякам и то, что осталось у камчадалов (ительменов).

По Исповедальной росписи 1893 года все Бекеревы (Бекиревы) считались камчадалами, но в 1926 году советские этнографы переквалифицировали весь северный камчатский этнос на свой лад и внесли свой орфографический вклад: именно тогда ительмены (слово камчадалы с 1926 года по «научному» обоснованию этих этнографов утратило право быть названием коренного этноса Камчатки, который, за исключением ительменов Тигильского района, был исключен из списков коренных народов СССР) стали писаться Беккеревыми.

Фамилия явно немецкая. В переводе — «пекарь». Каким образом, каким историческим ветром занесло эту немецкую фамилию в корякские дали?

А история такова.

Владимир Владимирович Атласов, будучи уже в чине казачьего головы, возвращаясь из Москвы, согласно царского указа, набрал в сибирской столице того времени — городе Тобольске — 50 казачьих детей из лучших семей, готовых к несению казачьей службы и дальним походам.

Эти тобольские казачьи дети должны были стать основой камчатских гарнизонов — то есть первыми русскими поселенцами, патриархами будущих старожильческих родов.

Но откуда же взялись немцы в далекой от Германии Сибири?

Вот это уже известно. Начиная со времен Ермака в составе русских казаков были представители самых разных народов, чаще все литвины (белорусы) и черкасы (запорожцы), которые в период военных действий Московского государства с Речью Посполитой (объединяющей Королевство Польши и Великое княжество Литовское и Русское), а также с Ливонией (Прибалтикой) попадали в плен и переходили на службу к русскому царю или отправлялись в дальнюю сибирскую ссылку, где либо верстались в казаки, либо превращались в землепашцев-крестьян.

Юшка Бекер, по одним данным «немчин», по другим «литвин» (по всей видимости, немецкий наемник в армии Речи Посполитой) в 1626 году был пешим казаком Тобольского гарнизона с годовым окладом в шесть рублей.

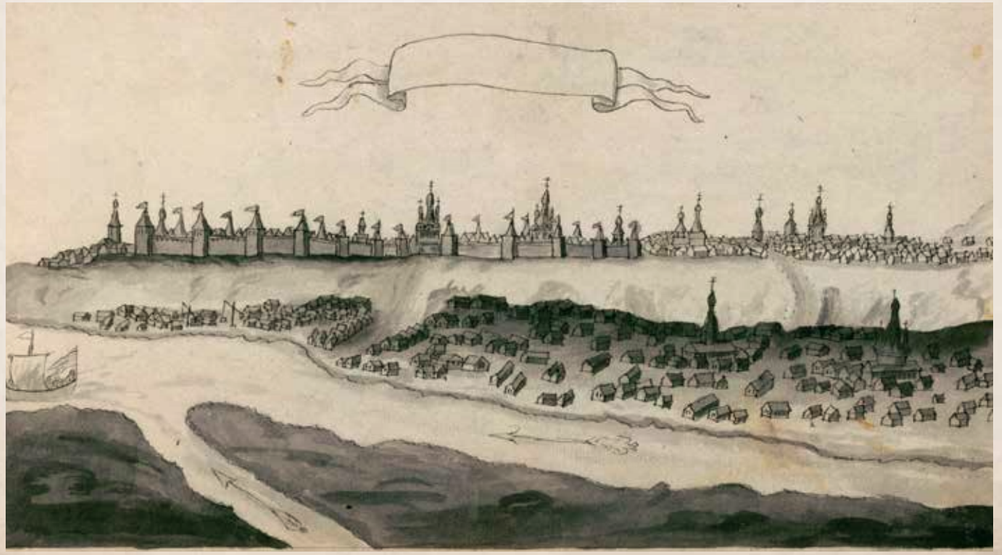
Его сыновья Вакула и Данила, будучи в казаках «литовского» списка, получали натуральное жалованье 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли и деньгами 6 с полтиной рублей в год.

В казаках литовского списка был еще и Иван Юрьев сын Бекер (вероятно, старший сын Юшки), так как он, в отличие от братьев, будучи тоже в казаках «литовского» списка получал ежегодно 9 четей ржи, 5 четей овса и два пуда соли.

Имеются сведения и о дальнейшей истории этого рода.

Вот, например, информация за 1710 год: «Двор купленой конного казака Василья Иванова сына прозвище Бекирева сказал себе 36 у него жена Орина Софронова дочь 35 дети сыновья Прокофей 5 лет Михайло полугоду дочери девки Марфа 17 Катерина 12 Наталья 3 лет с ним-ж живет мать ево вдова Василиса Савина дочь умершаго казака Ивановская жена Бекирева сказала себе 60 лет у нее сын Иван Иванов сын Бекирев 24 лет и ныне он на службе великого государя в салдатех».

А вот сведения об одном из камчатских казаков Бекеревых, прежде служившего в Тобольске: «…Качаловой улицой по праву ж от Федосеева переулка… жена конного казака Кирила Бекерева».

Тобольск 1711 год. Рисунок из «Хорографическая книга Сибири» Семена Ремизова

Почему об одном из?

Потому что их было двое — Кирилл и Лазарь. Это были либо братья, либо отец и сын, так как в Верхнекамчатском остроге у них был свой дом.

Вот, что писал по этому поводу Степан Петрович Крашенинников:

«По отбытии его служивых человек с 20, между которыми главные были Данило Анцыферов, Харитон Березин, Иван Козыревской, Григорей Шибанко, Алексей Постников удумали его Миронова убить, и как он, Миронов, в 1711 году генваря в последних числах в Верхней Камчатской острог из Нижнего воротился, то его за полверсты, не допустя до острогу, служивые бунтовщики встретили и из них Харитон Березин его, Миронова, ножем зарезал. В то время, как помянутые бунтовщики служивые Данило Анцыфоров с товарищи Осипа Миронова убили, был в Верхнем остроге бывшей прикащик Петр Чириков, которого они также убить хотели, но он несколько времени у них упросил, чтоб богу помолиться, на что оные бунтовщики и склонились и отдали его на поруки жителям Верхнего острогу служивым людям Лазарю и Кирилу Бекеревым, и приказали им, чтоб его хранили, а сами, прибрав к себе многое число служивых, с которыми обещалися они прикащичьи животы разделить, пошли в Нижней Камчатской острог, где был в то время бывшей прикащик Володимер Атласов».

АО «Колхоз имени Бекерева», рыбоперерабатывающий комплекс в долине реки Ука, впадающей в Берингово море. Колхоз ведет промысел на данной территории с 1930 года.

Впоследствии, убив и сына боярского Петра Чирикова, семьдесят пять казаков, поделив «пожитки» убитых камчатских приказчиков, ушли на реку Большую, восстановив сожженный камчадалами Большерецкий острог.

Бекеревы в эту команду по какой-то неизвестной нам причине не попали.

И остались этим недовольны.

Как и другие верхнекамчатские казаки, которым не досталось никакой доли от захваченного «трофея».

Как выяснилось позже, ядром этих недовольных, были тобольские казачьи дети во главе с Константином Киргизовым, которые решились ограбить своих соседей — казаков Нижнекамчатского острога. В составе этой банды грабителей оказались и Бекеревы — Кирилл и Лазарь.

Вполне вероятно, что Кирилл Бекерев, конный тобольский казак, был «годовальщиком» — то есть командированным на какой-то срок службы на Камчатке, почему в Тобольске и проживала его жена, — но участие в бунте лишило его права на возвращение: «…тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

И, разумеется, это наказание оборачивалось для бунтовщиков вечной ссылкой.

Кто из Бекеревых завел семью на Камчатке, мы не знаем.

Известно другое. Мы возьмем цитату из очерка А.С. Зуева «Восполняя белые пятна. Из истории русско-ительменских отношений», в которой рассматриваются последствия знаменитого Харчинского бунта. На этот раз события разворачиваются не в долине реки Камчатка, а на северо-западном побережье полуострова:

«Хайрюзовцы и белоголовцы (около 100 чел.) во главе с Кишкидином, Максимкой и Щербаком, которые к этому времени сами убили на р. Белоголовая казаков Кирилла Золотавина, Василия Портнова, Карпа Бекирева, поначалу откликнулись на приглашение Киври. Однако, узнав, что в устье Облуковины много казаков, вдруг «осердились» на ичинцев, погромили их, а заодно и ительменов, живущих на р. Сопочная, забрав их пожитки, жен и детей».

Стоит обратить внимание на два факта — взаимоотношение между коренными

племенами ительменов, с одной стороны, и, с другой, — на появление фамилии Бекеревых в здешних местах — на западной Камчатке.

Ибо на восточном побережье эта фамилия также присутствовала среди коренного (крещеного) населения. Вот еще один любопытный документ, в котором мы также обращаем внимание читателей на два факта — на присутствие фамилии Бекеревых в здешних уже местах, с одной стороны, и на факты межплеменной резни, с другой…

«1764 году октября 25 дня по указу ея императорского величества правительствующий Сенат слушав присланных из нижеозначенных мест доношений, а именно из Иркуцкой канцелярии.

Вотораго — августа 28, третьяго — сентября 3-го 1747, а четвертого — маия 9 числ[а] 1748 годов со мнениями о учинении таковым же содержащимся в Охоцке ясашным корякам и такого ж, как выше явствует, наказания за нижеследующие их вины… 1) Теневу, Ниях-ке, Марке, Хажигытте, Тенехке, Ингате, Куте, Мыкынтыкане, итого осьми человекам за намерение их к измене и к побитию руских людей, из коих двое тогда умерли, о чем и особо представлено, 2) Чингину да Пишиге за учинение ими измены и за злоумышления к побитию руских людей происки, 3) камчадалам и олюторам Экче, Халюпу, Апле, Таннию, Хваволу, Лехту, Атакану, Амгытку, Апляжу да Ивашке, итого десяти человекам за убивство ими в 1746 году посланных к ним с Камчатки для ясашного сбору служилых и новокрещеных десяти ж человек, да корякам же новокрещеным Василью да Льву Мохнаткиным, Спиридону Бекиреву, Петру, Семену и Данилу Колеговым, Якову Антипову, Никите Заеву, Максиму Тиханову, Никите Чижевскому, Семену Минюхину, Ивану Ащепкову за убивство ж ими и взятье в полон в том же году в Столбовском остроге ясашных коряк, всего тридцати шести человек, и за протчия их показанные в приложенном экстракте важный злодейственныя вины, а согласникам оных убийц и имевшим намерение к тому ж бунту и измене, корякам же и камчадалам Каначю, Ипине, Леонтью Куске, Тиаке, новокрещенным Петру Эрангиму, Петру ж Васильеву с товарищи политическую смерть: положа на плаху и сняв со оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывесть с Камчатки из их жилищ в город Якуцк и написать тамо в ясак».

Впоследствии эта фамилия в различных вариантах ее написания утвердилась и на западном побережье (Седанка, Кахтана) и на восточном (Ивашка) побережьях нашего полуострова.

В период Русско-японской войны среди народных ополченцев были отмечены жители Седанки — Бекеров Михаил Федорович (1881) и Бекеров Феофан, и Кахтаны — Бекеров Прокопий.

Полуект Федорович Беккеров, уроженец Седанки, в 1933 году проживал в селе Воямполка, был членом оленеводческого совхоза «Восход», 16 апреля 1933 года арестован ОГПУ и приговрен к трем годам лишения свободы, в 1957 году реабилитирован.

В годы Великой Отечественной войны на Северном фронте сражался сержант Василий Полуектович Беккеров.

Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» награждены жители села Ивашка Георгий Игнатьевич и Архип Федорович Бекеревы.

Но на этом история этой камчатской фамилии не заканчивается. Хотя, нужно это отметить, материала очень мало. Вот что сообщает Википедия.

Георгий Игнатьевич Бекерев (20 декабря 1911, с. Дранка, Корякский район, Камчатская область, Российская империя – 14 мая 1959) — советский партийный и государственный деятель, председатель исполкома Корякского окружного Совета (1953–1959).

Родился в семье рыбака и охотника. Вскоре семья переехала в село Ука. В 1923 г. родители вступили в рыболовецкую артель. Трудовую деятельность он начал с 14 лет в колхозе им. Левченко.

С 1931 г. учился в Петропавловск-Камчатском педагогическом техникуме. В 1948 г. окончил Хабаровскую партийную школу.

Член ВКП(б) с 1942 г.

В 1936–1943 гг. — заведующий Карагинским районным отделом торговли,

В 1943 г. был утвержден председателем исполнительного комитета Карагинского районного Совета Корякского национального округа.

В 1950–1953 гг. — второй секретарь Корякского окружного комитета ВКП(б),

С 1953 г. — председатель исполнительного комитета Корякского окружного Совета. Внес значительный вклад в развитие всех отраслей народного хозяйства Корякского округа, особенно в становление сельскохозяйственного производства.

Избирался депутатом Верховного Совета СССР 3-го и 4-го созывов.

Награжден орденами Ленина и «Знак Почета».

Его именем назван рыболовецкий колхоз в селе Ивашка и улица в поселке Палана — столице Корякии.

Василий Полуэктович Беккеров (15 марта 1917, с. Седанка, Камчатская область, Российская империя – 29 мая 1986) — советский партийный и государственный деятель, председатель Корякского окрисполкома (1959–1971).

В 1940–1941 гг. проходил обучение в Ленинградском институте народов Севера, затем — в Хабаровской краевой партийной школе. Окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС (заочно).

1935–1940 гг. — учитель в с. Воямполка.

1941–1947 гг. — в РККФ — Военно-Морском Флоте, служил на Северном флоте, освоил ввоинскую специальность рулевого. Сопровождал транспорты, направляющиеся от берегов Великобритании в Мурманск. Был награжден боевыми орденами и медалями.

1952 г. — секретарь Карагинского районного комитета ВКП(б) — КПСС (Корякский национальный округ).

1959–1971 гг. — председатель исполнительного комитета Корякского окружного Совета.

1971–1972 гг. — руководитель Группы народностей Севера исполнительного комитета Камчатского областного Совета.

Был награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть».

Успенская (Беккерева) Валентина Ивановна (23.10.1941–05.08.2004). Родилась в с. Седанка Оседлая Тигильского района. С 1985 по 1987 г. работала председателем исполкома Корякского окружного Совета народных депутатов.

Впоследствии она возглавляла отдел по народностям Севера Камчатского облисполкома, была организатором и первым редактором газеты «Абориген Камчатки».

Очень хотелось бы надеяться, что этот разговор об истории фамилии Беккеревых-Бекеревых будет продолжен…

КРИВОГОРНИЦЫНЫ

Такие самобытные фамилии рождались, как правило, в вольной Запорожской Сечи — Жадная Брага, Кривая Горница, Много Грешный…

Запорожские казаки в составе регулярных и иррегулярных войск Великого княжества Литовского (Русского), а затем конфедерации Речи Посполитой, участвовали в многочисленных боевых столкновениях и войнах с Великим Московским княжеством, Московским царством и Российской империей.

Поэтому немало черкасов (запорожцев) и литвинов (белорусов) было в числе военнопленных, отправляемых в Сибирь, где их записывали либо в землепашцев крестьян, либо в служилые люди — в сибирское казачество.

Но был и мирный исход и литвинов, и запорожцев в Россию — в связи с насильственным введением католичества не только простолюдины покидали территорию Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, но и потомки великих князей — Гедиминовичи — переходили на службу к Московскому великому князю.

Поэтому совершенно не случайно в отряде Ермака Тимофеевича, прорубившего дорогу в Сибирь, были не только выходцы с Русского Севера, но и литвины, и черкасы.

Город Березов, в именном списке служилых людей которого мы впервые обнаруживаем фамилию Кривогорницыных, был построен в 1593 году, как форпост России на Севере Западной Сибири (в настоящее время районный центр Ханты-Мансийского автономного округа). Здесь был довольно крупный (по тем временам) казачий гарнизон — порядка 300 служилых людей, которые, с потерей стратегического значения Березова в связи с тем, что границы Российской империи в Сибири стремительно уходили на восток и на юг, постепенно переводились в другие места Сибири.

В 1632 году в списке рядовых стрельцов города Енисейска — восточного форпоста того времени — мы находим имя Григория Яковлева сына Кривогорницына. А именно березовские казаки строили в 1618–1619 годах Енисейский острог.

В 1639 году в связи с образованием самостоятельного Якутского — нового, самого восточного — воеводства Сибири сюда во главе с первым якутским воеводой Петром Петроивчем Головиным был направлен большой отряд казаков из Тобольска (225 человек), Березова (50 человек) и Енисейска (100 человек).

И в документах Якутской приказной избы, датированных 1642 годом, мы находим имя Григория Яковлева сына Кривогорницына, бывшего енисейского стрельца, перешедшего на службу в Якутск.

Документы той поры сообщают нам любопытные подробности.

В 1648 году Григорий Яковлев Кривогорницын обращается с челобитной к царю: «…бьет челом холоп твой Якутцкого остьрогу служилой человек Гришка Яковлев Кривогорницын. В прошлом государь, во 147-м (1639) году в старом Якуцком остроге купил я холоп твой из войска погромную девку имя Лаглоя. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего вели, государь, в Якутцком остроге ту купленую мою девку в православную христианскую веру привести, молитву дать и крестить».

Но жена Григория Яковлевича Ульянка вместо «Глойки» (Лаглои), которую разрешено было крестить, привела «якуцкую девку Кысыкайку», которую и крестили с именем Анюта. «И за то Гришкина жена Кривогорницына Ульянка бита батогами и крещеная девка Анютка отдана ей на время: как ее спросят и ее поставить в съезжей избе».

Что мы узнаем из этой истории?

То, что семья казаков была одной из первых семейных пар Якутского воеводства. «Пальму первенства» держал бывший енисейский (а впоследствии тоже якутский) казак, десятник, Семен Тимофеев сын Чуфарист, который первым женился на коренной жительнице Якутии. Возможно, вторым был Семен Иванов сын Дежнев, у которого в этом браке родился сын Любим. У Григория Яковлевича и Ульяны родился сын Степан.

Но истории с «бабами» воевода Головин не забыл:

1643 г. сентября 7. — Указ царя Михаила Федоровича в Олекомской (Олекминский — *С.В.*) острог Ваське Юрьеву.

«Лета 7152 году, сентября в 7 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, паметь в Олекомской острог служивому человеку Васке Юрьеву.

Писано к тебе преже в прошлом во 151 году, а велено тебе за государевою ясашною казною прислать толмача Добрынку, и ты воровством Добрынку не прислал, а прислал государеву казну с плутами с Мартьюшевым, да с Оксенком и казну государеву привезли за твоею печатью, а казна государева худа перед прошлым годом в полы ценою не будет, и соболи мало не все драные и без хвостов и вешнеки и недособоли. Да ты ж, мужик страдник, делаешь все самовольством своим не по указу, и указных паметей не слушаешь; и ныне ты без указу прислал

в Якуцкой острог, да в прошлом во 151-м году в Якуцком остроге сыскалась воровство и измена воеводы Матфея Глебова, да дьяка Еуфимья Филатова, что оне воровали, Якутов научали государевых людей побивати и ясак государев полной давать не велели и по зимовьем к вам, служивым людем, приказывали ко многим государева ясаку в Якуцкой острог присылати полново не велели, и добрые соболи из ясаку выбирати велели себе, и то ты сделал казну ты какову прислал худу, знатно, что по их воровскому наученью.

И перед прошлым годом 150-м твоего — же збору и прошлово 151 году, чего в цене не дойдет у ясачных и у поминочных соболей, и то доправят в государеву казну на тебе. А пишешь ты с казною о целовальнике, а в прошлом году во 150-м, ты — же государеву казну збирал без целовальника, а казна государева добра была.

Да ты — же, мужик, воровством своим, ходя с Якутами собольми торговать, поволил служивым людем баб имать и держать у себя, да и себе ты призвал баб-же; и целовальник к государеве казне будет.

А тебе-бы, мужик, не так делать, как в прошлом году, казна от тебя государева ноне збирать с великим раденьем с прибавкою и соболи имать добрые, а драных соболей и вешних и недособолей и без хвостов в государев ясак не имати. А Гришки Кривогорницына жену ево с Якутами не спущать, а баб бы тебе всех отпустить некрещеных в улус, а приходить тем бабам к острогу не велеть

К сей памети государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать новые Сибирские земли. что на великой реке Лене приложил стольник и воевода Петр Петрович Головин».

В 1661 году казаки, отец и сын, Григорий и Степан Кривогорницыны в числе других казаков Якутского воеводства подписывают царю челобитную о недостаточном денежном и хлебном жаловании для проживания в этих северных краях и поиска новых земель и новых «ясачных плательщиков»…

Вот только один из нюансов, который кажется нам весьма современным и актуальным:

«А как приехали на Лену торговые люди с медными деньгами, и воевода Лаврентей Обухов мимо твоего, великого государя, указу и грамоты поволил им хлеб купить. И они на те медные деньги на Лене в-Ылимском остроге все хлеб и запасы рожь по 20-ти алтын и по 7-ми гривен выкупили. А те хлебные запасы торговые и промышленые люди привезли в Якуцкой острог и продают самою дорогою ценою — пуд муки по рублю, а ржи по 20-ти по шти алтын по 4 деньги и то с великою крепостью. Да те же торговые люди в нынешнем во 171-м году, приплыв весною в Якуцкой острог, выкупили у якуцких жилецких людей кожи дубленые и сырые яловичьи, и ролдуги, и половинки лосинные, а свои руские товары обутки, чарки и на чулки сукна белые, и холсты, и иные всякие нам, холопям твоим, продают самою большою дорогою ценою перед своею покупкою впятеро и вшестеро и больши — чарки по 2 рубли, сукна белово аршин по 20-ти алтын и з гривной по 20-ти, холсту хрящу аршин по 10-ти алтын и гривной по 10-ти, а тонкой холст в 20 алтын и больши, и то с великою крепостью на друг. А просят у нас, холопей твоих, за те свои товары серебряных денег, гоня нас, холопей твоих, в великую нужю. И нам, великий государь, от той их дорогой запертой продажи на твою, великого государя, службу иттить стало не в чем и не с чем, одежишка и обутчишков купить стало не в мочь, наги и боси».

Григорий Яковлевич не сделал большой карьеры на якутской казачьей службе, оста-

Село Кихчих — родовое гнездо камчатских Кривогорницыных. Колхозная страда…

ваясь долгие годы рядовым казаком и поднявшись лишь до десятника.

Но это только на первый взгляд.

В 1663 году, например, он был приказчиком на реке Оленке и собирал здесь ясак.

Настоящую карьеру сделал его сын — Степан Григорьевич Кривогорницын.

В 1671–1672 году он — второе лицо при сотнике Третьяке Смирнягине, собирающим ясак по Майскому зимовью.

В 1684 году — сборщик ясака по Патомскому зимовью в чине казачьего пятидесятника, затем по Оленскому зимовью.

В 1690 году сын боярский (поверстан в 1688 году) Степан Григорьевич Кривогорницын приказчик Верхнего Вилюйского зимовья, в 1693 году — приказчик Жиганска.

А следующие сведения о Кривогорницыных мы находим только через полвека — это был один из трех походов, предпринятых «конкистадором Чукотки» Дмитрием Павлуцким (запись воспоминаний участников за 1763 год):

«В 741-м году февраля 4-го числа выступили они из Анадырской крепости в поход для поиску и искоренения немирных чюкоч с бывшим майором Павлуцким, то всего было тогда регулярных и нерегулярных служителей 400 человек.

Отправились из Анадырска на оленях в сайках чрез реку Анадырь против крепости и ехали по болоту на восток до реки Майна, куда и приехали в шестой день и перешли Майн но льду, оттуда чрез каменья мимо вострой сопки, и вышед повыше Чекаева урочища к устью протоки Кривой, от которой переехали Анадырь и шли болотом ровным местом и безлесным и вышли на реку Черную, и перешед оную, шли болотом же, а сколько дней, того не упомнят, потому же безлесными местами чрез реки Алгинку и Черную вышли на реку Нерпечью, где и нашли след кочующих чюкоч, вниз по реке Нерпечей, за которыми в то ж время был командирован сотник Кривогорницын с казаками с небольшою командою. Из оных чюкоч мужеского полу трех да женского двух побили, из них взят был один для показывания их жилых мест.

А потом, отошед от той реки Нерпечей по таковому ж болоту до реки Поперешной, перешли в шесть дней к губе Ночен, кою переехали в одну ночь по льду и нашли у камня, называемого Серце, живущих тут чюкоч в десяти юртах, например; человек со сто, которые чюкчи были побиты, точию из оных один ушел пешком, где и уведомились чрез взятых тогда пленников о живущих подле того ж каменю Серца чюкчах в трех юртах, куда и командирован был вышеписанной же сотник Кривогорницын в тридцати человеках, коим бывших в тех юртах чюкоч мужиков четырех да женского полу шесть человек побито, но из них один ушел на оленях. Откуда оной Кривогорницын с тою командою и возвратился обратно, где для ожидания оставшаго назади обоза стояли недели две, откуда по пришествии того обоза поехали ж промежду гористыми и каменистыми местами до реки Епочио, кою переехав, пошли такими ж гористыми и каменистыми до рек Чимгана, Курупку и до губы Юрупку, где стояли три дни, при коем месте и пойман из чюкоч один. А после онаго на другой день тех же чюкоч наехало немалое число для недопущения их в свою землицу и, когда усмотри их те чюкчи в довольном числе людей, то уехали обратно. Оттуда означенную губу Юрупку переехали по льду в одну ночь, с которой выехали на реку Гизянг, а от оной и к другой губе Силеге и по край моря к губе ж Мечинг и к камню Меченгу, которой протянулся в море мысом, а сколько дней по оному ехали, того не упомнят.

И приехали к губе ж, называемой Тенях, от которой шли до губы ж Хуматам, где и остановились лагирем и стояли за обождание командированных за поиском чюкоч сотника Бутусина и толмача Якова Осипова с командами и, обождав от оных известия, следовали до речки Ночана и по ней шли вверх, от коей, отворотя следованием вправо до речек Покоечи, Иттей и отворотя вправо, шли до речки ж Ставы, подле которой вправе стоит каменная сопка, названием Метевин, и оттуда чрез речки Итыночан до Начелты, оттуда чрез речку ж Аванды, кои течение имеют в губу Хуматан, а от той губы дошли до губы ж Анахыя, то есть Белое море, с коего места уже команда оскудела пищею, подле которую губу по левую сторону шли чрез речки Апаха, Ехони, Пехеткина и чрез речки Нуттен, Чагнум, Ечу, оттуду чрез же вышеписанную речку Епочу по вершине и оттоль до речки Кукуна, от коей шли вверх и перешли по вершине ж и оттоль чрез хрепты и дошли до вершины Черной реки и по оной вниз до Виски, называемой юкагирской, где и остановились лагирем для лову сетьми рыбы и отправления по той реке Черной к сплаву на реку Анадырь в коженных байдарах сотника Бутусина с половиной утрудившейся от голоду командой, коя была и отправлена.

А от той Черной чрез болотныя и гористыя места вышли на реку Анадырь, на урочище, называемое Родионово, куда и прибыл посланной в Анадырск для приплаву судов ясаул Петр, один с командою на пяти судах, из коих отправлено на Чекаево для подъему бывшей там при сотнике команды три судна, при котором урочище Родионове стояли за обождением у урочища Чекае-

ва от помянутого командированного по Черной реке сотника Бутусина о состоянии команды известия осмнадцать дней и, по получении известия, следовали вверх по реке Анадырю на двух судах и прибыли в Анадырскую крепость 28 ч[исла] сентября того ж 744 году.

Предъявленная же Чюкоцкая земля вся болотная, каменистая и весьма кочковатая и мокрая, никакого лесу и травы, кроме моху, нету. И те оленные чюкчи имеют жительство с места на место кочевное на оленях и живут в чюмовых оленьих коженых юртах, а огонь зимою во оных бываит посредине таким подобием: кладут мелкой тальник, также оленьи сухие рога и кости и облевают нерпичьим, китовым и моржовым жиром да и кроме того имеют в пологах. А за неимением во всей той их земле упоминаемого лесу, едят мясо оленье и рыбу, также нерпу и протчих морских зверей, сырое и мерзлое и всякое из земли коренье, которую нерпу и морских зверей получают те оленные чюкчи от сидячих около моря чюкоч, и то их, чюкоцкое, между самыми узкими каменьями житие за неимением лесу самое уже бедное, коего едва ль в свете где хужее быть может.

Что же принадлежит до сидячих около моря и вокруг тех оленных живущих чюкоч, то у оных есть юрты, выкопанные в земли, деревянные, а лес на строение берут из наносу с моря на берегу на припаиках и ездят на собаках.

А во всю их в той Чюкоцкой землице бытность, за неимением никаковых лесов, крайнюю от великих морозов претерпевали нужду, а где около речек упоминаемой мелкой тальничек, которого вышиною не более одной четверти, найден бывал, то оной, также и растущей по каменьям мох собирали и мехами роздували и тем себе пищу варили, а наконец по недостатку съестных припасов крайней голод претерпевали,

также что и в здешнюю Анадырскую крепость они с предписанною командою едва выттить могли, а вся та земля Чюкоцкая в округлость не более полторы тысячи верст».

В некоторых источниках упоминается имя сотника Кривогорницына — Семен и, якобы, принадлежащая ему фраза в отношении чукотских событий: «Наши казаки воисты дома, а в виду неприятеля трусливы; теперь-то и бить злодеев, пока они в куче, а где их сыщем, когда разбредутся по загорьям?».

Эти слова касаются последнего боя той самой «чукотской войны» (которая по словам современных «историков» продолжалась 130 лет — а на самом деле это был очень короткий срок военных действий, связанный с попыткой реабилитации бывшего воеводы Якутска Дмитрия Павлуцкого, сосланного на далекую Чукотку в 1742 году):

«12 марта 1747 года на берегу реки Майн (Мэйнывээм — по-чукотски «большая река», правый приток Анадыри), совсем близко по северным меркам от Анадырского острога, крупный отряд чукчей, напав на коряков, взял в плен 8 человек и угнал 7 оленьих табунов. Среди угнанных оленей были и предназначенные для прокорма гарнизона Анадырского острога.

В тот же день, узнав о нападении, майор Павлуцкий бросился в погоню. Собирались экстренно, вышли в ночь на 13 марта — 97 русских и 35 коряков на всех собачьих и оленьих упряжках, которые удалось собрать в остроге, пошли по следу чукчей. За ними пешим порядком выступили те, кому не хватило упряжек — 202 солдата и казака под командованием сотника Алексея Котковского.

Чукчей настигли утром 14 марта там, где в Майн впадает речка. Здесь на горе, ныне известной как Юкагирская сопка, отряд Павлуцкого и обнаружил грабителей — их оказалась целая армия, почти 600 чукотских воинов в костяной броне.

Павлуцкий, не смотря на такое неравенство в силах, приказал готовиться к атаке. В русском отряде возник короткий спор — часть казаков и корякские «князцы» просили майора дождаться идущие следом две сотни Котковского, другие считали, что надо атаковать, пока чукчи не ушли и не растворились в бескрайних снегах Чукотки. Позднейшее расследование Сената Российской империи зафиксировало прозвучавшие в те минуты слова казачьего сотника Семена Кривогорницына: «Наши казаки воисты дома, а в виду неприятеля трусливы; теперь-то и бить злодеев, пока они в куче, а где их сыщем, когда разбредутся по загорьям?»

Похоже, Павлуцкий и его люди за последние годы устали от многомесячных и бесплодных попыток искать «настоящих людей» посреди безжизненной тундры. Здесь и сейчас противника не надо было искать — основные ударные силы чукотских родов наконец стояли перед ними в полной боевой готовности. И 97 русских атаковали 600 врагов.

Люди Павлуцкого шли вверх по сопке. Сильный ветер бросал в лицо русским колючий весенний снег, «что неприятелю много способствовало». Чукчи атаковали с горы — казаки и солдаты дали залп из ружей и единственной имевшейся при отряде небольшой железной пушки. Уже опытные в боях с русскими чукчи упали в снег, большая часть картечи и пуль просвистели над их головами. На второй залп у русских времени уже не осталось — несшаяся с горы масса костяной брони ударила в их отряд.

Началась рукопашная схватка. Сразу же сказалось численное преимущество чукчей, но опытные бойцы Павлуцкого, уступая противнику в численности минимум в пять раз, дрались умело и упорно. По воспоминаниям выживших, свалка была такой плотной, «что неприятель у россиян ружья, копья, а россиане у неприятеля луки и копья ж отнимали руками и оборонялись ножами».

Русский отряд с боем и большими потерями, включая командира, отступил к подножию Юкагирской сопки, где укрылся от атак чукотских воинов за укреплениями, наспех построенными из саней. Позднее от пленных чукчей узнали подробности гибели майора Павлуцкого — при отступлении отряда он долго отбивался в окружении врагов, рубя саблей костяные наконечники их копий. Чукчи пытались расстреливать его из луков почти в упор, но майор в стальной кольчуге и шлеме был только ранен. С трудом чукчи свалили его арканами и добили ударом костяного копья в горло.

Битва продолжалась, пока на горизонте не появились несколько десятков передовых человек из шедшего следом отряда сотника Котковского. Завидев спешащее к русским подкрепление, чукчи тут же прекратили атаки и на оленьих упряжках скрылись за горизонтом.

Подошедший отряд Котковского не мог их преследовать, так как чукчи угнали у местных коряков почти всех оленей. Русским осталось лишь собрать тела павших и подсчитать потери, которые по меркам Крайнего Севера были чрезвычайно велики: из 97 человек отряда Павлуцкого погибло 41, в том числе командир и два казачьих сотника. Из 35 участвовавших в бою союзных коряков погибло 11. Один казак попал в плен. Потери чукотских воинов остались неизвестными, поскольку они увезли с собой всех своих убитых и раненных» (https://dv.land/spec/chukot-wars-1).

«Чукчи. Охота на моржа», худ. Игорь Пискунов

Одним из этих сотников, погибших в последнем сражении Павлуцкого, вероятно, и был Семен (Степанович?) Кривогорницын, который и предложил вступить в бой, не дожидаясь подкрепления...

В 1748 году в списках якутских казаков значится Дмитрий Кривогорницын и два Ивана — один из которых «Большей».

Река Кихчик считается родовым местом камчадалов Кривогорницыных. И это так, если говорить о XIX – начале XX столетий.

Но это не так, если говорить об истории XVIII века.

Степан Петрович Крашенинников описывал несколько поселений на реке, которую камчадалы называли Хчукыг, а русские переиначили в Кыкчик.

В устье реки был острожек Чаапынган или Нижне-Кыкчикский. «Строения в нем 1 юрта, 26 балаганов; ясашных и ноземцов 33 человека, в том числе собольников 13, лисишников 20; тойон называется Шемкоучь».

Верстах в трех выше Нижне-Кыкчикского острожка был расположен второй — Кыгынумт или «Кычынумют (Акангышев острожек)... строения в нем 29 балаганов; ясашных иноземцов 21 человек, в том числе 10 собольников, 11 лисишников; тойон Акабты».

И третий острожек — Чачамжу в верстах в восьми от предыдущего. «Строения в нем 7 балаганов, ясашных 7 человек, 3 собольника да 4 лисишников; лутчей мужик Тыкылкоз».

Главным был острожек Чаапыган, «а прочие под ведением его состоят».

Соответственно и верховным вождем реки был тойон Шемкоуч.

Камчадалы бассейна реки Кихчик были лояльны по отношению к русским казакам и участвовали вместе с казаками в кара-

тельной экспедиции 1731 года: «Прибывший еще в конце лета 1731 г. новый камчатский комиссар дворянин Иван Федорович Эверстов отправил из Большерецка на север по Пенжинскому побережью для наведения порядка отряд во главе с “походным приказчиком” пятидесятником Андреем Штинниковым. В состав отряда помимо пятидесяти казаков входило около тридцати ительменов под главенством тойонов Шемкоча, Акабыша (с р. Кыкчик) и Налача (р. Немтик), сохранивших верность русской власти. Штинников прошелся карательным рейдом по рр. Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Ича, Облуковина, приводя в покорность ительменов».

Эта карательная экспедиция действовала с особой жестокостью, за что иркутский (а прежде селенгинский) пятидесятник Андрей Штинников был повешен по приговору походной розыскной экспедиции.

В 1740-х годах в Кихчике появляются русские фамилии, полученные камчадалами при крещении: Елагины, Карымовы, Наумовы…

Но история камчатских Кривогорницыных — коренных камчадалов — начинается не с Кихчика, как это было принято считать, а с Ичи.

Именно Ичинский острог был центральным поселением русских на северо-западном побережье Камчатки в первой половине 18-го столетия, где располагались казаки, а также часто зимовали члены экипажей судов, осуществлявших доставку людей и продовольствия из Охотска в Большерецкий острог. Здесь, в Иче, был открыт молитвенный дом, а затем построена и единственная тогда на северо-западе Камчатки церковь, первым священником которой в 1758 году стал сын ичинского тойона Агишкина Иван Уваровский. И поэтому совершенно неудивительно, что именно в здешних местах первые из камчадалов, которые принимали крещение в честь примирения с русскими (то есть совершали, по сути, не таинство крещения, а факт братания, ибо крещение первое время проходило еще без священника и было «мирским», то есть не полным) и получали фамилии казачьих командиров – пятидесятника

Кривогорницыны: последний общий снимок в селе Кихчик

Ивана Атласова, сотника Семена Кривогорницына, сотника Ивана Уваровского.

Коренное изменение произошло после эпидемии 1799–1800 гг., когда обезлюдели поселения камчадалов, расположенных вблизи Большерецкого, Верхнекамчатского, Нижнекамчатского острогов и Петропавловского порта.

Именно тогда ичинские камчадалы Кривогорницыны были переселены на новое постоянное место жительство в селение Кихчик, которое и стало их новой Малой Родиной.

По архивным данным в 1812 году в Кихчике проживали трое братьев Кривогорницыных — Петр (1791), Никифор (1802) и Венедикт (1808) Васильевичи Кривогорницыны и Илларион Кривогорницын, отчество которого пока не установлено (возможно, четвертый брат, возможно, — просто родственник).

Но в истории Камчатки свой след оставили только две линии – линия Венедикта Васильевича и линия Иллариона Кривогорницыных.

Но брачные связи этих двух родов были довольно обширны. Хотя нам удалось установить только часть брачных союзов Кривогорницыных, их география охватывает практически все западное побережье полуострова и значительную часть местных родов: Вагины (Колпаково), Заевы (Кихчик), Артемьевы (Колпаково), Слободчиковы (Кихчик), Борисовы (Крутогорово), Соболевы (Облуковина), Яцкие (Коль), Новограбленные (Коль), Уксусниковы (Кихчик).

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. жители села Кихчик также, как и

Крайние слева и справа — Анатолий и Алексей Илларионовичи, в центре их племянник Геннадий Юрьевич — Кривогорницыны

Супруги Де — Лукерья Павловна (Кривогорницына) и Николай Де Ен Гук

представители других сел побережья, выставили своих ополченцев для отражения японских «хищников».

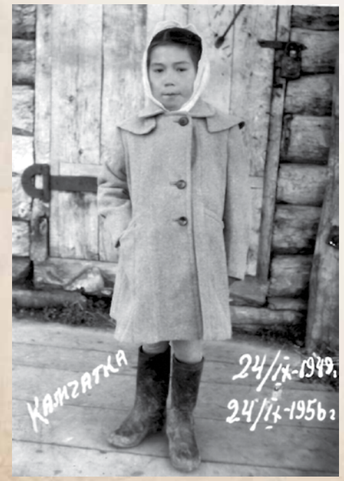
Это были Кривогорницын Илларион Илларионович (1868) и Кривогорницын Илья Ионович (1877), внук Венедикта Васильевича, которые были в составе Облуковинской дружины.

А 18 августа 1945 года представители рода Кривогорницыных были в составе Курильского десанта: сын Павла Ионовича, правнук Венедикта Васильевича, — Эммануил Павлович Кривогорницын (1927) и внук Николая Илларионовича — Андрей Гаврилович Кривогорницын (1925), награжденный медалью «За боевые заслуги».

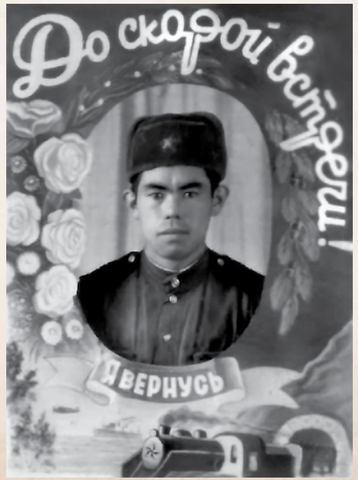
А вот какова дальнейшая история села, написанная нашими современниками: «…на ее берегу в 1926 году появились первые палатки жителей рыбацкого поселка Кихчик. Позднее, подальше от морского берега, были построены шесть утепленных бараков и семь домов барачного типа. В них селились сезонные рабочие. Много было неудобств, не было больницы, почты. В самом поселке был рыбокомбинат №44, а в 1929 году его переоборудовали, переоснастили, он стал четвертым государственным по счету рыбоконсервным заводом на Камчатке и получил такой же номер — четыре. К кихчинскому поселковому совету относились поселки Речной (время возникновения 1932 год) и Ближний (1938 год), расположенные на реке Кихчик. В 1935 году из кихчинского комбината отделился и стал самостоятельным Пымтинский рыбозавод.

…В 1936 году развернулось строительство жилья, производственных помещений. Использовалась местная береза, тополь. Древесину сплавляли по реке Кихчик. Образовывались улицы. В 1967 году их было десять, и каждая имела собственное имя. Вдоль улиц шпалерами тянулся штакетник, появлялись бетонные тротуары, цветы. Решена проблема колодцев, на улицах появлялись водоразборные колонки, а у многих жителей были установлены насосы в домах. В центре поселка выросло большое, светлое здание управления комбината. Были построены холодильники, механическая мастерская, электростанция, добротная баня, прачечная, детский сад и ясли на 130 мест, гостиница, библиотека, магазины. К услугам населения — клуб и типовая школа на 400 мест».

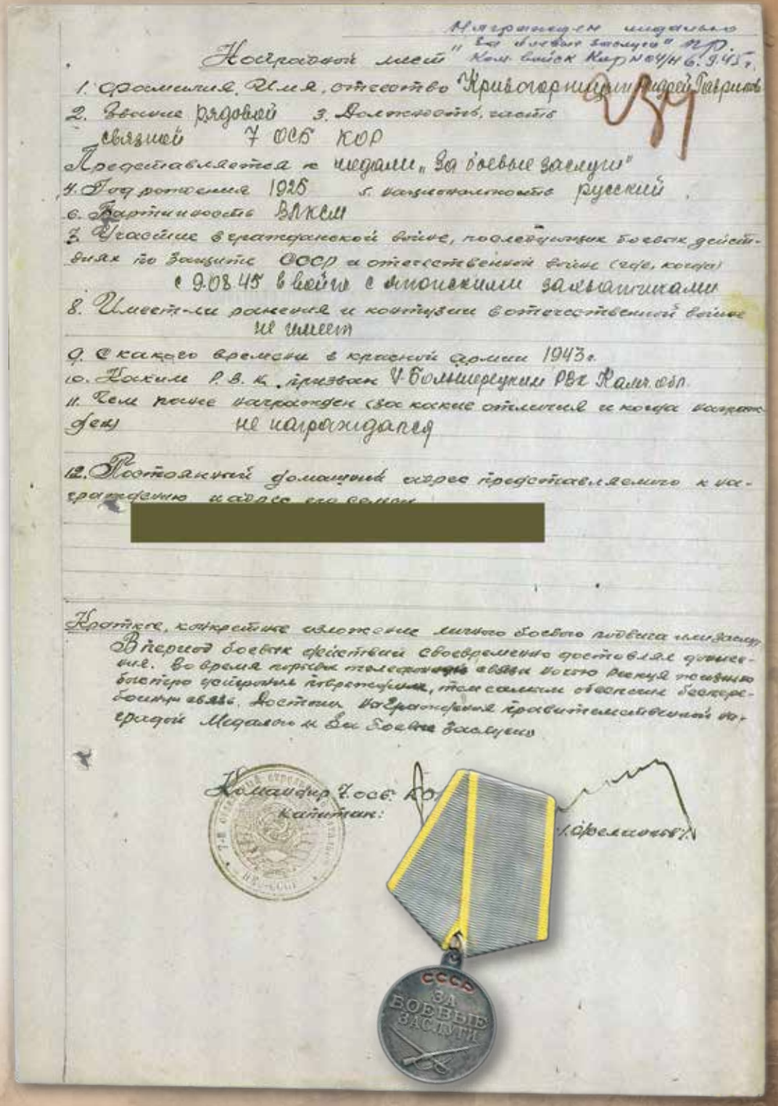
А затем случилась трагедия — в результате японской дрифтерной экспансии, когда на границе территориальных вод СССР японцы выставили такое количество плавающих (дрифтерных) сетей, которые

Татьяна Илларионовна Кривогорницына

Кривогорницын Юрий Илларионович (1955 г.)

перекрывали миграционные пути лососей в родные реки, подходы рыбы в камчатские реки резко сократились — и так продолжалось в течение двух десятков лет.

И вот он итог: «…наступил 1968 год. Вопрос о закрытии Кихчика стал ребром.… Не стало судов и рыболовецких сейнеров, рыбокомбинат стал убыточным хозяйством, сначала его сделали рыбной базой Октябрьского рыбокомбината, а в 1972 году совсем закрыли…».

ОСЬМИНИНЫ

В биобиблиографическом словаре «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII вв.» нет ни одного упоминания этой казачьей фамилии, которая оставила свой след на Камчатке при крещении аборигенов полуострова — камчадалов.

Это случилось в 1745 году. Крестником стал житель острожка Кирганик. Следовательно, Осьминин был казаком из Верхнекамчатского острога, в присуд которого входил этот острожек Кырген, который русские переиначили в Кирганик.

Фамилия довольно простая: Осьминин – это восьмой сын в многодетной семье.

Довольно не редкая русская фамилия в череде Первушиных, Вторушиных, Третьяковых, Пятковых, Шестаковых, Семухиных…

Кирганик был вполне благополучным острогом, когда в 1768 году на Камчатку обрушилось первое оспенное поветрие.

Вот, что произошло в описании А.С. Сгибнева: «В сентябре 1768 г. из Охотска было отправлено в Большерецк казенное судно «Св. Павел», на котором находился казак Тарабукин, не совсем выздоровевший от бывшей у него оспы. От Тарабукина оспа перешла на команду судна и жителей Большерецка, а потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших. В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбою и не дозволяли пить холодного — вот все меры, которые были приняты противу этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца июля 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле».

Иван Филиппович (слева)
и Екатерина Гергиевна Осьминины

Жители Кирганика, по всей видимости, избежали этой смертельной опасности, так как в дальнейшем мы видим появление кирганикских фамилий Осьмининых, Пановых, Пермяковых, Чуркиных в самых разных поселениях Камчатки.

В частности, родоначальником Осьмининых в селе Коряки стал Филипп Кириллович Осьминин (1801 г. р.), а в Ганалах — Петр (отчество неизвестно) Осьминин.

Дети Филиппа Кирилловича — Иван (1828) и Павел (1837) в 1855 году по призыву губернатора Камчатской области генерал-майора В.С. Завойко прибыли оборонять Петропавловский порт и участвовали в эвакуации его гарнизона.

Братья были награждены бронзовыми медалями на Андреевской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 гг.

В период Русско-японской войны на Камчатке в 1904–1905 гг. староста села Ко-

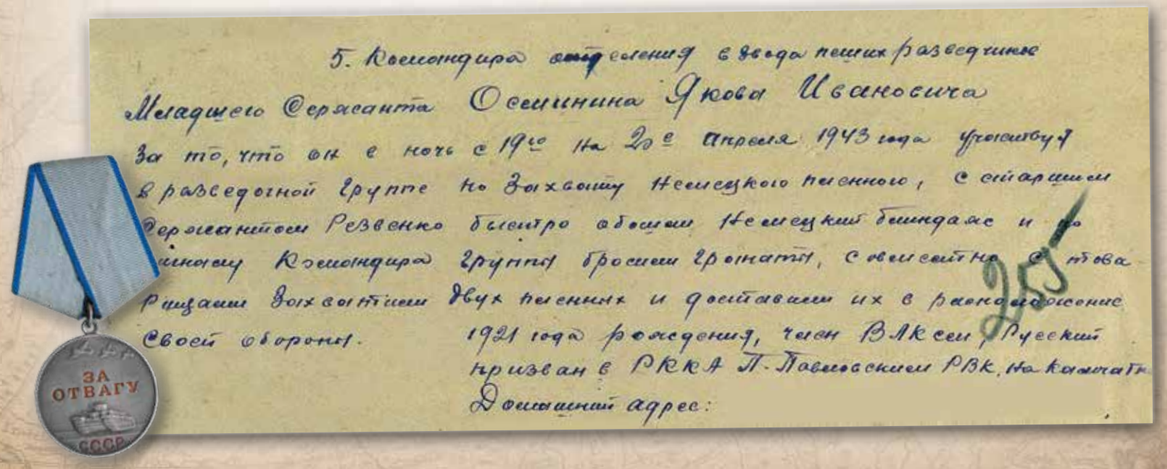
Доцент кафедры «Иностранные языки» КГТУ
Ольга Агафангеловна Фурс (Осьминина) со своими студентами

ряки Филипп Павлович Осьминин был награжден серебряной медалью «За усердие» — «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов», то есть за активное участие в создании народного ополчения из жителей села Коряки.

Непосредственно в боевых действиях отличился его брат Иван Павлович: «Участвовал при отражении японцев против с. Явино 6 июня, на реке Апале 10 июля 1905 г. и вел себя мужественно» (ЦГА ДВ ф. 1044, оп.1, д.11). За что и стал первым в семье Георгиевским кавалером (крест 4-й степени № 171300).

27 сентября 1940 года поступил на службу в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии Яков Иванович Осминин (так, без мягкого знака писали его фамилию в армии). В 1943 году он, будучи в звании младшего сержанта командовал взводом пешей разведки 1081 стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии 70-й армии Центрального фронта.

Его боевая фронтовая награда — медаль «За отвагу»: «За то, что он в ночь с 19-го на 20-е апреля 1943 года участвуя в разведочной группе по захвату немецкого пленного, с старшим сержантом Резенко быстро обошли немецкий блиндаж и по сигналу командира группы бросили гранаты, совместно с товарищами захватили двух пленных и доставили их в распоряжение своей обороны».

Пленные эти были настолько важными, что всю группу представили к награждению медалями «За отвагу».

Племянник Якова Ивановича — Василий Павлович Осьминин, будучи участником Курильского десанта, погиб на острове Шумшу 18 августа 1945 года.

Яков Иванович Осьминин

Участниками Курильского десанта были также Осьминин Петр Павлович (орден Отечественной войны в 1985 г.) и Осьминин Иван Алексеевич (племянник Якова Ивановича — сын его брата Алексея Павловича), который был награжден медалью «За боевые заслуги»:

Петр Павлович Осьминин

Наградить «Заместителя ком. отделения 3 пуль. роты мл. серж. Осьминина Ивана Алексеевича. За сохранение мат. части оружия при высадке с десантного корабля в трудных условиях и участия в бою за высоту ...171,0».

Для тех, кому неизвестно, в каких условиях совершалось десантирование основной группы Курильского десанта, сообщаем подробности.

Сначала — в полной тишине под естественным прикрытием тумана — была высажена штурмовая группа, состоящая из полковых разведчиков, пограничников и морских пехотинцев.

Но при отходе десантные корабли были обнаружены противником, и последующая высадка десанта происходила под прицельным кинжальным огнем японцев — и артиллерии, и пулеметов.

Поэтому десантные корабли производили высадку солдат и матросов на довольно большом удалении от берега и на больших глубинах. Красноармейцы были при полном боевом снаряжении, многие из камчадалов не умели плавать. Помимо боевого снаряжения красноармейцы несли на своих плечах тяжелые части от пулеметов и минометов. И это, повторяю, под кинжальным огнем японцев, у которых была пристрелена каждая точка.

В море, не добравшись до берега, погибли очень многие. Потери подсчитываются и по сей день.

Поэтому тот факт, что Иван Алексеевич не только добрался до берега, но и добрался с пулеметом, который обеспечил прорыв на высоту 171,0, был оценен командованием столь высоко.

Но вернемся к трудовым будням.

Племянник полкового разведчика Якова Ивановича Осьминина Георгий.

Вот его трудовая биография:

Осьминин Георгий Иванович (23.07.1935). Капитан дальнего плавания

1954 — закончил ШУКС малого плавания в Петропавловске-Камчатском. Направлен в УТФ (тралфлот).

1956 — получает рабочий диплом ШМП, № 158/56 от 20.12.1956 года и назначается 2-м помощником капитана СРТ-300 «Коршун».

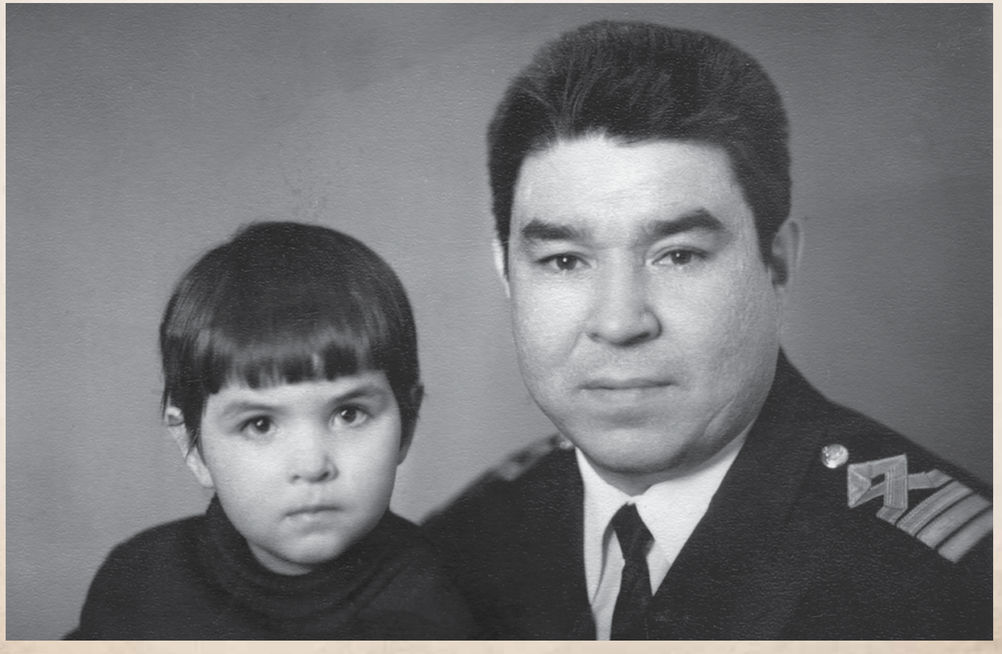
1959 — старший помощник капитана СРТ-300 «Орел».

1960 — получает рабочий диплом капитана малого плавания и назначается капитаном СРТ-300 «Северянин».

1962 — заканчивает УКК Камчатрыбпрома на штурмана дальнего плавания.

1963 — получает рабочий диплом ШДП, № 811/22 от 9.02.1963, во Владивостокском рыбном порту и назначается капитаном СРТ-300 «Калыгирь».

И в конечном итоге он — капитан дальнего плавания, капитан-директор большого морозильного траулера (БМРТ), кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

Капитан дальнего плавания Осьминин Георгий Иванович с дочерью Ларисой